

#2 (30), 2018 część 4

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w

Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze

wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo

publikowane jest w języku polskim, angielskim,

niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego
miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz
czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej
czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet
Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet
Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet
Jagielloński)

Kolub Frennen (University of
Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet
Warszawski)

#2 (30), 2018 part 4

East European Scientific Journal

(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The
journal is registered and published in Poland.

Articles in all spheres of sciences are published in the

journal. Journal is published in **English, German, Polish**

and Russian.

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the
journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet
Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet
Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet
Jagielloński)

Kolub Frennen (University of
Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków
Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet
Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie
85/21, 02-001 Warszawa, Polska»**

**Wschodnioeuropejskie Czasopismo
Naukowe**

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-
001 Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Po-
land

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Виноградов Е.О. МЕТОДИКА КОРРЕКЦИИ ТЕХНИКИ ПЛАВАНИЯ КРОЛИСТОВ ВЫСОКОГО КЛАССА НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ГРЕБКА	4
Ажиев А.В., Гадаборшева З.И. ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТСКОГО ДОСУГА КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СЕМЬЕ	7
Зуев Д.О., Кропачев А.В., Усов А.Е., Мостовщиков Д.Н. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	12
Мамрова В.Н. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	17
Токарева О. В. НАВЧАЛЬНА ТА ВИРОБНИЧА ПРАКТИКИ НА СУДНАХ ЯК ЧИННИК ФОРМУВАННЯ МОВЛЕННСВОЇ КУЛЬТУРИ МАЙБУТНІХ ФАХІВЦІВ МОРСЬКОЇ ГАЛУЗІ У ПРОЦЕСІ ПРОФЕСІЙНОЇ ПІДГОТОВКИ	21
Тулаев Б.Р., Даминов О.О. ПРОЕКТНЫЙ МЕТОД В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ	27
Шаяхметоова Дана Бексултановна, Уалиханұлы Абылайхан НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ	29
Кузьмин А. М., Федорова (Новикова) А. О. МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И ЛЮБИТЕЛЬСКИМ СПОРТОМ У СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА	33

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Boykov S.S. TRANSFORMATION OF GERMAN-AMERICAN RELATIONS IN THE 21ST CENTURY	38
Гарбузарова Е.Г. КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕЗИДЕНТСТВО А. АТАМБАЕВА	45
Макаренко L. THE MASS MEDIA IN THE DEMOCRATIC PROCESSES IN UKRAINE	49

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Artiukhova N.O. NATIONAL SECURITY OF UKRAINE IN TERMS OF INTERNATIONAL TRADE AND ECONOMIC COOPERATION: GLOBAL HAZARDS AND THEIR CLASSIFICATION	53
Гулиев Ф.Г., Кокоева Л.Т. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ	56
Smirnova V.O. HISTORICAL BACKGROUND OF DEVELOPMENT AND FORMATION OF THE PROCEDURAL STATUS OF A PERSON IN THE CRIMINAL PROCEDURE IN UKRAINE	59
Субботина О.М. МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА	63

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Евгений Олегович Виноградов,

аспирант, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург (НГУ им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург),

МЕТОДИКА КОРРЕКЦИИ ТЕХНИКИ ПЛАВАНИЯ КРОЛИСТОВ ВЫСОКОГО КЛАССА НА ОСНОВЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ГРЕБКА

Аннотация. В статье представлены результаты исследований, направленных на изучение техники выполнения гребка и последовательного применения методики по использованию комплекса специальных упражнений для пловцов-кролистов высокой квалификации. Применяемая методика позволила оценить индивидуальные особенности техники выполнения гребка, определить подбор комплекса упражнений, направленных на коррекцию и совершенствование проблемных зон подводной части гребка и установить методические рекомендации по использованию выбранного комплекса упражнений при подготовке пловцов-кролистов высокого класса.

Ключевые слова: коррекция техники плавания, динамические характеристики гребка, внутрицикловая скорость плавания, комплекс упражнений

METHOD OF CORRECTION OF SWIMMING TECHNIQUES BASED ON THE STUDY OF THE INDIVIDUAL CHARACTERISTICS OF THE STROKE OF FREESTYLE SWIMMERS OF HIGH QUALIFICATION

Andrei Ivanovich Krylov,

the doctor of pedagogical sciences, professor, The Lesgaft National University of Physical Education, Sport and Health, St.-Petersburg,

Evgenei Olegovich Vinogradov,

The Lesgaft National University of Physical Education, Sport and Health, St.-Petersburg,

Abstract. The article presents the results of studies aimed at investigating the technique of the stroke and consistent application of the technique by use of a complex of special exercises for freestyle swimmers of high qualifications. The applied methodology allowed to assess the individual characteristics of the technique of the stroke, determine the selection of a set of exercises aimed at correcting and improving the problem areas of the underwater part of the stroke and to establish guidelines for the use of the selected set of exercises in the preparation of freestyle swimmers of high class.

Keywords: freestyle, swimming technique improvement, swimming intra-cycle velocity, forces in swimming, a set of exercises.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий момент в мировом плавании на дистанциях в кроле у мужчин показатели спортсменов подняли планку плотности результатов до такого уровня, что первые 16 результатов в спринтерском плавании укладываются в 0,5 сотых секунды, а в плавании стаерского вида от 5 до 12 секунд, тем самым обозначив важность точности выполнения всех элементов подводной части гребка, оптимизации распределения усилий, повышения продвигающей силы и повышения качества добротности техники при проплывании.

Применение специальных комплексов упражнений для пловцов-кролистов высокой квалификации, специализирующихся на разных соревновательных дистанциях, будут способствовать решению задач по улучшению и совершенствованию отстающих зон подводной части гребка, формировать представление тренера о качестве и уровню технической подготовленности спортсмена а так же определить методические подходы к построению

тренировочного плана, направленного на совершенствование технического потенциала пловцов высокой квалификации.

МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В исследованиях, которые проводились в течение 2016 года на кафедре теории и методики плавания НГУ им. П.Ф. Лесгафта, принимали участие пловцы-кролисты высокого класса, члены сборной Санкт-Петербурга и России, чемпионы России, Европы и Мира, участники Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро, мастера спорта, мастера спорта международного класса, заслуженный мастер спорта, всего 11 человек. Пловцам предлагалось проплыть четыре отрезка по 25 м. Один отрезок с максимальной скоростью, а при проплывании трех других отрезков спортсмен, в соответствии со своим опытом, подбирает скоростной режим, который соответствовал его соревновательной скорости на дистанциях 50 м, 100 м. и 1500 м.

Проплывы фиксировались на подводную видеокамеру, а затем по каждому из проплывов вычислялись индивидуальные динамические характеристики цикла плавания в данном проплыве с использованием компьютерной программы DartFish и авторской программы Natatometry™ [2].

По полученным результатам модельных показателей и характеристик пловцов была построена динамическая фазовая структура гребка для каждого спортсмена и разработан комплекс специальных упражнений, направленный на совершенствование отстающих зон подводной части гребка и повышению качества добротности техники для пловцов-кролистов на различные дистанции.

Спортсмены выполняли назначенный комплекс упражнений в течении двух месяцев в общеподготовительном периоде.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В ходе проведенных исследований было установлено, что в биомеханике плавания в основном используется фазовая структура гребка, основанная на кинематических характеристиках [3]. Вместе с тем на основе анализа графика колебаний внутри-

цикловой скорости, совмещенного с видеорегистрацией, были определены основные упражнения, которые вошли в специальный комплекс:

1. Проплавание прямой рукой с акцентом на захват
2. Отведение руками с максимальной скоростью по направлению движения всторну-вниз (Рис.2).
3. Винт руками стилем “Брасс”, с поднятой головой с акцентом на максимальный захват руками в начале гребка
4. Рывок двумя руками по направлению движения вниз-назад
5. Отведение кистями на боку и переход в гребок, акцентируя внимание на чувство опоры ладонью во время отведения и перенос в силу гребка (Рис. 3).
6. Плавание с поднятой головой
7. Плавание вперед ногами на спине, выполняя винт двумя руками по направлению движения всторну-во внутрь.
8. Плавание вперед ногами на спине, выполняя двумя руками вверх движение 8-ку одновременно, с акцентом на чувство опоры.

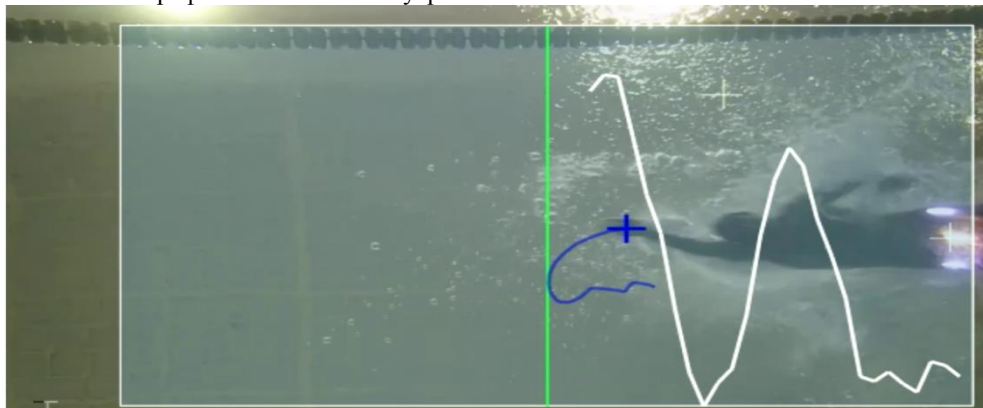
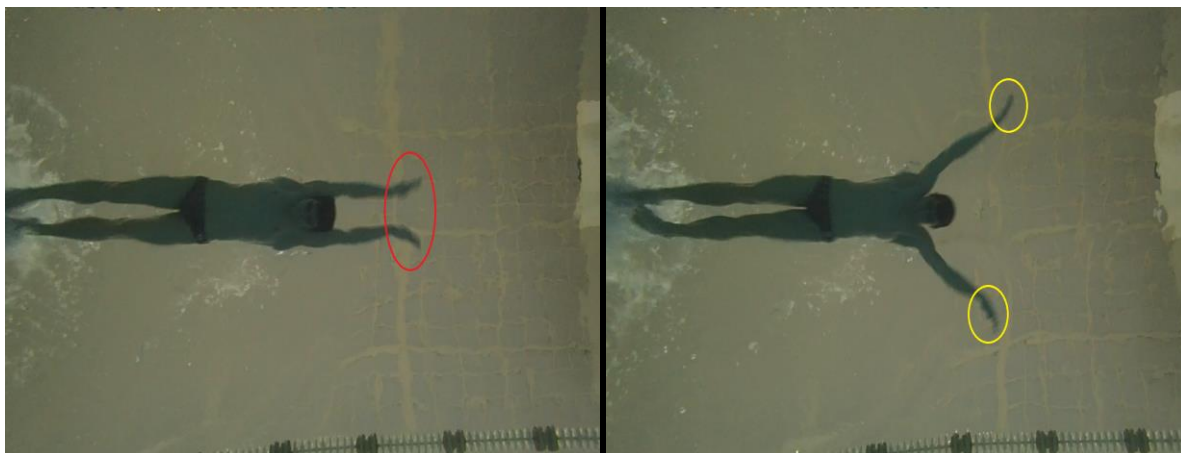

Рисунок 1. Пример кадра подводной видеосъемки с наложенным графиком внутрицикловой скорости и кинематической структуры выполнения гребка одной рукой. Вертикальная линия в центре графика указывает точку на графике, которая соответствует данному кадру.

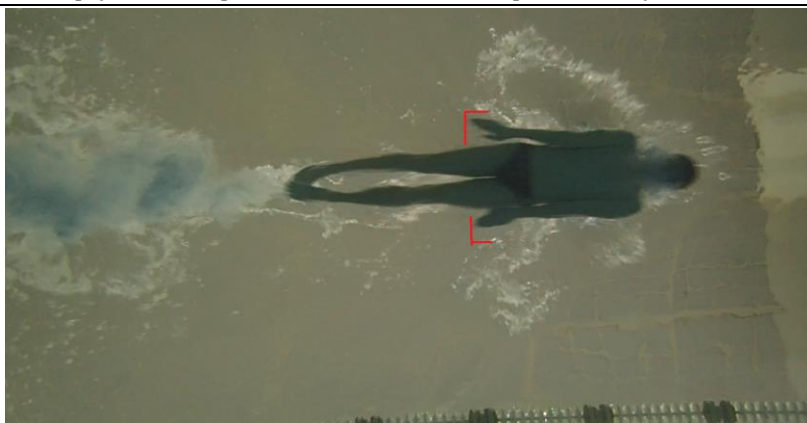

Рисунок 2. Упражнение из комплекса: отведение руками в сторону с максимальной скоростью по направлению движения в сторону-вниз.

Пловцы, выполняя это упражнение, в первую очередь акцентируют внимание на захват воды кистями рук в начале гребка, повышая тем самым квадрат площади опоры. Затем выполняя S-образную структуру в средней части гребка идет

увеличение показателей продвигающей силы. При правильном выполнении S-образной структуры, вся энергия и сила гребка переходит в фазу окончания без повышения размаха мгновенных ускорений в цикле.

Рисунок 3. Отведение кистями рук на бок и переход в гребок.

Выполняя это упражнение, пловцы вовлекают в гребок мышцы спины для повышения силы гребка и увеличения площади опоры, вследствие чего растет и подъемная сила. Один из важнейших

акцентов этого упражнения лежит на движении кистями рук во время отведения, с помощью которых пловец цепляется за воду и начинает гребок рукой без потери скорости и удерживает ее на протяжении всей части гребка.

Таблица 1. Пример прогрессии индивидуальных динамических показателей пловцов-кролистов после применения назначенного комплекса специальных упражнений.

Проплывы ДО	Сред. Скор.	Время 50 м	Время цикла	Шаг	Сумма a	Колмог	N	Nav
Fz-m1	1.566	32.88	1.10	1.67	20.48	3.51	326	200
Fz-2001	1.385	36.9	1.47	1.99	24.56	2.53	267	154
Fz-15001	1.242	41.3	1.57	1.91	21.17	2.97	383	139
St-m1	1.735	29.77	1.10	1.87	26.95	3.35	175	206
St-2001	1.432	34.45	1.74	2.52	50.13	1.79	50	110
St-15001	1.213	41.73	2.37	2.84	43.84	1.66	95	95
Проплывы ПОСЛЕ								
Fz-m	1.603	32.01	1.24	1.93	18.49	3.26	588	268
Fz-50	1.55	32.43	1.44	2.23	27.02	3.49	251	198
Fz-200	1.44	35.41	1.50	2.12	21.4	2.82	457	205
Fz-1500	1.40	36.21	1.97	2.72	30.5	2.55	260	175
St-m	1.86	27.72	1.07	1.93	28.5	2.98	168	238
St-50	1.811	28.45	1.13	1.99	35.38	2.15	89	185
St-200	1.48	34.3	1.67	2.43	37.4	2.14	112	142
St-1500	1.28	39.4	2.20	2.79	34.7	2.12	186	132

Таким образом, в ходе проведенных исследований было установлено, что кинематические фазовые структуры гребка в плавании могут рассматриваться только в комплексе с их динамическими характеристиками. Было установлено, что каждый пловец-кролист высокой квалификации имеет свои особенности в динамической структуре гребка[4].

Подобранный комплекс специальных упражнений, направленный на совершенствование отстающих зон подводной части гребка, помог спортсменам улучшить их индивидуальные динамические характеристики и существенно повлиял на качество показателей добротности техники при проплывания.

Литература

1. Крылов, А.И. Внутрицикловая скорость плавания кролем на груди / А.И. Крылов, А.А. Бутов, Е.А. Виноградов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2016. – № 2 (132). – С. 106-110.
2. Крылов, А.И. Нататометр – прибор для коррекции стиля плавания на основе определения внутрицикловой скорости / А.И. Крылов, А.А. Бутов, Дж. Вент // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2014. – № 7 (113). – С. 109-112.
3. Крылов, А.И. Коррекция техники плавания на основе динамических характеристик гребка

/А.И. Крылов, Е.А. Виноградов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2017. – № 4 (146). – С. 103-105.

4. Крылов, А.И., Виноградов Е.О. Изучение динамических характеристик гребка пловцов-кролистов высокой квалификации // Культура физическая и здоровье ВГПУ г. Воронеж. – 2(62)-2017 С.-12-15.

References

1. Krylov, A.I.; Boutov, A.A.; Vinogradov E. A. (2016) "Quality and instantaneous intra-cycle swimming velocity"
2. Krylov, A.I.; Boutov, A.A. and Wendt, G. (2014) "Nanatometr. Real-time velocity data for swimming stroke correction" Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta, Vol. 113, No. 7, pp.109-112.
3. Krylov, A.I.; Vinogradov E. A. (2017) "Correction of swimming techniques using dynamic characteristics of the stroke" Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta, Vol. 146, No. 4, pp.103-105.
4. Krylov, A.I.; Vinogradov E. A. (2017) "The study of the dynamic characteristics of the strokes of freestyle swimmers of high qualification" Physical education and health VGPU, Voronezh – 2(62)-2017 С.-12-15.

Ажиев А.В.

. Чеченский государственный педагогический университет, к.п.н., профессор кафедры педагогики и дошкольной психологии, г. Грозный, проректор по учебной работе и информатизации.

Гадаборшева З.И.

Чеченский государственный педагогический университет, к.п.н., доцент кафедры педагогики и дошкольной психологии, г. Грозный, заведующий кафедрой педагогики и дошкольной психологии.

ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТСКОГО ДОСУГА КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СЕМЬЕ

Аннотация: на этапе формирования познавательного интереса, влияющего на развитие личности ребенка необходимо найти новые воспитывающие и образовательные методы и формы досуговой деятельности. В этой связи возникает вопрос о роли семейного воспитания в познавательном интересе ребенка при организации его досуга.

Ключевые слова: семья, дошкольный возраст, детский досуг, игра, развитие, сюжетно-ролевая игра.

CHILDREN'S LEISURE AS A MEANS OF DEVELOPMENT OF COGNITIVE INTERESTS OF CHILDREN OF SENIOR PRESCHOOL AGE IN THE FAMILY

Abstract: at the stage of formation of cognitive interest affecting the development of the child's personality it is necessary to find new educational methods and forms of leisure activities. In this regard, there is a question about the role of family education in the cognitive interest of the child in the organization of his leisure.

Keywords: family, preschool age, children's leisure, game, development, plot-role-playing game.

Дошкольный возраст находится в разрезе интенсивной социализации и личностного развития ребенка. Это возраст приобщения к социокультурным правилам, формирования познавательных интересов и ценностных ориентаций, освоения разнообразных форм самостоятельной активности, возникновения личностного становления сознания. Необходимо отметить, что социализация и приобщение ребенка к ресурсам познания происходят в

процессе совместной деятельности со взрослыми. И в этом виде исследование структуры досуга ребенка в семье, особенностей организации различных видов досуговой деятельности современного дошкольника позволяет воссоздать установочные позиции родителей в познавательной ситуации развития современного дошкольника.

Семья является основным формирователем

личностного развития ребенка. Родители, воспитывая ребенка, являются самыми первыми «значимыми» для него, кто предоставляет нормативные направления и передает социокультурные примеры, создающие основу познавательных интересов. То есть при организации разнообразных видов досуга детей взрослые, с одной стороны, являются участниками совместной деятельности с детьми, а с другой, – подбирают информационные и художественные продукты, формируя пространство для творческой деятельности современного ребенка. И в этом виде важны такие аспекты в организации досуга дошкольника, как включенность взрослых, в первую очередь родителей в совместную деятельность с детьми и наличие представлений родителей о наполнении пространства художественным и культурным контентом.

Более характерными для старшего дошкольного возраста источниками получения социокультурного опыта являются такие видовые формы досуговой деятельности, как игра, чтение художественных детских произведений и просмотр мультипликационных сюжетов.

Досуговая деятельность является одним из важных ресурсов повышения познавательной активности детей, способна стимулировать процесс творчества и самореализации личности.

Подходы к формированию и развитию личности освещались в трудах Л.И. Божович, В.В. Давыдова, М.В. Зиновьевой, Р.С. Немова, Б.Д. Элькомина и других авторов.

изучение досуговой деятельности старшего дошкольника, как средства развития его познавательного интереса является одной из важных целей в воспитание дошкольников.

В психолого-педагогической литературе «досуг» определяется как часть времени, находящегося за пределами работы. Это та часть, которая остается после неотложных действий, отводимых на сон, питание, дорогу в образовательное учреждение и обратно, самообслуживание в быту и т.д. Досуг тесно привязан к физическому и духовному развитию индивида и охватывает деятельность ребенка в ДОУ и его самообразование, приобщение к традициям, нормам и правилам в воспитательном процессе, занятия по творчеству, художественной самодеятельности, общение в детском коллективе и др. [13].

В общечеловеческом понимании досуга разделяется на основные группы.

1. Досуг, связанный с уровнем культуры и состоянием ума и души. В этом виде досуг можно рассматривать с позиции эффективности в деле.

2. Досуг в виде деятельности. В данный вид включены ценности самореализации.

3. Досуг в виде свободного времени. Это время, когда индивид занимается тем, что не является его обязанностью.

Досуг не редко сопоставляется с проведением свободного времени - оно имеется у многих, но досугом владеют не все. Досуг может совместить отдых с трудом. Основная часть досуга в социуме задействована различными видами отдыха, хотя понятие «досуг» вбирает в себя и такие виды

деятельности, как продолжение образования, общественная добровольная (волонтерская) работа [10].

Досуг можно осмысливать в виде основной части культуры, имеющий глубокие и сложные связи с общими проблемами общества. Досуг является благодатной почвой для апробирования детьми основных человеческих потребностей. В ходе досуга ребенку легче формировать уважительное отношение к себе, даже личностные недостатки можно пересилить через досуговую активность.

Досуг в значительной степени отвечает за формирование характера ребенка, в особенности таких качеств как проявление инициативы, уверенности в себе, сдержанности импульсивности, а также проявление мужественности/женственности, выносливости, настойчивости, порядочности и др. Досуг может стать решающим фактором для физического развития детей, поддержать эмоциональное здоровье, помогает выйти из стресса и неприятностей и является значимым в предупреждении умственной отсталости и реабилитации больных детей. Особая значимость досуга заключается в том, что он помогает ребенку, осуществить все лучшее, что в нем есть [6].

Можно обозначить **реальный досуг** (общественно полезный) и **мнимый** (лично значимый, стоящий за границей общественной полезности).

Реальный досуг объединяет личность и общество. В этом смысле создается состояние деятельности, свободы из текущих дел, посредством выделения времени для отдыха, самоактуализации, развлечений.

Мнимый досуг обусловлен умением тратить свое время на бесполезные для общества занятия и ведет к асоциальным поступкам [4].

Приведем основные характеристики досуга детей:

- досуг с выраженным физиологическим, психологическим и социальным аспектами;
- досуг основан на добровольном желании при выборе характера деятельности и уровня активности;
- досуг открывает дорогу свободной творческой деятельности;
- досуг формирует и актуализирует личность;
- досуг помогает самовыразиться, самоутвердиться посредством свободно выбранных действий и формирует потребность детей ощущать себя свободными и независимыми;
- досуг помогает раскрыться природным талантам и приобрести необходимые умения и навыки, стимулирует творческое видение предмета деятельности;
- досуг удовлетворяет потребностей личности, способствует формированию ценностных ориентаций;
- досуг является «зоной ограниченного вмешательства со стороны взрослых»;
- досуг помогает ребенку объективно себя оценивать, формировать позитивную «Я- концепцию», социально значимые личностные потребности и традиции общества.

Характер детского досуга является основополагающим для обозначения его функций.

Творческая самоорганизация личности ребенка актуализирует запрограммированных в онтогенезе задатков, реализует сформированные в процессе активности в обществе способности, которые лучше раскрываются во время досуга. Основой для этого является свободная творческая активность.

В качестве основных видов досуговой активности дошкольников рассматриваются игры, творческая деятельность и просмотр мультипликационных сюжетов.

Значение игры для познавательного развития ребенка оценивается как преобладающее. Специалисты в сфере дошкольного воспитания допускают, что в сюжетно-развивающей игровой форме задействованы все высшие психические функции и личностные особенности ребенка. Игра воздействует на интеллектуальное развитие и помогает тому, что ребенок переходит к образному мышлению и развивает представления и способности, позволяющие понять иную точку зрения [3; 25].

В копилке психолого-педагогической науки имеются различные теории детской игры: Ф. Шиллера, Г. Спенсера, В. Вундта, К. Грооса, В. Штерна, К. Бюллера, З. Фрейда, Э. Эриксона, Ж. Пиаже и др. [12; 33]. В этом ряду важное место занимают положения об игре ребенка-дошкольника, сформулированные в отечественной психологии в работах М.И. Болотовой [6], Л.С. Выготского [2], А.В. Запорожца [5], Д.В. Менджерицкой [7], М.А. Михайловой [8], С.Л. Новоселовой [9], Д.Б. Эльконина [14] и др.

Когда-то Л.С. Выготский [2], обозначая значение детской игры в психическом развитии, писал, что игра имеет роль в развитии, правила формируют волю, а мнимая ситуация ведет к абстракции. В целом же игра создает зону ближайшего развития. В игре ребенок поднимается над своим возрастом, он становится выше самого себя, он действует в воображаемом мире, создает произвольные намерения, формирует жизненную стратегию, волевые мотивы.

Продолжая эти мысли, Д.Б. Эльконин [14: 322] рассматривал игру как ведущую деятельность дошкольника, в которой происходит «первичное эмоционально-действенно е направление в смыслах деятельности индивида». Вместе с этим автор отмечал, что игра принадлежит к моделирующему типу деятельности, в котором мало задействована операционно-техническая сторона. Предметом этой деятельности является взрослый как носитель значимых общественных функций и вступающий в отношения с другими индивидами. Основное же направление детской игры – действовать как взрослый. В ходе своего развития ребенок непрестанно «подражает» взрослым. В ситуации межличностных отношений приходится внутренне проигрывать как систему своих действий, так и их последствия, поэтому необходимость формирования внутреннего плана действий зарождается именно в системе связей с обществом.

В механизме игровой деятельности Д.Б. Эльконин отмечает следующие составляющие: ролевая позиция, игровые ситуации по воплощению образа, игровое замещение предметов (перенос значения), правила игры, реальные отношения в группе играющих детей. Именно эти компоненты действительны для развитого вида ролевой досуговой игры [14].

Таким образом, игровой досуг – это деятельность, в которой ребенок сначала на эмоциональной ступени, а затем интеллектуальной осваивает отношения с социумом. Это специфический вид освоения реальности при помощи ее воспроизведения и структурирования.

Необходимо отметить значение сюжетно-ролевой игры. В своем развитии игровой досуг, с одной стороны, даёт ребенку возможность игровой роли и выполнению игровых действий для прочного усвоения социальных норм, а с другой – в игровой деятельности формируются механизмы произвольного поведения, подчинение своего поведения правилам общества через персонажей игры. Другими словами, сюжетно-ролевая игра – деятельность, в которой дети принимают на себя определенные общественные функции, определенные роли и сюжетом, и в создаваемых ими игровых воображаемых действиях воспроизводят ситуации игровых персонажей и отношения между ними [30].

Основной в детской игре является роль, которую примеряет на себе ребенок. В ходе ролевого действия отношение ребенка к действительности меняется. Важным моментом создания досуговой игровой ситуации является перенос значений с одного предмета на другой.

По мнению С.Л. Рубинштейна [13], у ребенка в игровой деятельности возникает возможность и необходимость «заменять предметы, функционирующие в соответствующем неигровом практическом действии, другими, которые могут служить выполнению игрового действия. В ходе игрового действия эти предметы меняются на значение, определяемое функцией, которую дети в игровом действии производят. В итоге такой характер игры обуславливает вероятность ее перехода в воображаемые действия» [13:652].

Экспериментальной работой Н.М. Нужнова отмечает, что детям весьма важно, чтобы в их игре присутствовали роли и воображаемые ситуации. Роль, которую принимает на себя ребенок, на корню перестраивает как его действия, так и значения предметов, с которыми он совершает действия. Роль является понятийным ядром игры и для ее воплощения служат и создаваемые игровые ситуации, и игровые действия [10].

Еще одним основным моментом в структуре досуговой игры является соблюдение игрового правила. Отметим, что развитие ролевых игр первоначально происходит от игр с развернутого игрового сюжета и правилами к играм. Л.С. Выготский отмечал, что любая игра с правилом связана с мнимой ситуацией [2].

В игре впервые появляется особая форма переживаний ребенка – воодушевление от того, что он

действует по требуемым правилам. Это определяет формирование произвольного поведения. В этом понимании характерно сопоставление условности в игре. Как отмечает Ю.М. Лотман, это называется воспроизведение, замещающее собой действительность, особенностью его является двуплановость [1].

Для определения специфики организации досуга ребенка в семье родителям был задан специальный вопрос: «Как Вы обычно проводите свободное время с ребенком?». Респондентам предлагалось выбрать из списка совместных занятий с ребенком не более трех позиций.

После исследования мы пришли к показателям, что многие родители предпочитают следующие формы проведения совместной с ребенком досуговой деятельности: чтение (52,8%), игры (48,0%), прогулки (43,4%). Кроме того, 25,5% родителей указывает на совместный с ребенком просмотр телевизионных передач. Оставшиеся формы проведения досуга отмечаются значительно реже.

Полученные данные указывают на то, что определяющим дифференцирующим фактором в методе организации детского досуга, является полоролевая позиция родителей.

Например, матери в значительной степени чаще предпочитают прогулки и чтение, отцы же склонны к совместному просмотру телевизионных программ и игры на компьютере. Эти различия довольно содержательны по такому принципу, как «активность – пассивность». Так, прогулки и прочитывание книг подразумевают деятельное участие взрослого как организатора семейного досуга, сидение же возле телевизора и игровые действия на компьютере не предполагают постоянной включенности во взаимоотношения с ребенком. Таким образом, можно предположить, что матери в отличие от отцов занимают более активную направленность на совместное проведение досуга и чаще оказываются в это вовлечены.

Помимо влияния полоролевого отношения родителей на организацию досуговой деятельности ребенка, существенным оказывается и такой фактор как пол ребенка. Родители мальчиков чаще, чем родители девочек, выбирают совместную игровую деятельность (53,1% и 43,6% соответственно, $p = .001$), в то время как родители девочек чаще уделяют внимание художественно-творческой стороне: чтению (55,2% и 52,1% соответственно, $p = .04$), раскраске и рисованию (17,1% и 13,3% соответственно, $p = .0007$).

Но, с возрастом ребенка родительское отношение при организации совместного времяпровождения значительно претерпевает изменения: с возрастом ребенка активность родителей в различных видах совместной досуговой деятельности (чтение, игры, просмотр видеосюжетов) уменьшается. Родители все чаще предпочитают привлечь ребенка к работе по дому, вовлечь его в собственную деятельность как помощника. Из этого, можно составить дополнительное мнение о том, что социально-ролевое отношение родителей при организации досуга дошкольников изменяется по мере его взросления

и уменьшается активность взрослого по участию в разных формах совместной деятельности.

Обратим внимание на воздействие стилевых особенностей детско-родительских взаимоотношений (авторитарный стиль, направленность на равноправие), которые оказывают влияние на организацию досуговой деятельности родителей и детей. Так, если среди родителей, придерживающихся авторитарного стиля воспитания (выбравших вариант ответа «считаю, что ребенок должен безукоризненно подчиняться требованиям родителей и других взрослых в семье»), соотношение предпочитающих обсуждение с ребенком книг составляет 32,8%, то среди сторонников равных отношений взрослого и ребенка («Считаю, что ребенок должен быть равноправным со взрослым членом семьи») таких существенно больше – 53,0% ($p = .004$). В свою очередь родители с авторитарным стилем воспитания чаще, чем родители с равноправными подходами в отношениях с ребенком, указывают, что их дети самостоятельно организуют свое свободное время (22,2% и 7,9% соответственно, $p = .0039$). Таким образом, склонность к авторитарному стилю ограничивает кооперацию взрослого и ребенка в совместной деятельности.

Для осмысления содержательных особенностей по организации совместного досуга с ребенком обозначим в деталях каждую из родительских позиций. Так, для матерей при проведении досуга девочек свойственна направленность на совместную игровую деятельность и приобщение ребенка к реальным партнерским отношениям (раскраска, рисование, привлечение к помощи по дому).

Таким образом, организовывая свободное время дочери мать намерена осуществлять сотрудничество, как способ приобщения ребенка к традиционным формам ролевого поведения женщин (привлечение к домашним обязанностям) через игровую деятельность. Заметим, что при воспитании мальчика для матери привлечение его к совместной практической деятельности оказывается незначимым - тут в основном происходит совместная игра.

Несколько отличная позиция наблюдается у отцов мальчиков. Они, так же, как и матери, направлены на совместную игровую деятельность с сыном, но в то же время при организации свободного времени склонны к совместному просмотру телевизора и интернета (т.н. виртуальные формы коммуникации). Другими словами, поведение отцов мальчиков направлено на привлечение к традиционным видам проведения мужского досуга. Таким образом, при воспитании ребенка очевидно видно влияние полоролевого родительского отношения: ориентация матери на приобщение дочери к традиционным для женщин формам досуга, а отцы, в свою очередь, передают сыновьям мужской стиль при проведении свободного времени.

По нашему мнению, очевидна неумелая позиция отцов при воспитании девочек. С одной стороны, так же, как и при воспитании мальчиков, они привлекают дочерей в традиционно мужские формы проведения досуга (просмотр телепередач,

интернета), а с другой — у них не получается поддерживать совместную досуговую форму, как это происходит в общении с сыном, ориентируясь на получение совместных с ребенком эстетических чувств (прослушивание музыки, просмотр интернета). В данном случае можно сделать вывод о том, что игровая деятельность замещается приобщением ребенка к познавательным интересам через информационное пространство, но сам взрослый не выступает реальным вдохновителем, т.е. сам не читает дочери книг, не рисует вместе с ней, не участвует в совместной игре и т.п. По нашему мнению, такая тенденция может объясняться гендерными отличиями в развитии игровой деятельности у мальчиков и девочек, и, как следствие, недостатка у отца опыта проведения и поддержания игры, свойственной девочкам.

В этой связи неизменный интерес представляет соотношение позиций матерей и отцов, воспитывающих девочек. Как отмечалось, при воспитании дочерей матери, с одной стороны, придерживаются традиционно женского стиля проведения досуга (приобщение ребенка к домашнему труду), а с другой — организуют совместную игру с ребенком. Отцы же, используя мужской стиль воспитания, намерены скорее не поддерживать игру дочери, а получить совместные эстетические переживания. Это позволяет составить вывод о том, что в семье при воспитании дочерей выявляется некая тактика, сущность которой заключается в выполнении «принципа дополнения» социально-ролевых воспитательных позиций отцов и матерей.

Отметим, что в работе рассмотрен малый круг вопросов, связанных с изучением детского досуга. Как перспектива развития данного направления целесообразно оценить влияние целого ряда других социальных факторов, в первую очередь: количество детей в семье, порядок рождения и пол детей в семье, материальный статус семьи, уровень образования родителей, возраст родителей, национальность, трудоустроенность, включенность бабушек/дедушек и других родственников в воспитание детей и др. Изучение влияния данных факторов при организации детского досуга представляют особый интерес и будут изучены на дальнейших этапах развития исследования.

Список литературы

1. Бурменская, Г.В. Хрестоматия по детской психологии / Г.В. Бурменская. – М.: Институт практической психологии, 2006. – 264 с.
2. Выготский, Л.С. Психология развития ребенка / Л.С. Выготский. – М.: Смысл, 2014. – С. 200-508.
3. Доронова, Т.Н. Дошкольное учреждение и семья – единое пространство детского развития / Т.Н. Доронова и др. – М.: Линка-Пресс, 2011. – 411 с.
4. Жарков, А.Д. Технологии культурно-досуговой деятельности / А.Д. Жарков. – М.: МГУКИ, 2012. – 287 с.
5. Запорожец, А.В. Психологическая структура ребёнка / А.В. Запорожец // Избранные психологические труды в 2-х томах. – М.: Педагогика, 2016. – 345 с.
6. Кленов, Н.В. Культурно-досуговая сфера УДОД // Дополнительное образование и воспитание / Н.В. Кленов. – 2008. – №7. – С. 12-18.
7. Менджерицкая, Д.В. Воспитателю о детской игре / Д.В. Менджерицкая. – М.: Просвещение, 2012. – 211 с.
8. Михайлова, М.А. Праздники в детском саду. Сценарии, игры, аттракционы / М.А. Михайлова. – Ярославль: Академия Развития, 2016. – 240 с.
9. Новоселова, С.Л. Родителям о детских играх и игрушках / С.Л. Новоселова. – М., 2012. – 167 с.
10. Нужнова, Н.М. Методы организации зрелищно-игрового досуга / Н.М. Нужнова. – Улан-Удэ, 2015. – 126 с.
11. Петрова, Т.И. Театрализованные игры в детском саду: Разработки занятий для всех возрастных групп с методическими рекомендациями / Т.И. Петрова, Е.Л. Сергеева, Е.С. Петрова. – М.: Школьная Пресса, 2014. – 96 с.
12. Практикум по возрастной психологии / под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. – СПб.: Речь, 2010. – С. 271–280.
13. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2013. – 713 с.
14. Эльконин, Б.Д. Психология игры / Б.Д. Эльконин. – М.: Владос, 2014. – 360 с.

Zuev D. O.

*Independent Consultant, USA, Colorado,
Leading architect of Networks and cloud computing*

Kropachev A. V.

*Bell Integrator, США, USA, Colorado,
Head of Automation Solutions Department*

Usov A. E.

*PJSC IC «Rosgosstrakh», Russia, Moscow,
Technical architect*

Mostovshchikov D. N.

*Bell Integrator, Russia, Moscow,
Head of system installation solutions department*

Зуев Денис Олегович

*независимый консультант, США, Колорадо,
ведущий архитектор сетей и облачных вычислений*

Кропачев Артемий Васильевич

*Bell Integrator, США, Колорадо,
руководитель департамента решений автоматизации*

Усов Алексей Евгеньевич

*ПАО СК «Росгосстрах», Россия, Москва,
технический архитектор*

Мостовщиков Дмитрий Николаевич

*Bell Integrator, Россия, Москва
руководитель отдела решений системной инсталляции*

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE
SPECIALISTS IN THE SPHERE OF INFORMATIONAL TECHNOLOGIES
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Summary: The sphere of informational technologies assumes the presence of high qualification and professionalism among specialists of this profile. The article established a number of didactic factors necessary for learning technology software development. This is a teaching material; organizational and pedagogical influence; educability student, time; interdisciplinary relations. It was stated, that modern forms of teaching is also important, essentially changing the ways and means of implementing the educational process, its organizational and managerial aspect - distance learning, self-study of students. This requires the means of educational and methodical support of the process of forming the skills and learning self-study of students, using new information technologies, the introduction of research results into practice.

Key words: information technologies, IT, software, didactic factors, distance learning, self-study of students, professionalism, software development technology, informational and communicational technologies.

Аннотация: Сфера информационных технологий предполагает наличие высокой квалификации и профессиональности у специалистов этого профиля. В статье установлен ряд дидактических факторов, необходимых для обучения технологиям разработки программного обеспечения. Это учебный материал; обучаемость учащихся; организационно-педагогическое влияние; время; междисциплинарные связи. Констатируется, что также важны современные формы обучения, существенно изменяющие способы и средства реализации учебного процесса, его организационно-управленческий аспект – дистанционное обучение, самостоятельная работа студентов. Для этого необходимы средства учебно-методического обеспечения процесса формирования умений и навыков самостоятельной учебной работы студентов с использованием новых информационных технологий, внедрение результатов исследований в практику.

Ключевые слова: информационные технологии, IT, программное обеспечение, дидактические факторы, дистанционное обучение, самостоятельная работа, профессионализм, технология разработки программного обеспечения, информационно-коммуникационные технологии.

Постановка проблемы. С быстрым темпом развития информационных технологий возникает необходимость расширения подготовки в высших учебных заведениях соответствующих высококлассных специалистов, отвечающих современным динамичным запросам общества и бизнеса.

На сегодняшний момент компьютерная индустрия достигла высокого развития. Все это повлияло на сложность разрабатываемых приложений. Технология разработки программного обеспечения предполагает наличие высокой квалификации и профессиональности у разработчиков. Конечно же, это дает вызов образовательному процессу, т. к. главная задача современного образования – подго-

дствия достигла высокого развития. Все это повлияло на сложность разрабатываемых приложений. Технология разработки программного обеспечения предполагает наличие высокой квалификации и профессиональности у разработчиков. Конечно же, это дает вызов образовательному процессу, т. к. главная задача современного образования – подго-

товить компетентных, конкурентоспособных специалистов.

Анализ последних исследований и публикаций. На данный момент научных работ по связанным с профессиональной подготовкой будущих специалистов в сфере информационных технологий и разработки программного обеспечения в России существует не так много, т. к. эта область обучения для формального сегмента образования является сравнительно новой. Различные аспекты этой проблемы рассмотрены в трудах И. В. Гавриловой [1], Н. Д. Жилиной [2], О. В. Кочетковой [3], Л. В. Курзаевой [4], Л. Ф. Насейкиной [5], Л. Б. Таренко [6], Л. К. Шаймардановой [7], Д. Е. Яблокова [8], Н. У. Ярычева [9] и др.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Проблема качественной подготовки будущих специалистов в сфере информационных технологий является актуальной на сегодняшний момент. Кроме того, область ИТ развивается настолько быстро и динамично, что преподавание дисциплин, связанных с информационными технологиями, не всегда успевает за изменениями, происходящими в данной сфере, что обуславливает актуальность дальнейших научных поисков в этом направлении.

Целью статьи является изложение основ профессиональной подготовки будущих специалистов в сфере информационных технологий на современном этапе развития образования в РФ.

Изложение основного материала. По данным Федерального портала «Российское образование» [10] на сегодняшний день количество специальностей ИТ-сферы существенно возросло, что обусловлено востребованностью данного направления на рынке труда. При этом также увеличивается количество учебных заведений, которые предлагают обучение по ИТ-специальностям.

Сегодня на образовательном рынке происходит подготовка по целому ряду специальностей: прикладная математика, компьютерная математика, информатика, прикладная и социальная информатика, математическое и компьютерное моделирование, криптология, системы искусственного интеллекта, системный анализ и управление, информационно-коммуникационные технологии, системы и методы принятия решений, информационные технологии проектирования, информационные управляющие системы и технологии, системное проектирование, компьютерные системы и сети, компьютерный эколого-экономический мониторинг, системное программирование, инженерия программного обеспечения, специализированные компьютерные системы, компьютеризированные и робототехнические системы, компьютеризированные системы управления и автоматика, автоматизированное управление технологическими процессами, компьютерные системы управления подвижными объектами, автоматика и автоматизация на транспорте, компьютерно-интегрированные технологические процессы и производства.

При этом за рубежом действует несколько иная классификация учебных программ в сфере ИТ: Networking and Communication (Сети и Коммуникации), Operating system (Операционная Система), Computational Science (Вычислительная Наука), Architecture and Organization (Архитектура и Организация), Platform-Based Development (Разработка на Базе Платформы), Discrete Structure (Дискретная Структура), Paralel Distributes (Параллельные Распределения), Graphics and Visualization (Графики и Визуализация), Programming Languages (Языки Программирования), Algoritms and Complexity (Алгоритмы и Сложность), Software Development (Разработка Программного Обеспечения), Human-Computer Interaction (Взаимодействие Человека и

¹ Гаврилова И. В. Исследовательская подготовка будущих специалистов по информационным технологиям в университете : монография / И. В. Гаврилова. – Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. – 298 с.

² Жилина Н. Д. Особенности формирования аналитических умений у будущих специалистов в области информационных технологий / Жилина Н. Д., Таренко Л. Б. // Образовательные технологии и общество. – 2016. – Т. 19. – № 4. – С. 364-376.

³ Кочеткова О. В. Актуальные проблемы практической подготовки будущих специалистов в области информационных технологий / Кочеткова О. В., Кочетков А. Б. // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2015. – Т. 3. – № 9-1 (20-1). – С. 105-109.

⁴ Курзаева Л. В. К вопросу об опережающем обучении будущих специалистов по информационным технологиям / Курзаева Л. В. // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. № 12-3. С. 312-314.

⁵ Насейкина Л. Ф. Структурно-функциональная модель формирования профессиональной компетентности будущих ИТ-специалистов / Насейкина Л. Ф., Тагиров В. К. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 2 (177). – С. 118-123.

⁶ Таренко Л. Б. Формирование аналитических умений у будущих специалистов в области информационных технологий : диссертация ... кандидата педагогических наук

: 13.00.08 / Таренко Людмила Борисовна; [Место защиты: Марийск. гос. ун-т]. – Нижний Новгород, 2016. – 214 с.

⁷ Шаймарданова Л. К. Специфика профессионального обучения студентов – будущих специалистов информационных технологий / Шаймарданова Л. К. // Уникальные исследования XXI века. – 2016. – № 9 (21). – С. 95-115.

⁸ Яблоков Д. Е. Формирование профессиональной компетентности будущих специалистов в области информационных технологий / Яблоков Д. Е., Яблокова Л. В. // Образование в современном мире: стратегические инициативы : сборник науч. трудов Всеросс. науч.-методической конференции с международным участием, посвященная 75-летию ун-та. – 2017. – С. 388-391.

⁹ Ярычев Н. У. Методика применения информационно-коммуникационных технологий в профессиональной подготовке будущих специалистов в области информатики / Ярычев Н. У. // Современные педагогические технологии профессионального образования : сборник материалов Междун. заочной науч.-практ. конференции / под редакцией Ф. Н. Алихановой. – 2017. – С. 184-189.

¹⁰ Направления подготовки и специальности высшего профессионального образования [Электронный ресурс] / Федеральный Портал «Российское образование». – Режим доступа: <http://www.edu.ru/abitur/act.106/index.php> (дата обращения 15.01.2018)

Компьютера), Software Engineering (Инженерия Программного Обеспечения), Information Assurance (Информационная Безопасность), Systems Fundamental (Фундаментальные Системы), Information Management (Управление Информацией), Social Professional Practice (Социальная Профессиональная Практика), Intelligent Systems (Интеллектуальные Системы). Концепция обучения в сфере информационных технологий предусматривает приобретение знаний на протяжении всей жизни как в рамках формальной системы образования и квалификации, так и за ее пределами.

Существует ряд факторов, которые необходимо учитывать при подготовке будущих специалистов в сфере информационных технологий. Можно выделить несколько основных дидактических факторов, которые необходимо учесть для обучения технологиям разработки программного обеспечения: учебный материал; обучаемость учащихся; организационно-педагогическое влияние; время; междисциплинарные связи.

Например, учебный материал содержит в себе список тем, перечень инструментария для проведения учебного процесса. В составе данного фактора можно выделить два комплексных: 1) перечень тем, которые содержат учебный материал, качество, форму изложения; 2) знания, приобретаемые в процессе дидактической работы, структура, способ, доступность изложения.

Особенно в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов в сфере информационных технологий важна интеграция междисциплинарных связей. Например, дисциплина «Технология разработки программного обеспечения» в вузах связана с дисциплинами «Программирование для начинающих», «Программирование», «Программирование на языке Java», «Программирование на языке Python», «Алгоритмы и структуры данных», «Базы данных и информационные системы», «Дискретная математика» «Математика», «Объектно-ориентированное программирование», «Программирование и поддержка веб-приложений», «Специализированные языки программирования», «Операционные системы», «Системное программирование», «Программное обеспечение SOHO», «Проектирование программных систем». Междисциплинарные связи формируют не только необходимые будущим специалистам ИТ-сектора знания, умения, навыки, но и их дальнейшее представление о специфике работы по выбранной специальности.

Сегодня также важны современные формы обучения, которые существенно изменяют способы и средства реализации учебного процесса, его организационно-управленческий аспект. В частности, это дистанционное обучение, самостоятельная работа студентов. Для этого необходимы средства учебно-методического обеспечения процесса формирования умений и навыков самостоятельной учебной работы студентов с использованием новых

информационных технологий, внедрение результатов исследований в практику.

Переход от школьной системы образования к вузовской также является определенной проблемой. Адаптация к профессии для студентов первого курса компьютерных специальностей является не менее сложной. Например, австралийские университеты ежегодно проводят международную конференцию, посвященную проблемам первого года обучения «First Year in Higher Education Conference» (FYHE) [11]. Конференция предоставляет возможность повышения качества научно-практических навыков в образовании в первый год обучения в ВУЗе. Обсуждается широкий круг вопросов, которые сфокусированы на следующих темах: институциональный уровень инноваций для FYHE; стратегии, которые учитываются в социальной интеграции в высшем образовании; содействие развитию перспектив в FYHE; академические и профессиональные партнерства для расширения FYHE; финансовая сторона обучения студентов и др.

Рассмотрим одну из сторон подготовки будущих специалистов в сфере информационных технологий на примере изучения учебных дисциплин «Язык программирования Java», «Программирование для начинающих», «Программирование», «Программирование на языке Java», «Программирование на языке Python», «Алгоритмы и структуры данных», «Базы данных и информационные системы», «Дискретная математика», «Объектно-ориентированное программирование», «Программирование и поддержка веб-приложений», «Специализированные языки программирования», «Операционные системы», «Системное программирование», «Проектирование программных систем», которые включены в программу для студентов направления подготовки «Информатика». Перед началом изучения дисциплины «Технология разработки программного обеспечения» студент должен понимать такие вопросы, как что такое программирование; что такое объектно-ориентированное программирование; должен иметь начальные навыки структурного программирования (например, уметь программировать на языке Java или C++); иметь общее представление о синтаксисе и структуре языков программирования; уметь логически, пошагово составлять структуру реализации полученной задачи и т. д. – все это студенты получают на более ранних этапах обучения.

Начало изучения дисциплины, связанной с разработкой программного обеспечения, может сопровождаться рядом неудач. Неудачи могут быть объяснены не только недостатком знаний, которые должны были быть приобретены на предшествующих этапах обучения, но и недостаточностью развитыми способностями студента. Для полноценного овладения навыками разработки программных продуктов необходимо чтобы любой студент в процессе обучения развивался и самостоятельно реализовывал свои возможности, благодаря уже полученным

¹¹ FYHE Centre [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fyhe.com.au/> (дата обращения 16.01.2018)

заданиям.

В отличие от школьного процесса, обучение в вузе направлено на проявление у студентов самостоятельности, самореализации, воплощение собственных идей, создание нового. Осуществляя указанные виды деятельности, студенты решают различного рода задачи с разной целью и сложностью. Учебная деятельность подразумевает постановку и выполнение учебных заданий для того, чтобы овладеть определенным умением, освоить те или иные навыки в области разработки программных продуктов. В процессе осуществления учебной деятельности происходит формирование не только общего умения учиться, но и общей способности поиска и нахождения новых решений, нестандартных способов получения необходимых результатов, новых подходов к решению различных ситуаций.

Рассмотрим принципы обучения объектно-ориентированному подходу на примере изучения языка Java. Знания, умения, навыки в данной области позволят перейти на следующий – более сложный этап обучения, который предлагает дисциплина «Технология разработки программного обеспечения» [12].

Восприятие объектно-ориентированных языков программирования, таких как Java для начинающих студентов обычно представляет определенные трудности. Преподаватель сталкивается с необходимостью использования новых идей для определения концепций программирования, написания кода и отладки программ. В прошлом традиционные методы преподавания Java использовали обычный формат лекции. По опыту, можно сделать вывод, что формат лекции хорошо подходит для высоких достижений студентов с очень хорошими аналитическими навыками. На традиционных лекциях трудно понять все концепции языка Java. Ранее языки, такие как Java и C, не учили на младших курсах. Сегодня внедрение объектно-ориентированного программирования в младшие курсы, особенно Java, становится все более и более распространенным. Существует определенный недостаток в обучении Java для начинающих студентов. Это приводит к тому, что преподавание языка Java для младших курсов затруднено или даже невозможно [13].

Для преодоления трудностей при обучении Java и других объектно-ориентированных языков

программирования необходимо применять определенный подход к обучению программированию. При посещении студентами лекций, им приходится усваивать большой объем лекционного материала. Например, часовая лекция, состоящая из тем, которые охватывают три различные концепции программирования, сложна для студентов. Это приводит к недопониманию объектно-ориентированного программирования в целом. Студентам, не усвоившим эти знания, трудно самостоятельно применить их на практических занятиях или выполнять домашнее задание. Таким образом, ознакомление студента с основными концепциями объектно-ориентированного программирования заканчивается в кабинете лектора, и студент не в состоянии применить эти знания на практике. Оказывается, что при преподавании Java традиционный формат лекции часто не работает. Необходимо применить подход, при котором студенты лично участвуют в написании кода, когда лектор объясняет материал на лекции. Кроме того, важно, чтобы студенты имели возможность тестировать и отлаживать код в присутствии лектора. Использование компьютеров в аудитории может помочь студентам лучше понять концепции программирования Java-классов.

Как было указано выше, немаловажную роль при подготовке будущих специалистов в сфере информационных технологий играют междисциплинарные связи. Дисциплина «Технология разработки программного обеспечения» направлена на подготовку специалистов в разработке программных продуктов высокого уровня, немаловажную роль при этом играют дисциплины для подготовки будущих специалистов, которые изучаются на первом курсе. Одной из таких дисциплин является дисциплина «Программирование для начинающих», изучение которой направлено на повышение мотиваций в обучении студентов компьютерных специальностей, основой могут быть, например, продукты Alice [14], Scratch [15].

Это удобные редакторы, с помощью которых можно создавать фильмы, играть с различными объектами, видоизменять их вид, перемещать их по экрану. С использованием таких программных продуктов проходит начало изучения концепций объектно-ориентированного программирования. Игровая форма проведения занятий для начальных курсов интересна, легка в восприятии, запоминании, понимании материала [16; 17].

¹² Федотов Е. С. Концепция формирования студентами технологии разработки программного обеспечения в ходе обучения по дисциплине «технологии разработки программного обеспечения» / Федотов Е. С. // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2015. – № 2. – С. 132-133.

¹³ Лапенюк М. В. Курс «технология JAVA» как элемент подготовки студентов по программированию / М. В. Лапенюк // Ученые записки ИУО РАО. – 2005. – № 16. – С. 215-217.

¹⁴ Alice 2.x, Alice 3.x [Электронный ресурс] / Carnegie Mellon University. – Режим доступа: <http://www.alice.org/>

¹⁵ Скретч [Электронный ресурс] / Lifelong Kindergarten, MIT Media Lab. – Режим доступа: <https://scratch.mit.edu/>

¹⁶ Родченков П. В. Создание игровых проектов для мобильных устройств как средство обучения студентов программированию / Родченков П. В., Газейкина А. И. // Использование информационно-коммуникационных технологий в образовании : сборник научных работ / отв. ред. М. В. Лапенюк. – Екатеринбург. – 2014. – С. 63-67.

¹⁷ Родченков П. В. Создание игровых проектов как средство обучения студентов программированию / Родченков П. В., Газейкина А.И. // Информационно-коммуникационные технологии в образовании : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред.: Б. Е. Стариченко, И. Н. Слинкина, А. И. Газейкина, И. В. Рожина. – 2013. – С. 51-55.

Также дисциплиной, которая существенно влияет на формирование навыков программирования, для студентов первого курса является «Математика», являющаяся «проводником» между математическими дисциплинами и информатикой.

На втором курсе хотелось бы отметить изучение дисциплины «Программное обеспечение SOHO» (изучение презентации проектов, верстки программной документации, систем автозапуска и др.), на третьем курсе – «Алгоритмы и структуры данных», на третьем курсе изучаются дисциплины, такие как: «Язык программирования Java», «Объектно-ориентированное программирование» и т. д., на четвертом – «Проектирование программных систем».

Как и ряд других профессий, профессия разработчика программного обеспечения накладывает некоторые особенности на типы личностей. Считается, что программисты – это несколько аутичные интроверты (тихая, замкнутая, личность со своим мировоззрением). Отчасти оно так и есть. Например, экспрессивный программист IT с тренируемой харизмой с течением времени, скорее всего, перейдет в управление либо оставит данную деятельность. Работа в сфере IT требует нестандартного мышления для удовлетворения при помощи написания программного кода потребностей общества и бизнеса в цифровизации и автоматизации различных процессов.

Модернизация системы образования подвигает к широкому внедрению в учебный процесс средств коммуникаций и информационных технологий с целью решения различных образовательных задач. Большое внимание уделяется вопросам развития и максимального использования технических средств. Можно выделить различные аспекты, которые играют немаловажную роль при подготовке будущих специалистов в сфере информационных технологий: научность; концептуальность (ориентир на определенную концепцию, которая содержит философские, психологические, социально-педагогические, дидактические обоснования образовательных целей); обновление (возможность использования этих технологий в других условиях, с другими субъектами); диагностичность; эффективность обучения (гарантия достижения запланированного результата); алгоритмичность; информационность и др.

Методы и формы, используемые для подготовки разработчиков программного обеспечения, являются целевыми для формирования таких знаний и умений, понятий, необходимых будущим специалистам в сфере IT в их будущей профессиональной деятельности, как: программирование, объектно-ориентированное программирование, алгоритм, язык программирования, модульность программ, структурное программирование, диаграммы потока данных, абстракция данных, программное окружение, структурные языки, возможность многократного использования частей программного

обеспечения, визуальное программирование, объектно-ориентированное программирование и проектирование, каталоги проектных парадигм, CASE-инструментарий, мегапрограммирование.

Можно также выделить еще один немаловажный аспект – влияние изменений в образовании с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Под ИКТ-ориентированным образованием подразумевается широкое и комплексное, эффективное использование ИКТ при реализации учебной, научной и управленческой функций образования. Такая форма направлена на реализацию принципов открытого образования, которое постепенно приобретает свои содержательно-технологические черты.

С ИКТ-ориентированным образованием может быть связано развитие следующих содержательно-технологических компонентов: компьютерно-ориентированное образование; локальные и общедоступные электронные образовательные ресурсы; ИКТ поддержка функционирования глобального, в том числе открытого информационного образовательного пространства, открытых ИКТ-ориентированных педагогических систем, социальных сообществ.

Выводы. Сфера информационных технологий предполагает наличие высокой квалификации и профессиональности у специалистов этого профиля. Сегодня IT развивается настолько быстро и динамично, что преподавание дисциплин, связанных с информационными технологиями, не всегда успевает за изменениями, происходящими в данной сфере. Поэтому концепция обучения в сфере информационных технологий предусматривает приобретение знаний на протяжении всей жизни как в рамках формальной системы образования и квалификации, так и за ее пределами.

Установлен ряд дидактических факторов, необходимых для обучения технологиям разработки программного обеспечения: учебный материал; обучаемость учащихся; организационно-педагогическое влияние; время; междисциплинарные связи.

Сделан вывод о значимости современных формы обучения, которые существенно изменяют способы и средства реализации учебного процесса, его организационно-управленческий аспект. В частности, это дистанционное обучение, самостоятельная работа студентов. Для этого необходимы средства учебно-методического обеспечения процесса формирования умений и навыков самостоятельной учебной работы студентов с использованием новых информационных технологий, внедрение результатов исследований в практику.

Для поддержания высоких навыков разработки программных продуктов необходимо чтобы будущий специалист в течении всей жизни развивался и самостоятельно реализовывал свои возможности, периодически проходил дообучение и доподготовку, что и составляет перспективы дальнейших исследований в этом направлении.

*Mamrova V.N.
Chelyabinsk, Russian Federation*

*Мамрова Виктория Николаевна
г. Челябинск, РФ*

HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM OF ENSURING THE SAFETY OF PRESCHOOL CHILDREN ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА.

Abstract: The article is devoted to the study of issues related to the safety of children of preschool age. The detailed analysis of the problem is given. Three tasks of dealing with health and safety issues are presented. A security formula is presented.

Аннотация: Статья посвящается исследованию вопросов, связанных с безопасностью детей дошкольного возраста. Дан развернутый анализ проблемы. Представлены три задачи решения проблемы безопасность жизнедеятельности. Представлена формула безопасности.

В последнее время активно поднимается вопрос о формировании личности безопасного типа, которая способна к предвидению ситуаций, опасных для человека, общества и окружающей среды и разрешению их на принципах сотрудничества. В Письме Минобрнауки РФ от 30 августа 2005 года № 03 - 1572 «Об Обеспечении безопасности в образовательных учреждениях» отмечается, что решение проблем безопасности возможно только путем применения комплексного подхода, сочетающего в себе меры по развитию культуры в области безопасной жизнедеятельности, обучение безопасному поведению в опасных ситуациях природного, техногенного и социального характера. В связи с этим необходим поиск новых педагогических методов и технологий обеспечения социальной безопасности ребёнка [4, С. 10].

У дошкольников часто наблюдается недостаточная готовность к самосохранительному поведению, слабое развитие умений и навыков анализа обстановки, прогнозирования последствий своих действий. Таким образом, возникает необходимость уберечь детей от опасностей, не подавив их естественную любознательность, открытость и доверие к миру, не напугать их и подготовить к полноценной жизни. Кризисное на настоящий момент состояние института семьи порождает новые вопросы, требующие изучения. Падение ценности родительства, преобладание малолетних и неполных семей, экономические трудности – всё это в целом приводит к незащищенности ребёнка дошкольного возраста в современных условиях жизни в обществе, что делает важным и необходимым изучение семьи как фактора социальной безопасности и защищённости ребёнка. Меры защиты в случае необходимости включают эффективные процедуры для разработки социальных программ с целью предоставления необходимой поддержки ребёнку и лицам, которые о нём заботятся.

Проблема безопасности нашла отражение и в русской философии. В этом плане особый интерес представляют идеи естественнонаучного (В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.А. Чижевский) и религиозного (Н.Ф. Федоров) направления русского

космизма. Считая главной среди насущных проблем бытия проблему выживания, русские мыслители искали научные способы совершенствования мира и достижения вечной жизни.

Трудами многих ученых созданы научные предпосылки для разработки средств и методов защиты от опасностей. Безопасность жизнедеятельности представляет серьезную проблему современности и включает в себя, по мнению ученых, решение трех задач:

1. Идентификация опасностей, то есть распознавание опасностей и их источников.
2. Разработка превентивных или предупредительных мер.
3. Ликвидация возможных последствий.

Таким образом, формула безопасности гласит: предвидеть опасность; при возможности избегать; при необходимости действовать [9, С. 4].

В Древнегреческой философии утверждается мнение Аристотеля, согласно которому в человеке заложено внутреннее стремление к благу – стремление к счастью, безопасности. В понимании Аристотеля безопасность возможна лишь в процессе приносящей удовольствие деятельности, стремиться к которой – значит идти к своему собственному благу [7, С. 63]. Единственно возможной безопасной формой общежития для Аристотеля, как и для Платона, является город-государство, цель которого – воспитание граждан в духе добродетели. Проблема безопасности нашла отражение и в русской философии. В этом плане особый интерес представляют идеи естественнонаучного (В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.А. Чижевский) и религиозного (Н.Ф. Федоров) направления русского космизма. Считая главной среди насущных проблем бытия проблему выживания, русские мыслители искали научные способы совершенствования мира и достижения вечной жизни.

С середины XIX века в классической педагогике наряду с общими вопросами образования и воспитания детей значительное место стали занимать вопросы воспитания здорового образа жизни, гигиена труда, привития навыков санитарно-гигиенических навыков и навыков безопасного поведения.

К.Д. Ушинский писал, что «образование уменьшает число опасностей, угрожающих нашей жизни, уменьшает число причин страха и, давая возможность измерить опасность и определить ее последствия, уменьшает напряженность страха ввиду этих опасностей» [5, С.24].

В отечественной дошкольной педагогике советского периода проблема охраны жизни и здоровья детей была признана очень важной и практическое выражение находила в некоторых программных документах, методической литературе и опыте дошкольного воспитания. Так, в конце 20-30-х годов в работах по трудовому воспитанию О. Дегтяренко, Н. Ковальковской, Э. Краснопольского и др. отмечалось, что детей дошкольного возраста необходимо знакомить с некоторыми вопросами техники безопасности в быту, включающими правила обращения с потенциально опасными предметами [9]. В проекте Программы работы дошкольных учреждений (по видам деятельности) была сделана попытка определить объем данных умений в каждой возрастной группе. Например, по мнению авторов, детям среднего дошкольного возраста доступно:

- овладение молотком, ножом, пилой, клещами, вырезание ножницами, первичное владение иглой;
- представление, что при кипении образуется пар, что пользование техникой в быту облегчает труд человека;
- умение пользоваться бьющейся посудой, мясорубкой для проветывания овощей и вымоченного хлеба и другими техническими приспособлениями в быту, водопроводом;
- стирка и глажение мелких вещей, мойка и резка овощей для винегрета;
- знание, что огонь греет, освещает и жжется и что с ним нужно обращаться осторожно (с младшей группы);
- знакомство с разнообразными средствами передвижения людей и грузов; с телефоном;
- понимание, что глина, песок, камни в огне не горят и что от воды, снега, песка огонь гаснет;
- наблюдение изменения продуктов при варке, сушке, жарке; приготовление на маленькой плите разных кушаний [6, С. 9].

П.Лич и П. Статман в своих исследованиях отмечают, что преимущество дошкольников в обучении персональной безопасности состоит в том, что они любят правила и целиком придерживаются их. Если правила кем-то забываются, отклоняются, то малыш мгновенно реагирует на это. Стремление ребенка этого возраста к логичности поможет взрослым обучить его правилам безопасности [57].

Однако в 1936-1937 годах при переработке программ детского сада данные вопросы из нормативных документов исключаются. Возникают у ряда практических работников трудности (недостаточность методического обеспечения, отсутствие необходимых пособий и вследствие этого желаемого результата в развитии детей и приобретении ими знаний) привели к заключению, что материал, формирующий представления о бытовой и других

видах техники, чересчур сложен и его следует исключить из методики работы с дошкольниками. И хотя в дальнейшем ряд ученых (Л.И. Грехова, Т.В. Земцова, Л.М. Кларина, Н.Н. Никандров и др.), изучая вопросы ознакомления дошкольников с техническими явлениями, обнаружили, что детям доступны сведения о магнетизме, электричестве, механических и физических явлениях, а также об устройстве бытовых и транспортных машин, проблема обеспечения безопасности при работе с ними должного отражения в программных документах дошкольного образования 1964–1985 г.г. не нашла [6].

Вопросы привития навыков основ безопасности детям старшего дошкольного возраста отражены в научных трудах Н.Н. Авдеевой, Л.П. Анастасовой, К.Ю. Белой, Г.К. Зайцева, В.Н. Зимониной, О.Л. Князевой, Л.А. Кондрыкинской, И.Ю. Матасовой, Р.Б. Стеркиной, Л.Г. Татарниковой, Л.Ф. Тихомировой, Т.Г. Хромцовой и др.

Н.А.Мельниковой, Л.И.Захаровой, Г.А.Шакуровой разработана план-программа «Один дома» для детей старшего дошкольного возраста, имеющая следующие направления:

- один дома (звонок в дверь, телефонный звонок, пожар и т.д);
- один во дворе (травма ребенка или сверстника, разговор с незнакомым взрослым, общение с животным);
- один на улице (правила дорожного движения и т.д).

Авторами предлагаются анкеты для детей, родителей, педагогов, а так же различные формы работы [6, С. 44-52].

Исследования Т.Г.Хромцовой посвящены проблеме воспитания безопасного поведения дошкольников в быту. Программа и методическое пособие «Азбука «АУ»» О.Г.Жуковой направлены, прежде всего, на изучение правил поведения в чрезвычайных ситуациях природного характера.

Первая работа по обучению детей вопросам безопасности осуществляются в дошкольных образовательных учреждениях. В 1995 г. была разработана программа «Основы безопасности детей дошкольного возраста», в соответствии с которой детям старших групп в игровой форме доводятся знания по вопросам правил дорожного движения, безопасного поведения в быту и другие элементарные понятия безопасного поведения. В дошкольном возрасте знания детьми усваиваются определенным образом по исследованиям Н.Н. Подъякова [8, С 44]. Фрагментарное включение вопросов безопасности в имеющиеся предметы дошкольного обучения не имело бы системного характера и не позволило бы в необходимой мере использовать потенциал учебного процесса.

Под понятием «Обеспечение безопасности детей дошкольного возраста», мы понимаем целенаправленный процесс обеспечения состояния психологической и физической защищенности при самоконтроле в жизнедеятельности.

В Законе РФ «О безопасности» от 5.3.1992 N 2446-1, 2646/1-1 Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности,

общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Безопасность жизнедеятельности

2 – 3 года	3 – 4 года	4 – 5 лет	6 – 7 лет
Ребенок очень доверчив, безопасный отдых на природе: знакомство с правилами безопасного взаимодействия с животными, первичные представления о транспорте, правила безопасного общения с предметами можно – нельзя, опасно.	Стремление ребенка быть независимым от взрослого и действовать как взрослый, может демонстрировать небезопасные способы поведения.	Осознанность и произвольность поведения у ребенка, становится возможным действия более сложных задач в области безопасности, но при этом следует учитывать непосредственность волевых процессов.	Поведение на природе, знакомство с понятиями ураган, молния, развитие свободной ориентации в пределах детского сада, знакомство с дорожными знаками, работой ГИБДД, закрепление правил безопасного поведения с бытовыми предметами, звонки 01, 02, 03, безопасное поведение во время игр.

Создание развивающей среды в дошкольной организации является важнейшим направлением реформы дошкольного образования в России. Целенаправленное изучение влияния предметно-пространственной развивающей среды на развитие ребенка началось в 60-ых годах XX в. К 80-ым годам, благодаря С.Л. Новоселовой, Н.Н. Подъякову и др. для детей раннего и дошкольного возраста были созданы система развивающих игрушек и дидактических пособий, разработаны принципы формирования предметной среды, однако само понятие «предметно-развивающая среда детства» было введено в педагогику в 1988 г [4, С. 25].

1 января 2014 вступает в силу Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования, образовательная область «Безопасность» включается в образовательную область «Социально коммуникативная». Формирование основ безопасности в быту, социуме, природе.

Безопасность предметно-пространственной среды предполагает соответствие всех её элементов требованиям по обеспечению надёжности и безопасности их использования [2, С. 33].

Дети развиваются лучшим образом тогда, когда они действительно увлечены процессом обучения. Тщательно продуманная среда развития сама побуждает детей к исследованию, активности, проявлению инициативы и творчества. Построение предметно-пространственной среды взрослыми позволяет организовать как совместную, так и самостоятельную деятельность детей так, чтобы воспитать в ребенке навыки безопасного поведения на улицах, дорогах. В этом случае среда выполняет образовательную, развивающую, воспитывающую, стимулирующую, организационную, коммуникативную функции. Среда работает на развитие самостоятельности и самостоятельности ребенка.

По убеждению М.Монтессори, «наведение порядка в среде, где находится ребенок, благоприятствует усвоению им образцов социального поведения и созданию внутреннего духовного строя» [1, С. 5].

Принимая во внимание разработки многих ученых, а так же федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования, мы попытались разработать карту анализа предметно-пространственной среды (см. таблицу ниже). В ее основе лежит критериальная шкала, разработанная Л.М. Фридманом [2 - 3].

Карта анализ предметно-пространственной развивающей среды

№	Критерии	Баллы		
		1	3	5
1	Насыщенность			
1.1	среды соответствует возрастным возможностям детей			
1.2	образовательное пространство оснащено средствами обучения, соответствующим и материалами, в том числе расходными, игровым, спортивным, оздоровительным оборудованием, инвентарём			
1.3	обеспечивает игровую, познавательную, исследовательскую и творческую активность всех категорий воспитанников, экспериментирование с доступными детям материалами			
1.4	обеспечивает двигательную активность, в том числе развитие крупной и мелкой моторики, участие в подвижных играх и соревнованиях			

1.5	обеспечивает эмоциональное благополучие детей во взаимодействии с предметно-пространственным окружением			
1.6	обеспечивает возможность самовыражения детей			
2	Трансформируемость			
2.1	изменение предметно-пространственной среды в зависимости от образовательной ситуации, в том числе от меняющихся интересов и возможностей детей			
3.	Полифункциональность			
3.1	возможность разнообразного использования различных составляющих предметной среды, например детской мебели, матов, мягких модулей, ширм			
3.2	наличие полифункциональных предметов, в том числе природных материалов			
4.	Вариативность			
4.1	наличие различных пространств (для игры, конструирования, уединения и пр.), а также разнообразных материалов, игр, игрушек и оборудования, обеспечивающих свободный выбор детей			
4.2	сменяемость игрового материала, появление новых предметов, стимулирующих игровую, двигательную, познавательную и исследовательскую активность детей			
5.	Доступность			
5.1	доступность для воспитанников, всех помещений, где осуществляется образовательный процесс			
5.2	свободный доступ воспитанников, посещающих, к играм, игрушкам, материалам, пособиям, обеспечивающим все основные виды детской активности			
5.3	Исправность и сохранность материалов			
6.	Безопасность			
6.1	соответствие всех элементов среды обеспечению надежности			
6.2	соответствие всех элементов среды обеспечению безопасности их исправности			

Анализ осуществляется по трем критериям, каждый из которых имеет свои составляющие – они оцениваются в баллах (1 – не реализовано, 3 – реализовано частично, 5 – реализовано полностью).

Сумма баллов, полученная за все подкритерии, делится на их количество, т.е. в первом случае на 6, во втором 1, в пятом 3, а в остальных на 2. Средний балл позволяет судить, благоприятствует ли данная предметно-пространственная среда обеспечению безопасности ребенка. Если результат $3,5 < 1 < 5$, то предметно-пространственная среда реализована полностью и способствует обеспечению безопасности ребенка; $2,5 < 1 < 3,5$ – частично реализована, допущены лишь небольшие неточности, не влияющие на общее состояние показателя; $1 < 2,5$ – предметно-пространственная среда должным образом не реализована, требования, заключенные в формулировке показателя, выполняются не полностью, эпизодически либо формально.

Таким образом, теоретический анализ исследуемой нами проблемы, а именно вопросы безопасности детей дошкольного возраста в условиях семейного детского сада, позволил нам разработать карту анализа предметно-пространственной среды, компоненты которой направлены на развитие и воспитание личности, безопасного типа.

Список литературы:

1. Арустамов, Э.А. Безопасность жизнедеятельности / Э.А. Арустамов, Г.Э. Гуськов. - М.: ТЦ Сфера, 2007. - 423 с.
2. Добрыдина, В. Безопасность жизнедеятельности / В. Добрыдина // Дошкольное воспитание. – 2014. - №9. – С. 18 – 26
3. Евтушенко, И.Н. Гендерное воспитание детей старшего дошкольного возраста / И.Н. Евтушенко: дис. канд. педагогических наук, Челябинск, 2008. с 200 с.
4. Закон «О безопасности». / — Указ Президента РФ от 24.12.93 № 2288.
5. Куликов, В.В. Обеспечение безопасности как основа сферы образования. / В.В. Куликов // Культура безопасности: проблемы и перспективы. Материалы третьей международной научно-практической конференции — Екатеринбург, 2010, С.79-81.
6. Лисин, А. Классификации чрезвычайных ситуаций социального и военного характера для учебного процесса / А. Лисин, С. Лисин // Основы безопасности жизнедеятельности. - 2005. - № 10. - С. 53-56
7. Трубайчук, Л. В. Дошкольное образовательное учреждение как открытая система / Л. В. Трубайчук // Детский сад от А до Я. -2008.-№5.-С. 6-1

8. Шапиро, А.З. Психолого-гуманистические проблемы позитивности-негативности внутрисемейных взаимоотношений / А.З. Шапиро // Вопросы психологии 1994. - № 4. - С.45 - 56.

9. Чипеева, Н. А. Социальная безопасность и младший школьник / Н.А. Чипеева // Основы безопасности жизнедеятельности — 2008. - №8. - С. 29-34.

© В.Н. Мамрова, 2018

УДК 378.147:[81'271:656.61]

Токарева О. В.

НАВЧАЛЬНА ТА ВИРОБНИЧА ПРАКТИКИ НА СУДНАХ ЯК ЧИННИК ФОРМУВАННЯ МОВЛЕННЕВОЇ КУЛЬТУРИ МАЙБУТНІХ ФАХІВЦІВ МОРСЬКОЇ ГАЛУЗІ У ПРОЦЕСІ ПРОФЕСІЙНОЇ ПІДГОТОВКИ

У статті розкрито навчальну та виробничу практики на суднах як один із чинників формування мовленнєвої культури за умов інтегрування технічної та мовної освіти у процесі професійної підготовки майбутніх фахівців морської галузі. Встановлено, що вказані практики забезпечують закріплення теоретичних знань, одержаних курсантами при вивченні спеціальних дисциплін, формування професійних вмій і навичок у відповідності з кваліфікаційними характеристиками і здобутими робочими професіями, практичного освоєння сучасного обладнання і одержання необхідного досвіду з використання іноземної мови за фахом. А отже, сприяють вдосконаленню вмій та навичок діалогічного іншомовного спілкування, виявленню толерантності у виробничих ситуаціях та побуту, що зумовлює формування мовленнєвої культури майбутніх моряків.

Ключові слова: професійна підготовка, мовленнєва культура майбутніх фахівців морської галузі, іншомовне середовище, навчальна практика на навчально-виробничих суднах, виробничі практики на суднах річкового та морського флоту.

Токарева О. В.

УЧЕБНАЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКИ НА СУДАХ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА МОРСКОЙ ОТРАСЛИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

В статье раскрыты учебную на учебно-производственных судах и производственную на судах морского и речного флота практику как один из факторов формирования речевой культуры в условиях интеграции технической и языкового образования в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов морской отрасли. Установлено, что практики на судах обеспечивают закрепление теоретических знаний, полученных курсантами при изучении специальных дисциплин, формирование профессиональных умений и навыков в соответствии с квалификационными характеристиками и полученных рабочих профессий, практического освоения современного оборудования и получения необходимого опыта по использованию иностранного языка по специальности. А значит способствуют совершенствованию умений и навыков диалогического иноязычного общения, выявления толерантности в производственных ситуациях и быту, что обуславливает формирование речевой культуры будущих моряков.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, речевая культура будущих специалистов морской отрасли, иноязычная среда, учебная практика на учебно-производственных судах, производственная практика на судах морского и речного флота.

Tokareva O. V.

ON-BOARD AND PRACTICAL TRAININGS AS THE FACTOR OF FORMATION OF FUTURE SPECIALISTS SPEECH CULTURE OF THE MARINE BRANCH IN THE PROFESSIONAL PREPARATION PROCESS

The on-board training and practical practices are revealed as one of the factors of formation of speech culture in the conditions of integration of technical and linguistic education in the process of professional training of future specialists of the maritime industry in the article. It has been established that practical trainings provide the consolidation of theoretical knowledge gained by cadets in the study of special disciplines, the formation of professional skills and skills in accordance with qualifications and acquired occupations, practical development of modern equipment and obtaining the necessary experience in using the foreign language in the specialty. Consequently, they contribute to the improvement of the skills and abilities of dialogical foreign language communication, the discovery of tolerance in industrial situations and everyday life, which determines the formation of the language culture of future sailors.

Key words: professional training, speech culture of future specialists of the maritime branch, foreign language environment, on board training ,practical training.

Постановка проблеми. Динамічність науково-технічного прогресу, соціально-економічних перетворень, посилення конкуренції на ринку праці, євроінтеграційні процеси в науковій та освітній сферах визначають сучасні суспільні вимоги до підготовки компетентних фахівців, зокрема морської галузі з високим рівнем техніко-технологічної підготовки та культури (мовленнєвою культурою). Водночас така вимога визначається міжнародними та державними стандартами до рівня підготовки морських фахівців, що забезпечує їх реалізацію у світовому професійному співтоваристві.

Задані цілі формують одночасно уявлення про кінцевий результат діяльності та професійне призначення фахівців і є орієнтиром для формування необхідних компетентностей [2]. Прогресивні освітня та судноплавні компанії наголошують на актуальності цієї проблеми. Ураховуючи зазначене, доцільним є переосмислення змісту і завдань ефективної професійної підготовки майбутніх фахівців морської галузі у контексті формування мовленнєвої культури, як однієї із умов безпечного плавання у міжнародних екіпажах.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Сучасні наукові розвідки спрямовані на різновекторне вивчення проблеми професійної підготовки майбутніх фахівців, зокрема морської галузі. Проблеми теоретичних, методологічних, методичних засад професійної підготовки майбутніх фахівців морського та річкового транспорту висвітлені у працях М. Булатова, С. Волошинова, М. Міусова, І. Сокола, В. Чернявського та ін.. Питання професійної підготовки у психологічному аспекті вивчають А. Даніленко, В. Дмитрієв, Т. Зайцева, О. Істоміна, Г. Криворотько, М. Орлова, М. Янчук та ін. У контексті професійної підготовки майбутніх фахівців флоту розкрито формування комунікативної, полікультурної компетентності, певні аспекти іншомовної складової дослідниками Н. Бобришевою, С. Козак, О. Мироненко, О. Соловійовою, М. Сотер, Л. Ступіною, О. Тирон, О. Фроловою та ін. Розробленість проблеми формування та функціонування морської англійської мови відображено у працях Н. Берг, К. Коул, Р. Прасад, П. Тренкер, Я. Хорк та ін.. Проте результати досліджень науковців щодо особливостей професійної підготовки майбутніх фахівців флоту недостатньо, фрагментарно висвітлюють питання формування мовленнєвої культури курсантів в умовах вищих освітніх закладів морської галузі. Тому розв'язання цього питання, а саме визначення шляхів формування мовленнєвої культури майбутніх фахівців за умов інтегрування технічної та мовної освіти у процесі професійної підготовки, є актуальним. Серед таких шляхів виділяємо виробничу практику.

Мета статті: розкрити навчальну на навчально-виробничих суднах і виробничу практики на суднах річкового та морського флоту як чинник формування мовленнєвої культури майбутніх фахівців морської галузі у процесі професійної підготовки в умовах сучасного вищого освітнього закладу.

Основні результати дослідження. Функціонування сучасної вищої професійної освіти визначається цілями та завданнями, окресленими у державних та міжнародних нормативних актах. Зокрема, професійна підготовка фахівців морської галузі здійснюється відповідно до нормативної документації ІМО (Міжнародна морська організація), зміни якої зумовлюють вдосконалення сучасних планів підготовки вищих освітніх закладів морської галузі. При цьому результатом підготовки є компетентний і конкурентноспроможний фахівець морського флоту, що вміє приймати правильні рішення і виконувати дії (згідно професійних обов'язків) за умов різних виробничих ситуацій на судні: експлуатація технічного обладнання, збереження вантажу, відповідне керування власною фаховою діяльністю та за необхідності інших учасників виробничого процесу, дотримання безпеки на борту судна, правил та процедури при аварійних ситуаціях та виконання усіх дій при небезпеці тощо.

Практичне навчання курсантів морських навчальних закладів є органічною частиною навчального процесу і ефективною формою підготовки спеціалістів до трудової діяльності.

Метою виробничого навчання є практична підготовка курсанта до професійної діяльності, здібного грамотно експлуатувати і виконувати необхідний ремонт обладнання сучасних дизельних енергетичних установок суден.

Завданням виробничої практики є закріплення теоретичних знань, одержаних курсантами при вивченні спеціальних дисциплін, формування професійних вмінь і навичок у відповідності з кваліфікаційними характеристиками і здобутими робочими професіями, практичне освоєння сучасного обладнання і одержання необхідного досвіду за фахом у галузі морського та річкового флоту.

У відповідності з навчальним планом практичне навчання курсантів Морського коледжу Херсонської державної морської академії здійснюється в три етапи:

1. Практика навчальна у навчальній майстерні.
2. Практика навчальна на навчально-виробничих суднах.
3. Виробнича практика на суднах річкового та морського флоту.

Всі три етапи практики взаємопов'язані: практичні навички, здобуті на навчальній виробничій практиці у навчальній майстерні використовуються при проходженні навчальної і виробничої плавальних практик у процесі виконання ремонтних і профілактичних робіт з судновими механізмами і пристроями. А знання і навички, одержані на навчальній плавальній практиці, на наступних етапах поглиблюються і удосконалюються.

Навчальна практика на навчально-виробничих суднах проводиться на навчально-виробничих суднах. Як виняток, допускається проведення цієї практики на транспортних суднах. У цьому випадку кількість курсантів, що направляються, залежить від наявності вільних місць на судні. При наявності

більшої кількості практикантів (8-10 чоловік) рекомендується направляти на транспортні судна керівника практики від коледжу.

Виробнича практика на судах річкового та морського флоту проводиться на транспортних судах компаній, які оснащені сучасними автоматизованими енергетичними установками. При цьому слід враховувати тривалість рейсу судна на лінії перевезень, щоб виключити можливість випадків запізнення курсантів з практики.

Важливу роль у проходженні усіх видів практик (навчальної у навчальній майстерні, особливо, навчальної на навчально-виробничих судах, виробничої на судах річкового та морського флоту) відіграє складова із використання англійської мови за професійним спрямування, не виключаючи використання у побуті. Адже на етапі практики на навчально-виробничих судах та на судах річкового та морського флоту курсанти: закріплюють і удосконалюють знання і навички з розмовної англійської мови, вмінь вести бесіду про судно, його параметри, та особливості (вантаж, конструкція, тощо). Під час практики курсанти здобувають практичні навички з виконання повсякденної роботи в машин-

ному відділенні, а також на борту судна. Вдосконалюють вміння із зазначення портів заходу, а також описання враження від практики. Крім цього курсанти оволодівають основними поняттями та навичками стосовно питань роботи механізмів машинного відділення.

Особливої уваги заслуговують питання безпеки життєдіяльності. Тому під час практичного вивчення судових устроїв і механізмів енергетичної установки на англійській мові ретельно вивчають питання безпеки на борту судна, правила та процедури при аварійних ситуаціях та виконання усіх дій при небезпеці. За умов аварійних ситуацій у радіоповідомленнях та повідомленнях глобальної системи лиха та безпеки на морі (GMDSS) використовуються стандартні фрази переважно англійською мовою. Отже, ґрунтовне знання англійської мови необхідне для того, щоб судно функціонувало як єдине ціле.

Тому з метою ефективної підготовки курсантів до професійної діяльності у іншомовному середовищі (іншомовному, полімовному екіпажі) відпрацьовуються певні теми з фаху англійською мовою у навчальних виробничих ситуаціях наближених до реальних (Табл. 1).

Таблиця 1. Тематичний план навчальної плавальної практики (розділ англійська мова за професійним спрямуванням)

№ з/п	Найменування розділів і тем практики	Кількість годин
1.	Applying for a job (questions in crewing company/ position)	2
2.	Ship's dimensions (types of ship/types of cargo carried on/)	4
3.	Engine room equipment (machinery items)	6
4.	Daily routine in the engine room (duties/ watchkeeping)	10
5.	Ports we visited (location/specialization)	6
6.	Safety aboard (muster list/duties in emergency situations)	10
7.	My plans (perspectives/future intentions)	2
		40

На етапі виробничої практики на судах річкового та морського флоту курсанти: закріплюють і удосконалюють знання і навички з обслуговування систем і механізмів судової енергетичної установки; здобувають практичні навички з управління головним і допоміжним двигунами та оцінки їх технічного стану, а також отримують початкові навички вахтового обслуговування електростанції і електроприводів судових механізмів. Крім цього курсанти оволодівають основними поняттями та навичками стосовно питань ремонту – профілактичного, планового, заводського.

При практичному вивченні судових устроїв і механізмів енергетичної установки особливу увагу приділяють автоматизації процесів управління, принципам роботи автоматики і мети її установки. Поряд із набуттям професійних умінь та навичок курсанти: закріплюють і удосконалюють знання і навички з англійської мови із зазначених питань (Табл.2). Крім цього курсанти оволодівають основними поняттями та навичками з питань несення вахти.

Таблиця 2. Тематичний план виробничої практики на судах річкового та морського флоту (розділ англійська мова за професійним спрямуванням)

№ з/п	Найменування розділів і тем практики	Кількість годин
1	Ship's dimensions (ship's type/type of cargo)	2
2	Engine room equipment(construction, function, operation)	10
3	Diesel engine (systems, operation)	10
4	Diesel engine malfunctions(if any)	5
5	Repair technology	3
6	Watch keeping in the engine room(procedures)	8
7	Musters and drills(duties and equipment)	2
		40

Отже, під час професійної підготовки в межах проходження практики зі складової «Англійська мова (за професійним спрямуванням)» (табл.3) за розділом «Усне мовлення на англійській мові» майбутні фахівці морської галузі набувають знання англійської мови, достатні для спілкування та виконання обов'язків на борту судна (збагачують словниковий запас для спілкування у екіпажах вітчизняних та міжнародних), які формують компетентність використання англійської мови для спілкування; за розділом «Спеціальна термінологія на

англійській мові» вміння використовувати нормативні документи та спеціальну літературу на англійській мові для одержання інформації щодо експлуатації та ремонту СТЗ (збагачують словниковий запас для спілкування з технічним персоналом у міжнародних екіпажах та закордоном), які формують компетентність використання англійської мови для ведення, одержання та складання технічної документації.

Таблиця 3. Тематичний план практики (Англійська мова (за професійним спрямуванням))

№ з/п	Найменування розділів і тем практики	Кількість годин
	Розділ 12. Усне мовлення на англійській мові. (годин)	20
1.	Знання англійської мови, достатні для спілкування на борту судна.	10
2.	Знання англійської мови для виконання обов'язків вахтового механіка.	10
	Розділ 13. Спеціальна термінологія на англійській мові. (годин)	30
3.	Використання нормативних документів та спеціальної літератури на англійській мові для одержання інформації щодо експлуатації та ремонту СТЗ.	10
4.	Читання та розуміння суднової технічної документації на англійській мові.	10
5.	Ведення суднового діловодства на англійській мові вахтовим механіком.	6
6.	Підготовка замовлень щодо забезпечення експлуатації та ремонту СТЗ на англійській мові.	4

Науковці, практики наголошують на необхідності володіння мовами (державною та іноземною) фахівцями морської галузі, а отже мовленнєвою культурою. Е. Кахвечі і Х. Семпсон зазначають, що факторами успішної роботи багатонаціональних екіпажів, є забезпечення того, щоб всі мали елементарні знання будь-якої спільної мови, перш ніж прийти служити на корабель; сприяння функціонуванню стабільним екіпажам, в яких могли б спілкуватися англійською гібридною мовою; сприяння проведенню соціальних заходів; прийняття і проведення антирасистської політики та звернення уваги на вміння капітанів звертатися з людьми, будь це новачки або службовці з більш тривалим стажем роботи [1].

Знання англійської мови кожного члена команди дуже важливі для виконання спільної роботи, як в машинному відділенні, так і на навігаційному містку, і від чіткості і відповідності даної діяльності залежить її виконання. Виходячи з

досліджень, опитувань і форумів, проаналізувавши відгуки судновласників, багато морських освітніх закладів взяли за основу кардинальні зміни в підході навчання англійської мови, а саме:

- створення курсової підготовки з управління командного складу англійською мовою, який називається MPM (Marine resource management);
- розгляд і обговорення реальних випадків аварійних ситуацій на практичних заняттях;
- використання англійської мови, як на навчальних заняттях, так і поза ними;
- створення міні-ситуацій, в яких курсанти можуть моделювати свою поведінку, і спілкування в полінаціональних командах;
- використання Інтернет-ресурсів з метою вдосконалити навички комп'ютерної та мовної грамотності;
- розвиток діалогічних (мовленнєвих) умінь в побутових ситуаціях, наприклад, розмова в каюткомпаніях, в перервах на каву тощо.

На вирішення виділених завдань, що висуваються для проходження виробничої практики на різних курсах, проводяться заняття з курсу «Англійська мова за професійним спілкуванням». Курсантам пропонуються завдання, які спрямовані на

формування професійної компетентності, зокрема, її складової мовленнєвої культури (на базі англійської мови), наприклад:

1) Brainstorm the overall conclusion to avoid the incidents in your future onboard practice

Pay your primary attention to the manuals of operation.

Here is the advice of an experienced engineer. What can you add to his words?

Reading and Speaking

2). Read the text

Guess what type of the fittings is described. Complete the text with its name in plural form

As we walk along the plates we check for the relief _____ and air start _____ that they are not leaking back by resting a hand on the connecting pipe work. The reason for this action is that if a relief _____ is leaking back the pipe work will be hot, due to hot combustion gases, sometimes this is caused by the relief _____ having lifted and not re-seating properly. A sharp tap on the top of the _____ with a hammer can re-seat it. However, if leaking for some other reason, this will affect efficiency of the combustion process and the _____ should be replaced.

3) Situation. You are the engineer responsible for pumps maintenance. Write down the instructions for newcomers how the pump is started and about the important items to keep in mind during the operation.

Reading

Доцільно зазначити, що вирішення завдань професійної підготовки майбутніх фахівців морської галузі та, зокрема, формування їх мовленнєвої культури, обумовлюють бази проходження навчальної на навчально-виробничих суднах та виробничої на суднах річкового та морського флоту практик. За бази практик обрані як вітчизняні українські компанії, так і іноземні компанії і кріюінги, що співпрацюють з іноземними компаніями. За період 2012-2016 рр. практику на базі іноземних компаній та кріюінгів, що співпрацюють з іноземними компаніями пройшла переважна частина курсантів (табл. 4), а саме, у 2012-2013 н.р. у 25 компаніях 65 курсантів, що складає 65 % від загальної кількості курсантів, що вийшли на практику; у 2013-2014 н.р. - в 20 компаніях 52 курсанта, що складає 76,5%; у 2014-2015 н.р. - 45 курсантів, що складає 63,4%; у 2015-2016 н.р. - у 14 компаніях 29 курсантів, що складає 58%.

Таблиця 4. Інформація щодо проходження курсантами виробничої практики на судах іноземних та українських компаніях (2012-2016 рр)

Українські компанії	К-сть	Іноземні компанії	К-сть	Крюїнги, що співпрацюють з іноземними компаніями	К-сть
2012-2013 н.р.					
Укррічфлот	10	Рівер Мед Трейдинг	1	Skyned	3
Акварель	1	Марлоу	24	Нордікрюінг	2
ХМТП	5	Amadea Shipping	1	Траст Сервіс	1
Чорноморське агенство	3	Sail Traid	1	Пелоріс	5
ВІК	11	PIK Shipping	2	Business Consult	1
Вестра	3	KD Shipping	6	Нієско	1
УДП	1	ISI Odessa	1	Мурена	1
В.Шіпс	1			Світова лінія	2
				Ізіда	1
				Гольфстрім	1
				Глобал Одеса	1
				Марінброк	3
				Кредо	1
				Бетельгейзе	1
				Сі-стар	3
				Євробалк	1
				Конкорд	1
Усього за 2012-13 н.р.	35		36		29
2013-2014 н.р.					
Укррічфлот	1	Dolphin Navigation	1	Азімут Крюінг	3
Акварель	1	Марлоу	19	Марконі	3
ХМТП	4	Folio Marine	1	Нієско	1
В.Шіпс	4	Sea Way	1	Пелоріс	2
ВІК	4	PIK Shipping	1	L-Stream	1
Вестра	2	Five Del Shipping	1	Марконі	1
Нібулон	1	Ocean Link	1	Мурена	2
Іріда	1	Seatron Shipping	1	Світова лінія	3
				Тан Мар	4
				Сістемар	1
				Бетельгейзе	1
				Сі-стар	4
Усього за 2013-14 н.р.	18		26		26
2014-2015 н.р.					
В.Шіпс	2	Ariadne Shipping	1	Азімут Крюінг	1
Акварель	1	Марлоу Навігейшн	5	Воланс	4
ХМТП	12	Sea Diamond	1	Тан Мар	1
УДП	1	Ocean Seagull	1	Стаф Центр	1
ВІК	9	River Prode	1	Аквааурус	1
Вестра	1	KD Shipping	1	Євробалк	1
		Gregory Lines	1	Мурена	3
		Columbia Shipping	10	Бетельгейзе	3
		Steep Shipping	1	Сі-стар	1
		Avrasiya Shipping	1	Глобал Шіппінг	1
		L-Stream	2		
		Orion Sky	2		
		Golden Marvel	1		
Усього за 2014-15 н.р.	26		28		17
2015-2016 н.р.					
В.Шіпс	1	Global Cruise Lines	1	Адріатико бриг	1
Акварель	1	Марлоу Навігейшн	3	Воланс	1
ХМТП	6	KD Shipping	2	SenMar	1
УДП	6	River Med Traiding	1	Бетельгейзе	5
ВІК	6	Columbia Shipping	6	Марконі	2
Юта Ізмаїл	1			Євробалк	1
				Мурена	3
				Глобал Шіппінг	1
				СМА Шіпс Україна	1
Усього за 2015-16 н.р.	26		13		16

Така організація освітнього процесу, його складових, якими є навчальна на навчально-виробничих суднах та виробнича на суднах річкового та морського флоту практики, створюють освітнє мовне середовище (іншомовне), яке сприяє вдосконаленню вмінь та навичок діалогічного, полілогічного, іншомовного спілкування, виявлення толерантності у виробничих ситуаціях та побуту, що зумовлює формування мовленнєвої культури майбутніх фахівців морської галузі.

Висновки. На нашу думку, навчальна на навчально-виробничих суднах та виробнича на суднах річкового та морського флоту практики (а саме в міжнародному екіпажі) визначають успішність не тільки сформованості професійної компетентності, а й формування мовленнєвої культури майбутніх фахівців морської галузі, зокрема:

– формування навичок іншомовного спілкування з урахуванням специфіки практичної реаліза-

ції професійної компетентності (виконання професійних функцій та обов'язків) в умовах міжнародного екіпажу;

– стимулювання розвитку компонентів мовленнєвої культури майбутнього фахівця морської галузі в процесі аудиторного навчання (вивчення фахових дисциплін та іноземної (англійської) мови за професійним спрямуванням).

Література

1. Kahveci E. Transnational Seafarer Communities / Erol Kahveci, Tony Lane, Helen Sampson. – Cardiff University, 2002. Available at http://www.sirc.cf.ac.uk/6_Multinational_Crews.aspx

2. STCW. International Convention on Standards of Training, Certification and Watchkeeping for Seafarers, 1995 (amended in 2010) [Електронний ресурс]. – Режим доступу : URL: http://www.seaobs.ru/sea_programms/STCW95.pdf – Назва з екрана

Tulaev B.R.

*Cand.Tech.Sci., professor,
The Tashkent state technical university*

Daminov O.O.

*The senior teacher,
The Tashkent state technical university*

Тулаев Б.Р.

*кандидат технических наук, профессор кафедры
«Энергомашиностроение и профессиональное образование»,
Ташкентский государственный технический университет*

Даминов О.О.

*старший преподаватель кафедры «Энергомашиностроение и ПО»,
Ташкентский государственный технический университет*

THE PROJECT METHOD IN HIGHER EDUCATION ПРОЕКТНЫЙ МЕТОД В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Summary: The structure and methods of carrying out of design work are analysed and investigated. The role of the teacher in use of a design method is investigated and advantages and restrictions of a design method are analysed.

Key words: the project method, a sign, structure, carrying out, characteristics, the teacher's role.

Аннотация: Проанализированы и исследованы структура и методы проведения проектной работы. Исследована роль преподавателя в использовании проектного метода и проанализированы преимущества и ограничения проектного метода.

Ключевые слова: проектный метод, признак, структура, проведение, характеристика, роль преподавателя

Проектный метод – это комплексный методический прием обучения и форма учебной деятельности, которая оказывает влияние на обучение. Проектный метод возникает в результате взаимодействия различных компонентов (типичный идеальный ход игры по Фрею (FREY)) и отличается ориентированием на процесс и продукт, причем особое значение уделяется процессу.

Дидактическая цель проектного метода, прежде всего, заключается в улучшении методических компонентов в компетенции действия и в улучшении социальной компетенции.

Методическая цель проектного метода заключается в совместном, основанном на разделении

труда, самостоятельном и ответственном поведении учебной группы в какой-либо сфере действия (самостоятельное планирование, проведение и оценивание).

Важнейшими признаками проектного метода являются следующие признаки:

- работа над проектом и с проектом имеет структуры решения проблем;
- работа над проектом и с проектом ориентируется на опыт и интересы учащихся;
- работа над проектом и с проектом характеризуется полными/завершенными учебными действиями;

- работа над проектом и с проектом отличается самоорганизацией и ответственностью учащихся перед собой;
- при работе над проектом и с проектами преобладает коллективное обучение/учеба;
- работа над проектом и с проектом служит для углубления знаний по предмету, является межпредметной работой;
- реальный продукт проектной работы имеет объективную или субъективную потребительскую ценность [1, 15].

В структуре и при проведении проекта необходимо учитывать следующие аспекты [1, 64]:

- идея проекта
- имеющиеся в распоряжении время/проектное время; лимит времени
- проектная среда/общие условия
- преподаватели, руководитель проекта
- учащиеся
- внешние/косвенные участники

Учебная программа и проектный метод

Темы, выбираемые для проекта должны быть напрямую связаны с темой обучения/учебной программой и/или специфическими задачами, определенными информацией, собранной через, например, **функциональный анализ рассматриваемого технического вопроса** [2, 191].

Установление связи между проектным методом и образованием и профессиональной подготовкой, основанной на компетенции.

Развиваются не только технические, но и междисциплинарные компетенции, такие как:

- Командная работа.
- Коммуникация.
- Инициатива.
- Инновация.
- Решение проблем.

Этапы проектного метода

Информирование. Сами студенты собирают и анализируют информацию, необходимую для планирования и реализации проекта.

Планирование. Студенты сами готовят весь рабочий план, который будет использоваться в осуществлении и завершении проекта.

Решение. Студенты с помощью своих преподавателей определяют различные компоненты своего плана проектной работы. На этом этапе, преподаватели могут ставить специальные задачи для проверки освоения студентами необходимых знаний.

Осуществление проекта. Студенты выполняют свои задания самостоятельно, или путем распределения задания в соответствии с утвержденным рабочим планом.

Контроль. Студенты сами контролируют и оценивают результаты своей работы. При необходимости, они могут использовать инструменты, разработанные ими самими в ходе процесса планирования.

Оценка. Студенты и преподаватель совместно оценивают, как сам процесс, так и полученные результаты. Генерируются новые задачи и цели. Цикл на этом завершается.

Роль преподавателя

Проектный метод требует, чтобы преподаватель и/или инструктор выполнял совершенно другую роль, отличную от той, которая обычно используется в традиционном преподавании.

Преподаватель должен:

- Тщательно готовить учебный процесс.
- По мере возможности, оставаться в тени и отмечать что работает, а что не работает.
- Быть наготове для того, чтобы ответить на вопросы студентов, которые могут появиться в ходе реализации проекта.
- Поощрять студентов к самостоятельному изучению и формулированию «правильных» вопросов.
- Поощрять студентов оценивать свою работу и действия.
- Обеспечить запоминание «забытого» и развитие, совместно со студентами, соответствующей технической теории на основе практического опыта.
- Обратить особое внимание на области сотрудничества, организацию задач и методологии групповой и командной работы, обсуждение их через разговоры со студентами.

Характеристики проектного метода

Связан с реальными ситуациями. Предлагаемые задания и проблемы должны быть напрямую связаны с «жизненными» ситуациями, присущими для выбранной профессии.

Практическое соответствие. Предлагаемые задания и проблемы должны соответствовать практическим областям выбранной профессии.

Подход, основанный на интересах студентов. Выбранная проектная тема и реализация проекта должны быть сфокусированы на интересах и потребностях учеников.

Подход, основанный на продукте. Полученные результаты должны быть релевантными и полезными, быть доступными для других для оценки и критики.

Подход, основанный на действии. Студент должен выполнять специфические действия независимо, как на интеллектуальном, так и на практическом уровнях.

Целостный-интегрированный учебный процесс. Проектный метод должен совмещать когнитивные, эмоциональные и психомоторные учебные задачи.

Самоорганизация. Определение задач, планирование, реализация и контроль должны, в большей степени, входить в ответственность самих учеников.

Коллективная реализация. Ученики должны обучаться и работать совместно в ходе реализации проекта.

Междисциплинарная природа. Реализация проекта должна позволить совмещать различные знания и дисциплины.

Преимущества проектного обучения

- Студенты сами принимают решение и учатся действовать независимо.

- Процесс мотивирует учеников, так как именно они сами находят решения проблем, планируют и руководят своим проектом.
- Учебные темы можно с легкостью перевести на аналогичные ситуации, тем самым позволив сравнивать стратегии и концепции, а также рассматривать правильное решение с различных углов. Все это содействует процессу обучения.
- Самоуверенность и инициативность повышаются.
- Студенты сами организуют учебные ситуации.
- Логическое понимание проблемы или задания помогают студентам сохранять приобретенные знания и навыки.
- Учебный процесс интегрируется (когнитивные, эмоциональные и психомоторные учебные задачи).
- Студенты развивают индуктивные навыки через анализ конкретных случаев, выводят принципы и отношения, формулируют гипотезы, которые подтверждаются через практическое применение или опровергаются и замещаются новыми выведенными гипотезами. Другими словами, студенты применяют научное мышление по отношению к учебному процессу.
- Включены методы обучения, применяемые в высшем образовании (основанное на обучении и действиях решение проблем).
- Ассимилируются различные концепции, ценности и образы мышления – особенно в сфере сотрудничества и решения проблем.

*Ограничения проектного обучения
Оценка эффективности и неэффективности.*

Образование и подготовка, основанные на проектном методе, не всегда являются наиболее эффективной моделью и не могут быть применимы по отношению к каждому процессу преподавания-обучения. Его эффективность или неэффективность могут быть лучше всего оценены его «экономической эффективностью», то есть, в контексте сравнения между приложенными усилиями или преданностью, продемонстрированной студентами, а также степенью успеха, полученного в контрасте с другими учебными моделями.

Иногда трудно убедить мало мотивированных студентов перейти на данную форму обучения. Студенты с историей неудач обычно имеют низкий уровень любопытности и могут с неохотой начать искать новые концепции в результате предыдущего негативного опыта.

Если студенты не имеют никакого предыдущего опыта с предлагаемым рассматриваемым вопросом, трудно использовать проектный метод, если только преподаватель сначала не определит задачу для студентов, которую они могут выполнить, а затем использовать как основу для самого проекта.

Список литературы:

1. FREY, Karl: Die Projektmethode. Der Weg zum bildenden Tun. Weinheim und Basel: Beltz Verlag. – 2007.
2. Тулаев Б. Проектный метод. Ж-л: Таълим тизимида ижтимоий-гуманитар фанлар. – Ташкент, №3, 2012. с. 190-194.

Shayakhmetova D.B.

*candidate of pedagogical sciences, professor,
University of Foreign Languages and Professional Career*

Ualikhanuly A.

*Master of 2-nd course,
University of Foreign Languages and Professional Career*

Шахметова Дана Бексултановна

*Кандидат педагогических наук, профессор,
Университет Иностранных Языков и Деловой Карьеры*

Уалиханұлы Абылайхан

*Магистрант 2-го курса,
Университет Иностранных Языков и Деловой Карьеры*

**SCIENTIFIC-THEORETICAL PECULIARITIES IN FORMATION OF SECOND LANGUAGE
COGNITION**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОГО
ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ**

Summary: The article deals with the scientific - theoretical prerequisites for the formation of second language cognition. The content of the term is revealed by its constituent concepts: "language personality", "language cognition", "second language cognition". In the course of the detailed analysis of scientific - theoretical foundations of the second language personality formation, we have given a general description of language personality, considered these concepts from the point of view of such sections of linguistics as sociolinguistics, psycholinguistics, linguoculturology, etc., as well as from the point of view of psychology. In addition, the article pays attention to the possibilities of research and modeling of personality and language personality on the material of literary text. An attempt is made to formulate the concept of "second language personality", which is considered by us as a language personality developing in the linguistic environment at all levels of intercultural communication: global,

interethnic and interpersonal, in which the ability and readiness to interact with representatives of different countries and cultures are formed.

Аннотация: В статье рассматриваются научно-теоретические предпосылки формирования вторичного языкового сознания. Содержание термина раскрывается посредством составляющих его понятий: «языковая личность», «языковое сознание», «вторичное языковое сознание». В ходе проведенного детального анализа научно-теоретических основ формирования вторичной языковой личности нами была дана общая характеристика языковой личности, рассматриваются названные понятия с точки зрения таких разделов языкознания, как социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология и др., а также с точки зрения психологии. Кроме того, в статье уделяется внимание возможностям исследования и моделирования личности и языковой личности на материале художественного текста. Предпринята попытка формулировки понятия «вторичная языковая личность», которая рассматривается нами как языковая личность, развивающаяся в языковой среде на всех уровнях межкультурной коммуникации: глобальном, межэтническом и межличностном, в которой сформирована способность и готовность взаимодействовать с представителями разных стран и культур.

Key words: language personality, second language personality, second language cognition, language cognition.

Ключевые слова: языковая личность, вторичная языковая личность, вторичное языковое сознание, языковое сознание.

INTRODUCTION

Currently, the concept of language cognition is widely used in various fields of knowledge: linguistics, psychology, ethnography, cultural studies and many others. In the field of traditional linguistics, language cognition is studied from the standpoint of language rules, norms, orderliness of linguistic units in the mind. However, at the present stage communicative, anthropocentric direction in linguistics has become dominant, there has been an increased interest in language functioning of real communication. As a result, the "speaker" of the "dead language" presented in various dictionaries. G. Floberg's "dictionaries are like watches: the worst is better than none, but even the worst definitely not the best ever shows"[1, c.2]. All of the language below, which we operate in grammar, can appear only in the processes of speaking and understanding that L.V. Shcherba called the "language material"[2, c.7].

The speaker of language cognition is a language personality, i.e. a person existing in the linguistic space - in communication, in stereotypes of behavior which is recorded in language, in the meanings of language units and meanings of texts.

The language personality can be characterized from the positions of language cognition and speech behavior, i.e. from the positions of linguistic and discourse theory. Language cognition is marked in speech activity, i.e. in the processes of speaking (writing) and understanding.

The analysis of theoretical works in the field of interconnected studying of language and culture has shown that the issues of the formation of a language personality are beginning to take a leading place in methodological research [3, c.17]. Over the past decades, the focus of scholars has been on language personality, the conditions for the formation of a language personality and the development of the theoretical foundations of a multicultural language personality. Proceeding from this, it can be argued that there has been a sufficient scientific basis for considering the scientific and theoretical foundations of the formation of a multicultural language personality as a new approach to solve the problems of education in the sphere of foreign languages.

MAIN PART

The social essence of language lies in the fact that of existing in total language cognition - collective and individual. The language team, on the one hand is individual, on the other hand, are the speakers of culture in the language. Team as an ethnic group or a nation and the individual they are extreme points on the conditional scale of language cognition.

The speaker of language cognition is a language personality, i.e. a person, existing in the linguistic space - in communication, in stereotypes of behavior, recorded in language, in the meanings of language units and meanings of texts. The study of the language personality in the national linguistics is rightly connected with the name of Y. Karaulov, who understands the language personality as " totality of the abilities and characteristics of a person that determines the creation of speech products (texts)"[4, c.24].

The concept under consideration allows for a dual interpretation: static and dynamic. In the first case, we accept the individual as an individual, i.e the subject of social relations possessing the unique set of personal qualities. Obviously, it is important for certain situations only some personality characteristics associated with the implementation of certain social roles. In the second case, we assume that at a certain stage, the individual is not yet a person, i.e. does not possess distinctive, socially conditioned characteristics. In psychology such statement of a question is quite justified: here it is necessary to take into account the stages of development of the person's psychic, an active role environment and educators in the formation of personality, i.e. the movement towards destruction of personality. In linguistic plan dynamic understanding of the individual is developed primarily with regard to the study of child language and in language teaching.

The language personality can be characterized from the standpoint of language cognition and speech behavior, i.e. from the standpoint of linguistic concepts and theory discourse. The language cognition is marked in the speech activity, i.e. in the processes of speaking (writing) and understanding, according to L. V. Shcherba [4, c.28]. Speech activity is individual due to its sociopsychological organization. Speech activity

and speech organization of a person is closely interconnected, but, nevertheless, can be opposed as phenomenon and essence, and in this sense the threefold model of language phenomena (speech activity-language system-language material) naturally specified as a four-member education [5, c.24].

Language personality is " a set of abilities and characteristics of the person, causing creation and perception of his speech works (texts), which differs: a) the degree of structural and language complexity; b) the depth and accuracy of reflecting reality;

C) a certain target orientation. In this regard, the abilities of a person with the peculiarities of the texts generated by them are combined" [6, c.36].

In other words, the language personality discovers his communicative abilities and properties in the "products" of his communicative activity-texts which is widely understood as any oral and written statements of monological and dialogic nature. Consequently, the personality in the language aspect is characterized not so much by how she is aware of the language as by what she can do with it.

It is well – known fact that three factors are essential for the formation of a language personality: natural, social and personal. In relation to the language personality, these factors can be clarified: natural is considered as a gift (ability), social act as properties acquired in the process of social learning, personal appears as individual methods of communicative actions which forms communicative skills. Taking everything into account, it can be clarified what actually "language personality" is. Firstly, this concept performs a strategic function that allows to comprehend and master knowledge about the language, its structure and functioning from the standpoint of communicative approach, to enter into a comprehensive development of means, methods, forms of communication, also the purpose, destination, conditions of communication. Secondly, the concept of language personality functions as a goal, giving a clear vision of the image, the standard, the expected result of educational activities. Finally, this concept performs a cultural function, allowing to identify a set of requirements to the language personality, criteria for diagnosing the level of its development. Among them, such as: a) the use of means of communication in accordance with the purpose and the addressee; b) knowledge of the organization of the text that adequately reflects the reality and corresponding to the idea of speech; C) mastery of the structural elements of the language and possibilities of their communicative impact.

Each person as a language personality has conceptual and linguistic worldview, which is a global, continuously designed system of information about the universe

[7, c.47].

It's worthy to note that, the conceptual and language picture of the world of each person are heterogeneous: they include generic elements that are independent from linguistic-cultural worldview of the personality; elements that reflect the national character of the language personality, and also information, due to the formation of the person, his social environment, that is

due to background knowledge, the vertical context, the cultural traditions of a particular linguistic identity.

In order to form a full-fledged language personality, it is necessary to form not only an idea of the language, but also of the national culture, psychology and character.

Language personality is a speaker of not only the national (native) language, but also its culture, can be called a national language personality. In some cases, especially in a multinational society like Russia, functional basic languages can be more than one (native and Russian). In such circumstances, a person owns one and another language almost to the same extent, making very difficult to separate languages in their native and second language which is learned in the same way as with native material and spiritual Russian culture with its cultural concepts, traditions, ceremonies, etc. Language personality is composed of mastery of verbal and semantic code of studied second language (language and conceptual pictures of the world of native speakers). Such language personality may be called a second and give it a definition: second language personality is a person with the set of abilities to communicate in a second language at cross-cultural level [8, c.32].

The problem of forming foreign students as a second language personality who is able to see the world at the same way as native speakers, take their associations and metaphors as their own and actively produce them as it is impossible. At the superficial level, adaptation to the foreign language culture can be quite successful, but when addressing deeper layers of cognition, the main "archetypes" of the native culture, the reflection and classification models of phenomena of the surrounding reality perceived from birth, largely determining the deep motivation of the individual remains without significant changes. Undoubtedly, it is necessary to acquaint the foreign students with a view of the world of another culture, nevertheless it must be taken into account that foreign students will never become the language identity of a foreign language. As a result, a person who has mastered the verbal-semantic code of another language which is language picture of the world of native speakers, and the conceptual picture of the world, allowing a person to understand the new social reality which can be considered as a second language personality. The development of features of second language personality makes it able to be an effective participant in intercultural communication, there is a strategic goal of teaching the second language which requires creating in the mind of the learner corresponding language picture of the world through units of different language levels (words-realities, phraseological units, texts). Situational games, ceremonial events, folk songs, local history museums and above all, texts with factual and conceptual information which will help to realize this goal in the learning process. Phraseological units, Proverbs, sayings in the brightest figurative form expresses spirit of the people, its mentality, fix cultural and historical experience of knowledge of the world in the form of figurative evaluating the phenomena and objects, actions and their states.

Language personality is a person who realizes a certain lifestyle which is reflected in the style of language use, connecting the social and behavioral context with the speech. Second language personality is a person who forms in the study of a foreign language, the culture and character of its speakers, which is also reflected in the style of language use. Although, it is impossible to form a second language personality identical to the native speaker.

There is another understanding of the second language personality as a set of abilities to communicate at the intercultural level. This ability is composed on mastery of verbal and semantic code of studied language, the "language picture of the world" speakers of this language (the formation of second language cognition) and "global (conceptual) picture of the world" [9, c.55].

This model is developed by Y. N. Karaulov's concept of language personality. Main parameters and characteristics of an integral structure of a language personality are represented by Y. N. Karaulov in the monography "Russian language and language personality" [10, c.42]. By language we understand "a set of abilities and characteristics of a person, causing the creation and perception of speech works (texts) which differ in the degree of structural and language complexity, the depth and accuracy of reflecting reality, a certain target orientation" [11, c.31]. Y.N. Karaulov identifies three levels in the structural model of the language personality:

First level - verbal semantic, units of which are separate words as units of verbal associative network.

Second level – cognitive (thesaurus), units of the concepts, ideas, and concepts that emerge each language personality more or less ordered picture of the world, reflecting the hierarchy of values.

Third level – motivational (pragmatic) level, units which are focused on pragmatics and appear according to Y. N. Karaulov's "communicative activity and needs of the individual" [12, c.76].

Therefore, the majority of specialists in the field of teaching foreign languages consider that one of important tasks at studying is formation of the second language personality as an ability to carry out successfully social interaction with speakers of another culture.

The term "language cognition" emphasizes the most important side of psychological functioning of a person, emphasizing the importance of internal psychological states, cognition of the subject while using language and speech. The term emphasizes the unification, unity of the main components of speech activity: psychological and language elements [13, c.93].

The concept (term) "language cognition" has a wide reference field which includes two of its main varieties: dynamic — the expression of the state of cognition in verbal form, the impact about the cognition by speech as well as structural, formed by language structures. In addition, it's formed as a result of mental experience of the subject, the actions of cognition. Despite the breadth of this reference field, the concept of language cognition has its own specificity, emphasizing the moment of closure, the totality of cognition which is thought to be the inner world of a person with

external language and speech manifestations [14, c.65]. This important point highlights the main essence of language and speech — an expression of the mental state of the speaker.

In contempt of all significance the concept of "language cognition" brings a danger to scientific thought with an enormity of problematic communication. There is a temptation to represent a transition from one to another as simple and immediate. However, this transition is possible only as a result of great work of nature, and without its understanding we can't claim a scientific explanation of the relationship between mental and material. Hence, the importance of genetic aspect of the connection of cognition with language and speech is extremely vital.

The development of the concept of language cognition in a specific research plan opens up the possibility to enrich our knowledge not only in relation to the phenomena of speech and language, but also in relation to the phenomenon of psychological cognition.

CONCLUSION

In conclusion, it's worthy note that the study of a foreign language does not automatically lead to the formation of a secondary language personality, since, despite the fact that a person has an innate ability to be a language personality, he still has to become one. The process of forming a second language personality consists of cognitive structuring of verbal-semantic, cognitive-semantic, cognitive-motivational levels, which have typical elements in their composition, which contribute to the formation of individual and collective characteristics of the second language personality.

References

1. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2004.-334 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность и ее задачи изучения // Язык и личность.- М: Наука, 1989. -С. 3-8.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. –М.: Наука, 1987. -264 с.
4. Лapidус Б.А. Обучение второму иностранному языку как специальности. – М.: Высшая школа, 1980. -173 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс.
6. Андреева С.М. Формирование коммуникативной культуры «вторичной языковой личности» иностранных студентов-филологов в процессе обучения русскому языку (подготовительный факультет): канд. пед. наук. - Белгород, 2003.
7. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. - М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. - 432 с.
8. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей педагогической психологии. - М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2003. - 536с.
9. Очирова Ирина Николаевна. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Том 1, Выпуск №4, 2015 .

10. Ушакова Т.Н. Природные основания речевой способности. // Языковое сознание: формирование и функционирование / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. М., 1998, с. 7–23.

11. Караулов, Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения [Текст] / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. М. Наука, 1989. - С. 3 - 8

12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

13. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998, с. 135–170.

14. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию М., 1977.

Кузьмин А. М.

Уральский государственный университет физической культуры, доктор педагогических наук, профессор.

Федорова (Новикова) А. О.

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, старший преподаватель. Аспирант Уральского государственного университета физической культуры.

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И ЛЮБИТЕЛЬСКИМ СПОРТОМ У СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Аннотация. Отмечается, что состояние здоровья поступающих студентов с каждым годом хуже. Однако работодатели предъявляют высокие требования к здоровью будущих инженеров. Повысить состояние здоровья можно средствами физической культурой. Но мотивация к занятиям физкультурой в технических вузах в настоящее время находится на низком уровне. В связи с этим, нами разработана модель, способствующая формированию мотивации к занятиям физической культурой и любительским спортом.

Kuzmin A. M.

Urals State University of Physical Culture, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Fedorova (Novikova) A. O.

Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosova, senior teacher. Post-graduate student of the Ural State University of Physical Culture.

MODEL OF FORMATION OF MOTIVATION TO LESSONS OF PHYSICAL CULTURE AND AMATEUR SPORTS OF STUDENTS OF JUNIOR COURSES OF TECHNICAL HIGHER EDUCATION

Annotation. It is noted that the health status of incoming students is worse every year. However, employers place high demands on the health of future engineers. You can improve your health by means of physical education. But the motivation for physical education in technical universities is currently low. In this regard, we have developed a model that promotes the formation of motivation to engage in physical culture and amateur sports.

Главной задачей профессионального технического образования является подготовка высококвалифицированных специалистов, чья компетентность и состояние здоровья должны соответствовать требованиям работодателей. Такому специалисту необходимо обладать определенным минимумом состояния здоровья и психофизической готовности.

Частую люди технических специальностей работают на вредном промышленном предприятии, выполняя различную работу, как умственного, так и физического характера. В связи с этим, инженеру необходима такая подготовка, которая могла бы не только помогать организму справляться с негативным влиянием производства на состояние здоровья, но и позволяла бы улучшать свою трудоспособность. Инженер должен сам понимать важность занятий физкультурой, и как сохранить и укрепить здоровье при помощи неё. Уровень здоровья обеспечивает профессиональный успех и определяет качество жизни будущего специалиста [1]. Для успешной реализации себя в инженерной профессии, молодые люди должны овладеть знаниями, умениями и навыками физической подготовки, которые необходимы для профессиональной деятельности.

В связи с этим необходимо привлекать студентов к активному исследованию себя, к изучению своих функциональных возможностей и физических способностей. Также необходимо стимулировать личную работу молодых людей на самосовершенствование, постепенный рост и самореализацию их потенциала, т.е. открыть возможности для саморазвития, самореализации и самоактуализации для последующей профессиональной деятельности средствами физической культуры и спорта [2]. Для этого необходимо чтобы студенты обладали высоким уровнем мотивации к занятиям физической культурой и любительским спортом. Однако, как показали наши исследования [3] мотивация к физкультуре и спорту в техническом вузе в настоящее время находится на очень низком уровне. Студенты стремятся лишь получить зачет по предмету «Физическая культура», не осознавая ценности физической активности для здоровья и жизни, в целом [4]. Нами также определены причины негативного отношения молодых людей к физической культуре [5].

В связи с вышеизложенным для организации процесса формирования мотивации к занятиям физической культурой и любительским спортом у студентов младших курсов технического вуза нами

была построена структурно-функциональная модель, которая представлена на рисунке 1.

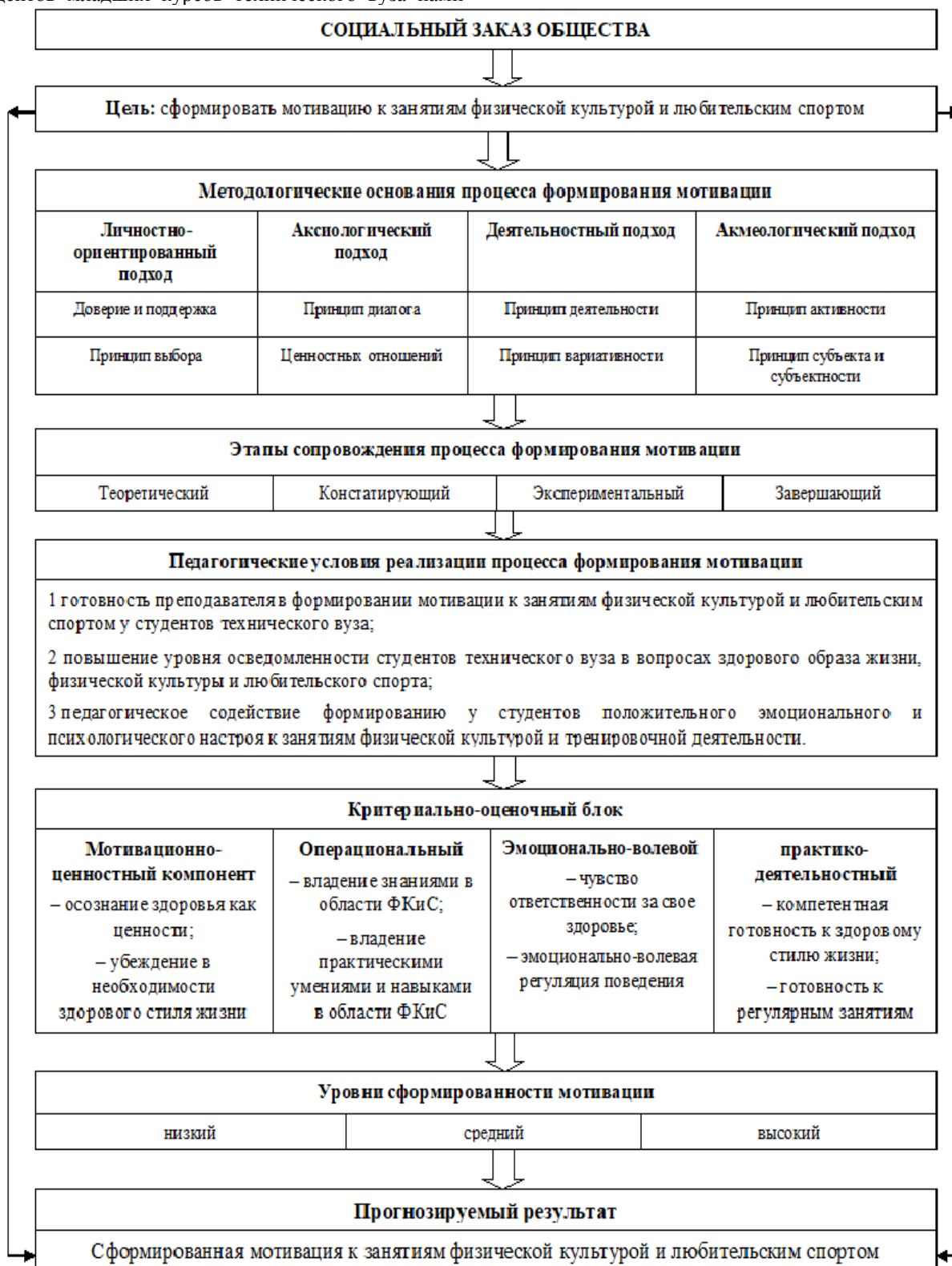

Рисунок 1 – Схема модели формирования мотивации к занятиям физической культурой и любительским спортом у студентов младших курсов

Термин «модель» широко используется в различных сферах человеческой деятельности и имеет множество смысловых значений. А. Я. Найн рассматривает модель как систему материальных или идеальных (выраженных в знаках) элементов, являющую подобием объекта исследования (оригинала) и воспроизводящую структурно-функциональные, причинно-следственные и генетические связи между ее элементами [6].

Любая модель строится и исследуется при определенных допущениях, гипотезах. Модель – результат отображения одной структуры на другую. Одна из главных задач использования модели – это оценка качества и результатов деятельности моделируемой системы до запуска функционирования системы в реальных условиях.

В настоящее время в педагогических исследованиях широко используется метод моделирования.

В педагогике моделирование успешно применяется для решения важных дидактических задач. Например, педагог-исследователь может разработать модели: оптимизации структуры учебного процесса, активизации познавательной самостоятельности учащихся, личностно-ориентированного подхода к учащимся в учебном процессе. Метод моделирования открывает для педагогической науки возможность математизации педагогических процессов.

Концептуальными положениями при разработке модели стали: личностно-ориентированный, аксиологический, деятельностный и акмеологический подходы. Рассмотрим каждый подход.

Основным принципом разработки личностно-ориентированной системы обучения является признание индивидуальности человека, создание необходимых и достаточных условий для его развития. При этом индивидуальность рассматривается как неповторимое своеобразие каждого человека, осуществляющего свою жизнедеятельность в качестве субъекта развития в течение жизни. Задача нашего исследования заключается в том, чтобы помочь каждому студенту осознать свои возможности, способности и создать условия для их развития, способствовать восстановлению, сохранению и укреплению здоровья молодых людей, т.е. осуществлять личностно-ориентированный подход на учебно-тренировочных занятиях. Мы считаем, что на современном этапе развития образования улучшить ситуацию по отношению к занятиям физической культурой и любительским спортом поможет переход от авторитарных подходов в физическом воспитании студентов к личностно-ориентированным методам обучения и воспитания, базирующихся на индивидуальных возможностях молодых людей.

Основными принципами личностно-ориентированного подхода, которые мы использовали в течение исследования, являются:

1) Принцип доверия и поддержки. Вера в студентов и поддержка в их стремлениях – необходимая составляющая в воспитательном процессе. Доверие и поддержка способствуют раскрытию личностного потенциала молодых людей и достижению максимально возможных результатов в физкультурно-спортивной деятельности.

2) Принцип выбора. Для студентов создаются условия, при которых они имеют постоянную возможность выбирать способы и формы достижения поставленных целей в физкультурно-спортивной деятельности.

Аксиологический подход обеспечивает понимание образования как процесса передачи ценностного опыта социума личности, формирование у неё ценностных отношений. Аксиологический подход в образовательном процессе по физической культуре ориентирует на приоритетность ценностно-смысловой, мотивационной сферы личности и гарантирует такую его организацию, которая обеспечивает становление и развитие ценностных отношений студента в этой сфере. При данном подходе мы использовали принцип диалога и принцип ценностных отношений.

Диалог, в настоящее время, является не просто педагогическим методом и формой, но становится приоритетным принципом образования. Только при помощи диалога можно выяснить ценности студенчества, их желания, установить доверительные отношения с молодыми людьми и, исходя из этого, строить индивидуальную программу занятий с ними, которая будет способствовать формированию мотивации.

Для формирования мотивации к физической культуре студентов необходим содержательный анализ всех ценностных аспектов педагогического процесса. Ценностные ориентации являются одной из главных характеристик личности, а их развитие – основной задачей гуманистической педагогики и важнейшим путем развития общества.

Не менее важным является деятельностный подход. Представляя структуру деятельности, данный подход позволяет установить определенные связи на разных уровнях физкультурной деятельности и проникнуть в суть явлений, определяющих особенности формирования культуры. Ведущая идея деятельностного подхода в нашем исследовании заключается в том, что обучающийся, являясь субъектом деятельности, формирует в процессе её осуществления физическую культуру личности с учётом индивидуальных особенностей и личностно-значимых потребностей.

Далее рассмотрим акмеологический подход. Акмеологический подход нацеливает на создание в учебном процессе оптимальных условий, которые будут обеспечивать самоутверждение, самовыражение студента, и которые будут способствовать проявлению его способностей. Он также предполагает воспитание физкультуры в самом широком ее понимании, как совершенствование тела, души и духа и включает в себя совокупность методов, принципов и приемов, обеспечивающих активное саморазвитие и самосовершенствование студента в ней. Акмеологическая направленность в самоутверждении личности в физической культуре проявляется в ее стремлении к физическому совершенству, а также в высших достижениях в спорте, выявляющих наиболее полно сущность природы человека, его способности к преодолению. Важной задачей в образовательном процессе является

направить студента на поиск оптимальных путей развертывания потенциальных возможностей и развития необходимых качеств посредством видов деятельности в сфере физической культуры. Это предполагает создание педагогических условий для реализации субъектности, самоформирования и самокоррекции мотивов и ценностных ориентаций, самоопределения в этой сфере, раскрытие смысловых и структурно-содержательных характеристик физической культуры в ее акмеологическом контексте.

При данном подходе мы использовали принцип активности и принцип субъекта и субъектности. Принцип субъекта и субъектности, обозначаемый нередко в последние годы как основополагающий для акмеологии, базируется на идеях С.Л. Рубинштейна о субъекте как центре организации бытия и субъектности, проявляющейся в потребности и способности человека к самосовершенствованию. Идея субъектности связана с объективной закономерностью развития психики, заключающейся в том, что движущей силой этого развития является собственная активность человека.

Реализация принципа активности в работе со студентами предполагает стимулирование их сил в решении встающих перед ними задач, содействие проявлению ими инициативы, развитию чувства долга и ответственности, формированию у них своей жизненной позиции.

Далее в модели представлены этапы сопровождения процесса формирования мотивации и педагогические условия реализации процесса формирования мотивации, которые мы рассматривали ранее в своем исследовании [7, 8].

Важным моментом для отслеживания динамики процесса формирования мотивации является включение в модель критериально-оценочного блока, который содержит в себе мотивационно-ценностный, операциональный, эмоционально-волевой и практико-деятельностный компоненты.

Мотивационно-ценностный компонент характеризуется осознанием здоровья как ценности, ради достижения которой необходимо прилагать усилия; пониманием значимости знаний, умений, навыков, средств и методов физической культуры для восстановления, сохранения и укрепления здоровья, для профессионального и личностного развития; убеждением в необходимости здорового стиля жизни.

Операциональный компонент характеризуется владением системой теоретических и операциональных знаний; владением практических умений и навыков, которые бы обеспечивали организацию и реализацию здорового стиля жизни, физического совершенствования, самопознания.

Эмоционально-волевой компонент характеризуется адекватной эмоционально положительной оценкой своего стиля жизни; чувством ответственности за свое здоровье; сознательным преодолением трудностей, которые возникают в процессе овладения ценностями физической культуры и ЗОЖ; эмоционально-волевой регуляцией поведения.

Практико-деятельностный компонент характеризуется компетентной готовностью к повседневному здоровому стилю жизни, продуктивному общению, регулярной физкультурно-спортивной деятельности, систематичному самопознанию, развитию психических, физических, личностных качеств и функционального состояния организма в соответствии с требованиями жизнедеятельности, будущей профессии, сохранения здоровья, адекватностью самооценки.

Определение степени развития вышеперечисленных компонентов мы рассматривали в трехуровневой системе. Оценка уровня сформированности мотивации студентов младших курсов была проведена в процессе исследовательской работы. Суммированный материал позволил охарактеризовать данные уровни:

1) Низкий уровень характеризуется отсутствием ценностного отношения к физической культуре и спорту, следовательно, низкой мотивацией к двигательной активности и физкультурно-спортивной деятельности в целом. Такие студенты не осознают важность занятий физкультурой для восстановления, сохранения и укрепления здоровья. Мотив посещения занятий по физической культуре – получение зачета. Студенты обладают низким уровнем теоретических знаний в области ФКиС и низкими результатами в учебной деятельности. Отрицают необходимость вести ЗОЖ.

2) Средний уровень можно охарактеризовать, как допустимый. Студенты данного уровня осознают важность занятий по физической культуре для сохранения и укрепления здоровья. Молодые люди с удовольствием ходят на учебные занятия, но не заинтересованы в регулярных занятиях физкультурой и спортом. Студенты обладают минимально-необходимыми теоретическими знаниями в области ФКиС, а также определенными навыками и умениями в этой области. Студенты данного уровня отличаются не всегда стабильными результатами в учебной деятельности. Частично ведут ЗОЖ, имеют некую заинтересованность в росте в сфере ФКиС, но не способны к самостоятельным занятиям без контроля преподавателя.

3) Высокий уровень. На данном уровне студенты обладают сформированной системой ценностей и приоритетов. Обладают высокой мотивацией к физкультурно-спортивной деятельности. С удовольствием ходят на занятия по физической культуре и активно заинтересованы в любительском спорте. Молодые люди обладают оптимальными знаниями в области ФКиС. На занятиях отличаются активностью и творческим мышлением. Поддерживают ЗОЖ. Могут самостоятельно заниматься физической культурой и спортом без контроля преподавателя. Студенты данного уровня целеустремлены и заинтересованы в росте в сфере ФКиС.

Таким образом, структурно-функциональная модель формирования мотивации к занятиям физической культурой и любительским спортом у студентов младших курсов технического вуза вклю-

чает в себя следующие аспекты: цель, методические подходы и принципы; комплекс педагогических условий, направленный на реализацию модели; этапы педагогического исследования; критерииально-оценочный блок, который включает оценку уровня сформированности мотивации у студентов; прогнозируемый результат, который заключается в сформированности мотивации к занятиям физической культурой и любительским спортом у студентов младших курсов технического вуза. Мы считаем, что данная модель станет основополагающим фактором при формировании мотивации к занятиям физической культурой и любительским спортом студентов младших курсов технического вуза.

Список литературы:

1. Бреус Е.С. Факторы, определяющие уровень ответственности будущих инженеров за собственное здоровье // Успехи современного естествознания / Е. С. Бреус, С. В. Мусина, Е. В. Егорычева. – 2012. – № 5. – С. 71-72.
2. Иконникова Л. Н. Потребность будущего инженера в профессиональной физической культуре // Успехи современного естествознания / Л.Н. Иконникова, Е.В. Егорычева, И.В. Чернышева. – 2013. – № 10. – С. 183.
3. Новикова, А. О. Формирование мотивации к занятиям физической культурой и спортом студентов технического вуза / А. О. Новикова // Проблемы физкультурного образования: содержание, направленность, методика, организация: матер. IV междунар. науч. конгресса посвящ. 45-летию УралГУФК, Т. 2 / Уральск. гос. ун-т физ. культ. – Челябинск, 2015. – С. 63-65.
4. Новикова, А. О. Диагностика уровня мотивации к занятиям физической культурой и любительским спортом у студентов нефизкультурного вуза / А. О. Новикова, С. Я. Биктина, Ю. С. Бородин // Филологические науки : вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-1 (65). – С. 195-198.
5. Новикова, А. О. Проблема приобщения студентов к занятиям физической культурой: приоритетные подходы / А. О. Новикова, А. М. Кузьмин // Филологические науки : вопросы теории и практики. – 2017. – № 1-1 (67). – С. 206-209.
6. Найн, А. Я. Гуманизация программ исследования проблем развития региональной системы физкультурного образования / А. Я. Найн, Л. М. Кустов // Теория и практика физической культуры. – 1997. – № 9. – С. 48-61.
7. Новикова, А. О. Педагогические условия формирования мотивации к занятиям физической культурой и любительским спортом студентов нефизкультурного вуза / А. О. Новикова, С. Я. Биктина, Ю. С. Бородин // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта». – Санкт-Петербург, 2017. – № 4 (146).
8. Novikova, A. O. Pedagogical support for forming at the students of technical high school of positive emotional and psychological setting to the activities of physical training and training activity / A. O. Novikova // "Global Science and Innovation". – USA, Chicago, 24-25 may 2017

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Boykov S.S.

*Intern of the Institute of Contemporary International Studies (ICIS) of
The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Center for Euro-Atlantic Studies and International Security*

TRANSFORMATION OF GERMAN-AMERICAN RELATIONS IN THE 21ST CENTURY

Abstract. Germany is gradually evolving from a satellite to a rival for the USA. Germany is no longer going to be a faithful ally of the USA, as it used to be during the Cold War. The Iraq war 2003 started by the US-led coalition, existing political and economic differences, articulated by US President-elect Donald Trump, as well as some value differences have made Germany to put under question traditional transatlantic relations. Hence, a reorientation of German foreign policy in a more national direction will be more visible, Germany will focus more on Europe and at the same time it will try to deal with Mr. Trump's Administration to preserve the existing level of economic, political and military cooperation with the United States.

Key words: Germany, the USA, transatlantic relations, German-American relations, Schröder, Bush, Merkel, Obama, Trump

Formulation of the problem. The USA and Germany are considered to be very important political allies and economic partners, as both countries are member states of NATO and are closely economically interconnected. Besides, these states belong to the same Western civilization and therefore share the similar values. For these reasons Germany and the USA often speak with one voice when it comes to problems and crises management concerning world policy and world economy.

However, since the early 2000s the relations between Germany and the USA have been changing. The war in Iraq (2003) launched a transformation mechanism of the US-German relations which led to tensions and contradictions in the foreign policies of the two countries. After American President Donald Trump took up office in 2017 the differences between Germany and the USA only increased. At the same time the global financial crisis of 2008–2009 contributed to differentiation of Europe, and Germany became the leading government in the EU. The transformation of German-American relations as well as economic and political strengthening of Germany within the EU have changed Germany's view on the USA. What is the future of the transatlantic relations?

Analysis of recent research and publications. The literature concerning German-American relations and German leadership in the world is vast and includes various aspects.

Deputy Berlin Bureau Chief of Spiegel Christiane Hoffmann is convinced that since America's retreat from its role as a shaper of global politics began before Trump it won't end with his departure. In her opinion, German politics is still focused on the illusion of being a moral power, and if Germany wants to be a leader in the West, then it also needs to have a realistic view of the world [17]. Contributing opinion writer for The International New York Anna Sauerbrey adds at the same time that Germany must fill the post-American vacuum, however, Germany cannot do it. She thinks that talk of a strategic shift is a reverie — a way to escape the limitations to real action [35].

Nonresident senior fellow at Carnegie Europe Judy Dempsey criticizes the USA for imposing new sanctions against Russia in summer 2017. In fact, these sanctions aiming at punishing Russia for its alleged interference in the 2016 U.S. presidential election have further exacerbated ties between Germany and the USA. In reality, the bill punishes European companies working with Russia [6].

According to the latest Pew Research Centre survey made in November–December 2017, almost seven-in-ten Americans (68%) say relations between the U.S. and Germany are good, while only 22% say they are bad. Meanwhile, a majority of Germans (56%) say that relations with the U.S. are at least somewhat bad, with only 42% saying they are positive [31].

Erik Brattberg, who is director of the Europe Program and a fellow at the Carnegie Endowment for International Peace in Washington, assumes that regardless of who is German Chancellor, Germany will continue to uphold transatlantic ties and cooperate with Washington where interests align, though Berlin will not hesitate to criticize U.S. policies it strongly disagrees with [3].

Unsolved part of the problem. This article gives a comprehensive research of the German-American relations development from the early 2000-s to the present day.

The purpose of the article is to show the evolution of the German-American relations in the context of political elites' changes on both sides of the Atlantic.

“...A pretext for a reorientation of German foreign policy in a more national direction”

It is common knowledge that the North Atlantic Treaty Organization (NATO) was originally founded as a military-political alliance, so that the relationships between its members have always been built both on the basis of military and political cooperation. In 1955 Germany joined NATO and this marked the final step of the FRG's integration into the Western defense system. In essence, for the whole period of the Cold War Western Germany was entirely dependent on the USA. In 1990 after the end of the Cold War the USA wanted the

reunified Germany to play a more active role in international security. In October 1990 US-President George Bush addressed to Germany: "together, building on the values we share, we will be partners in leadership" [1].

After the reunification Germany expanded its engagement and took on more responsibility. It started to take part in a number of UN-led peace missions and since 1990-s it has been participating in 10 missions with its own security forces [46]. Besides, the FRG supported its NATO-allies in Yugoslavia in 1999. Ex-Chancellor Gerhard Schröder wrote in his memoirs: "the Kosovo engagement taught Europe the lesson that without the help of the United States, it was not in a position to solve these kinds of conflicts" [42]. After the September 11 attacks on the USA Berlin promised Washington "unlimited solidarity" [11]. Germany deployed troops in Afghanistan as part of the International Security Assistance Force (ISAF) mission led by NATO. According to World Press Review correspondent Eric Jansson, Schröder „cited both Germany's commitment to the United States and its national interest in combating terrorism, knowing that for the first time since World War II the country could be entering a war" [21].

However, in 2002-2003 the unity of NATO-allies was put under question. Due to several political reasons the German Chancellor refused to back the USA and even condemned the American military aggression against Iraq. In August 2002 he underlined that the FRG was a self-confident country. He added: "we didn't shy away from offering international solidarity in the fight against international terrorism<...> but we say this with equal self-confidence: we're not available for adventures, and the time of cheque book diplomacy is over once and for all" [18]. Hans Kundnani, a senior transatlantic fellow with GMF's Europe program, emphasizes that Schröder opposed the war in Iraq and spoke in his speech of a "German Way" which was an implicit contrast with the "American Way" [24].

There were several reasons why Germany participated in the Yugoslavian and Afghani missions and criticized the US-led operation in Iraq. Firstly, the overwhelming majority of the German citizens (nearly 71%) were against the war in Iraq [30]. In September 2003 (after the US-invasion) 50% of the Germans opposed the American's leadership in world politics [30]. And 68% of the voters supported Schröder's position towards Iraq [29]. That is why Chancellor Schröder probably tried in 2002 to take advantage of the mood against military intervention in Iraq for the election campaign in which he was successfully re-elected. Secondly, Germany wanted to establish closer political relations with France that did not intend to deteriorate relations with the Middle-East countries. Finally, the German government did not have enough evidence that Saddam Hussein supported terrorists (Al-Qaeda) and Iraq really had a weapon of mass destruction.

The refusal of Germany to support the USA in Iraq led to deterioration of political relations between Berlin and Washington. The George W. Bush pointedly omitted to congratulate Schröder on his victory in the par-

liamentary elections and his security adviser, Condoleezza Rice, said that relations between the USA and Germany had been "poisoned" [19]. Henry Kissinger wrote that "a kind of anti-Americanism may have become a permanent temptation of German politics" [22]. This rift between the two countries led some analysts to assume that it had been one of the most important landmarks in the history of transatlantic relations. According to Stephen Szabo, "the post-Cold War period in the German-U.S. relationship ended" [40].

The bilateral relations between Germany and the USA improved only when Angela Merkel took the office as Chancellor. Merkel wanted to strengthen the German-American ties and reduce tensions between Berlin and Washington that existed under former Chancellor Schröder. As for Merkel and Bush, they managed to create an atmosphere of fruitful communication and mutual trust. However, the new Merkel's transatlantic foreign policy could not return the relations of Germany and the USA to the times before the Red-Green coalition. Between Germany and the USA did remain contradictions on a number of political, security, ecological and even human rights aspects, such as Washington's desire for the ultimate leadership in the world, tortures in Guantanamo bay prison and intension to include Georgia and Ukraine in NATO in 2008. Germany identified the Alliance as a political forum where member-states discuss hot security issues and make joint decisions whereas for the USA NATO remained an instrument of its own global foreign policy. Eventually, in 2008 only 30% of the Germans were positive about the USA [30, 735].

Since the election of the US-President Barack Obama, American-German relations got a second wind, therefore the intensity of the relations maintained generally at a high level. In 2009 93% of the Germans had confidence in Obama to do the right thing regarding world affairs (G.W. Bush had only 14%) [49]. However, political conflicts broke out between Germany and the USA even under Obama. In 2011 Germany abstained from the vote on a UN security council-resolution to impose a no-fly zone over Libya. Merkel was even warned that by such actions Germany could drift even further away from the USA, the UK and France [48]. In 2013 Germany opposed possible aggression of the USA against Syria. In 2013 and 2014 broke out two spying scandals. Merkel was very furious when it emerged that the US secret services may have tapped her mobile telephone. She said: "Friends spying on one another... that's just not on" [15]. Moreover, Germany and the USA have different approaches to solution of the Ukrainian conflict. Berlin stands only for political settlement whereas Washington doesn't exclude arms sales to Kiev.

Overall, since 2002-2003 there have always been differences in political relations between Germany and the USA. Spying scandals showed lack of trust in relationships between the two allies. Apart from this, several political contradictions demonstrated that for the USA and Germany their own national interests are often more important than transatlantic ones. According

to Henry Kissinger, “the issue of Iraq has become a pre-text for a reorientation of German foreign policy in a more national direction” [22].

The USA is the most important partner for the German export

In autumn 2008 the world financial crisis broke out and this became the next critical juncture in Germany’s incremental estrangement from the USA. Kundnani says that the crisis demonstrated to Germans how wrong the USA had been to focus on the “new economy” and on financial services [24]. The crisis strengthened anti-Keynesianism mood. Scepticism of Keynesianism led to disagreements between the USA (a deficit country) and Germany (a surplus country) about how to “rebalance” the global economy [24]. According to such American economists as Paul Krugman, “the problem in the global economy was a lack of aggregate demand and that the solution was economic stimulus” [28]. But the Germans were not of the same opinion. For example, in 2008 the German finance minister Peer Steinbrück criticised the British government under Gordon Brown who urged stimulus measures” [44]. In his turn, Mr. Krugman called the German government “boneheaded” [23]. In 2010 The U.S. Treasury called on Germany to do more to reduce its current account surplus and stimulate growth in the Eurozone but Germany dismissed critics and rejected such demands. In 2012 and 2015 President Obama tried to press Merkel to support a growth package to help Europe but it was useless [25].

It is necessary to note that the political differences between the USA and Germany under the “Red-Green” coalition did not affect the bilateral trade. Despite several political contradictions, economic cooperation was only increasing. In the period of 2000 - 2005 the turnover of the United States with Germany went up by US \$ 30.974 billion [43]. In 2005 the accumulated FDI of the USA in Germany accounted for € 69.4 billion [39].

FDI flows continued to show an upward trend during the global financial crisis 2008-2009. In particular, in 2009 German FDI went up by US \$ 16 billion, and as for FDI from the USA to Germany, they grew by US \$ 8.6 billion [38]. Also, due to economic cooperation, there has been created a significant number of new jobs. Namely in the USA about 750.000 citizens were employed and roughly 500.000 people got new jobs in Germany [43]. In 2008-2009 only the bilateral trade suffered most of all, however, in 2012 it reached the level before the crisis.

In addition, since the early 2000s big business has been playing an important role in the bilateral economic relations between the two countries. American companies provided Germany with investments, supported the development of regions and created new jobs. American companies, in their turn, earned substantial profits.

Besides, in 2013-2016 the EU and the USA had been holding talks on Transatlantic Trade and Investment Partnership agreement. This accord should have established the largest free trade zone in the world and covered almost half of the world’s trade, if it had been concluded. It is needless to say that the EU and the USA are the closest trade partners. The USA accounted for

about 17.6% of the EU’s total trade in 2016 [4]. As for the EU, it accounted for 18.9% of the US total trade of goods [10]. The USA is the most important partner for the German export. Being the economic leader in the European Union, the Federal Republic tried to influence the results of the negotiations. Chancellor Angela Merkel has always backed the idea of TTIP calling it “one of the most cost-effective growth stimulators that anyone can imagine” [34]. Indeed, TTIP was strongly supported by big business as well. BGA President Anton Börner said: “TTIP may be the last chance for Europe to participate in a trade deal that allows us to set the standards for global trade”[12]. Only after Mr. Trump took office the negotiations were frozen.

Thus, economic cooperation between Germany and the United States has always been a solid foundation in the German-American relations. Such a partnership often smoothed sharp contradictions between the countries, as well as served as an incentive for further cooperation.

So, the war in Iraq caused a deep rift in the bilateral political relations of Germany and the USA. After the US-led invasion in Iraq Germany managed to rethink traditional transatlantic relations which were formed after the end of World War II and even the Cold War. Since 2003 Berlin has tried to follow its own “German Way” which slightly contrasts with the “American Way”. The German foreign policy has always been less “hawkish” and more peaceful than the American one; Berlin conducts its own economic policy, the spying scandals also negatively affected the partnership between the two allies. Besides, Germany focused more on the European integration. As a result, the Federal Republic reoriented its foreign policy in a more national direction and since 2003 Germany has been gradually estranging from the USA. The war in Iraq launched the process of transformation of the transatlantic relations, but strong economic ties as well as membership in NATO always smoothed sharp contradictions.

“Germany is too big merely to comment on world affairs from the side-lines”

The financial crisis largely served to reinforce the positions of Germany and contributed to weakening of the other member states of the EU. By 2013 Germany had become the most significant and strongest economy in the EU. That is to say, Germany’s GDP was at about 20.8% of the EU’s GDP (France: 16%, the UK: 14.4%) [9]. As for unemployment rate, in Germany it accounted for about 5% (in France: 10.2%, the UK: 7.1%) [9]. Moreover, Germany’s contribution to the EU’s budget accounted for roughly €26 billion (France: €21.9 billion, the UK: €14.5 billion) [9]. Hence, positions of Germany in the EU rose significantly in the context of the global financial crisis.

Merkel’s election in 2013 was considered as an approval of her policy. Surprisingly, she came to be called the chancellor not only of Germany, but also of Europe. Germany was expected to undertake practical steps to overcome the Eurozone crisis. However, the FRG faced complex contradictions connected with recognition of its power. On the one hand, such a posi-

tion allows Germany to carry out a relatively independent domestic and foreign policy. On the other hand, the political weight of Germany is considered by some European countries as a threat of loss of independence (Southern Europe), and by others it is seen as an unwanted competitor (the UK and France).

Parallel to its economic and political strengthening, Germany realized that it can and should take greater part in solving international problems. In the latest Coalition agreement that was signed in 2013 it is stated that Germany recognizes international responsibility and it is ready to contribute to the crisis management, if it is necessary. Simultaneously in 2013 the German Marshall Fund in cooperation with German Institute for International and Security Affairs published a report according to which Germany should take more international responsibility and in scientists' view nowadays "power" is an ability to solve important-for-all problems. And they suppose Germany is able to do this.

In 2014 some ideas that were reflected in the agreement and the report were announced at the 50th Munich Conference. Minister for Foreign Affairs Frank-Walter Steinmeier stressed that "Germany must be ready for earlier, more decisive and more substantive engagement in the foreign and security policy sphere" [37]. He also added that "Yet a culture of restraint for Germany must not become a culture of standing aloof. Germany is too big merely to comment on world affairs from the side-lines" [37].

The intention of the Federal Foreign Office found its expression in practical actions. Germany participated in resolving issues regarding the nuclear program of Iran, contributed to the fight against Ebola and ISIS. What is more, Germany has taken an important part in management of the Ukrainian conflict, Greece debt and the refugee crises. Furthermore, since the early 90s Germany has been actively participating in International Crisis Management (ICM) under the auspices of the UN, the EU and NATO.

Besides, U.S. President Barack Obama also used to voice concern about Germany's duty to take on a more active leadership role in the modern world and especially in Europe. The reason is that the USA has been gradually developing a strategy implying a significant shift in American foreign policy from a Middle Eastern and European focus to an East and South Asian one (the so called pivot to Asia).

That being said, since 2013 Berlin has been pursuing a more active foreign policy, namely, in Europe and in the Middle East. Also, according to the German foreign policy settings "power" is an ability to tackle difficult international issues. Therefore, Germany is seeking to solve difficult problems mostly by means of diplomacy and economy.

Despite intentions of the German government to play a greater role in solving international problems, ordinary Germans assess this policy rather ambiguous. In 2014 the Körber Foundation published a report devoted to research of public opinion towards increase of German involvement in tackling international issues. According to the report, overwhelming majority of Germans does not want Germany to take more responsibility for resolving international crises. The share of those

who were for active role of Germany in international affairs accounted for only 37% whereas the share who were against was 60% [8].

Minister for Foreign Affairs Steinmeier commented the results of the research in March in 2014. He explained that 60% of the Germans did not want Germany to play a more significant role in resolving the crisis because more involvement in solving international problems is usually associated with the use of military force and supply of arms [37]. 73% of the Germans think that Germany should better focus on solving internal problems instead of external ones [8]. Also, a lot of citizens still take into consideration German collective guilt which refers to the WWI and WWII. Finally, 37% of the Germans believe that the is too weak and small, so that it is unable influence on international affairs [8]. But at the same time the Germans are for diplomatic and non-military tools of foreign policy, therefore 86% support humanitarian assistance, negotiations (85%) and arms control (80%) [8].

Thus, the rethinking of German foreign policy goes along with skepticism in the society regarding the issue of Germany's participation in resolving international crises. Most people believe that more involvement will lead to taking part in military operations and unnecessary wars.

So, the growth of the German economic power caused an increase of its political positions within the EU that is why Germany became an informal leader of Europe. Economic and political strengthening encouraged Germany to conduct a more active foreign policy. However, the most Germans are actually against of more involvement in international affairs. But at the same time they approve non-military tools of foreign policy.

"Spying on your friends - that's really not on"

Since the beginning of 2013 (even before spy scandals) anti-American sentiment has started to increase Germany. The growth of anti-Americanism can be observed in the report of Allensbach which was published in 2013. According to the paper, Obama's ratio deteriorated in Germany. In 2009 Mr. Obama's foreign policy was approved by 78% of the Germans [45]. But nevertheless most of them saw the USA as a close partner and ally.

In 2013 Angela Merkel reacted negatively when she discovered her mobile phone had been bugged by American spies. She said: "Spying on your friends - that's really not on" [16]. German views on the USA changed negatively after spying scandals. According to Pew Research Center, only 35% of the Germans agreed that the USA respect the fundamental rights and freedoms (2013: 58%) [13]. Moreover, in 2009 64% of the Germans had a positive opinion about the USA and in 2014 this number fell by 13% [13].

The growth of anti-American sentiment encouraged the Germans to pursue a more independent internal and foreign policy. According to the German Marshall Fund research, for the first time in the history of German-American relations, most Germans would like to see the FRG conducting more independent of US foreign policy. In 2013 this wanted 17% of the Germans and in 2014 this number amounted to 57% [13].

Dissatisfaction with violation of human rights and freedoms, aggressive foreign policy of the USA, spying and prospects of signing the agreement on TTIP reinforce anti-American sentiment in the German society. All these things cause the formation of organized anti-American radical groups. The most striking example of such a group is PEGADA (“Patriotic Europeans against the Americanization of the Old World”).

So, transformation of German-American relations can be observed even at the level of the society. Since 2013 the growth of anti-Americanism has been increasing gradually. This tendency shows that the Germans tend to rethink and review their traditional relationships with the Americans.

“The Germans are bad, very bad ...”

It is needless to say that the USA and the European Union still need each other. By all means the EU is the most important sales market for the American companies. The same thing concerns the EU and especially Germany. What is more, US and EU investments are the real driver of the transatlantic relationship, contributing to growth and jobs on both sides of the Atlantic. Apart from this, the EU is seen by the USA as a tool to restrain Russia. In light of the Ukrainian conflict the West-Russia relations deteriorated significantly in 2014. Russia has always been a military-political rival of the USA therefore the war in Ukraine gave a great opportunity to press Russia with the use of economic sanctions. As for the EU and Germany, they feel protected by the US military forces. So, when it comes to security Europe needs the USA. Besides, the West is split now and in order to unite all the western countries they use a negative image of Russia that is seen as a common enemy. Both the USA and Germany derive benefit from Russia’s bad image.

At the same time Germany and the USA have significant tensions today. Firstly, President-elect Donald Trump is sure that “Germany owes vast sums of money to NATO and the United States must be paid more for the powerful, and very expensive, defense it provides to Germany”[5]. The reason is that Germany spends just 1,2 % of its GDP on defence. However, it should have spent 2% in accordance to the Wales Summit Declaration [47]. German foreign minister Sigmar Gabriel replied: “It’s totally unrealistic to believe that Germany would increase its defense spending from €35bn now to €70bn... We respect 2% guideline — but we should not move the goalposts: it was formulated in Wales as a guideline and not as a goalpost” [2].

Secondly, President Trump criticized Germany’s trade surplus with the USA. He said: “The Germans are bad, very bad ... Look at the millions of cars they sell in the US. Terrible. We’ll stop that” [20]. Merkel pushed back against criticism of Germany’s trade surplus from Mr. Trump. She tried to explain him during G7 summit in Sicily (May 26-27. 2017) that the surplus was due in part to factors out of Germany’s control [33]. Now the USA sees Germany as an economic rival.

Then, in June 2017 Donald Trump withdrew from the Paris climate agreement. The US-President said that the accord would have imposed a heavy economic burden on the USA and intruded on its sovereignty. Angela

Merkel termed his position on climate change “regrettable” in her closing remarks at the G20 summit in Hamburg (July 7-8. 2017) [26]. Climate protection has always been very important for the Europeans and therefore they perceived this news rather painful.

Also in August 2017 Mr. Trump signed a bill that imposed new sanctions on Russia, Iran and North Korea. The bill imposed sanctions against any foreign person or entity that has significant investments in certain Russian energy projects. That means that the sanctions could affect some functioning infrastructure projects like the Blue Stream pipeline (run by Italy’s Eni and Gazprom), CPC pipeline (run by Shell, Eni and Rosneft), the Baltic LNG project (run by Shell and Gazprom) and Nord Stream 1 (run by various European firms and Gazprom). The bill could also penalize companies involved in Nord Stream 2, a joint project between German and Austrian companies and Russia’s Gazprom. Nord Stream 2 will enable Russian gas to be delivered to Germany without using the existing pipeline that runs through Ukraine. Germany, which strongly backs the new pipeline, opposes new sanctions. Foreign Ministry spokesman Martin Schäfer said that it would be “unacceptable for the United States to use possible sanctions as an instrument to serve the interests of US industry policies” [36].

At last personal relations between Mr. Trump and Merkel seem to be far from perfect. It goes without saying that these leaders are very different and they have contrast views on a number of issues. For example, while Mr. Trump greeted Merkel with a handshake upon her first arrival at the White House in March 2017, he appeared to ignore requests to do so as the pair sat together later in front of TV cameras. The US-President looked rather disappointed and gloomy and judging by this can be made an assumption that they did not manage to establish good relations with each other.

So, it is clear that Germany and the USA have sharp political and economic contradictions. Consequently, German citizens feel these tensions as well. Over the period 2008-2016, the proportion of Germans confident that the USA protects personal freedoms decreased by 17 points [50]. According to ZDF, in May 2017 only 29% of the Germans thought that the relations between Germany and the USA are good (October 2016: 82%) [7]. Most German citizens (65%) think that the USA under Mr. Trump is not a reliable partner for Germany [7]. Just 22% of respondents trusted the US under its new leader – compared with 59% just before the November election [27]. Judging by these results Mr. Trump is probably the least popular US-President in Germany and it is obvious that the US image decreases in German society. That means that less and less Germans really feel the need of strong transatlantic ties. The Germans differ from the Americans in terms of ways of life and even values. What is more, there is also difference in generations. German President Frank-Walter Steinmeier put it: “To the generation of tomorrow, the value of the transatlantic partnership is in no way as self-evident as it is to my generation” [32].

In Germany as a democratic country anti-Americanism and appeals for more self-dependence can be used as tools to attract voters. In Twitter SDP-leader

Martin Schulz wrote: “The best answer to Donald Trump is a stronger Europe” [41]. Angela Merkel during her campaign declared: “The times in which we could completely depend on others are, to a certain extent, over... We Europeans truly have to take our fate into our own hands” [14]. That’s very important because 89% of Germans think that the EU-countries should work more together because of Mr. Trump’s foreign policy [7]. So, this tendency leads to gradual changes of the traditional transatlantic unity and it seems that Germany will pay more attention to Europe and the European integration than the relations with the USA.

Conclusion

- The US invasion in Iraq in 2003 was the turning point in the history of the bilateral relations between Germany and the USA. At that moment Germany condemned the USA and that issue “poisoned” German-American relations;
- elites in Germany and the USA are able both to deteriorate and improve the bilateral political and diplomatic relations;
- though increasing economic ties between the USA and Germany have always been a solid foundation for German-American relations and positively influenced their further cooperation;
- since the world financial crisis (2008-2009) Germany has become a leading state in the EU and the USA also wants the Federal Republic to take on a more active leadership role in the modern world;
- after Donald Trump took up office the value rift between the USA and Germany has become more significant;
- Mr. Trump sees Germany and Europe as economic competitors and he will strive for trade concessions from the European side;
- in recent years the rate of anti-Americanism in Germany has increased. Most Germans already distance themselves from Mr. Trump’s America and they expect that the relations between Germany and the USA will only deteriorate;
- Germany will focus on cooperation with its European neighbors rather than on strengthening of the transatlantic relations.

References

1. Address to the German People on the Reunification of Germany. Address by President George Bush. October 2, 1990. U.S. Diplomatic Mission to Germany. URL: <https://usa.usembassy.de/etexts/ga6-901002.htm> (Retrieved August 30, 2017)
2. Beesley A., Wagstyl S. German foreign minister attacks US’s Nato spending demands. 31.03.2017. URL: <https://www.ft.com/content/3a25572c-1619-11e7-80f4-13e067d5072c> (Retrieved August 30, 2017)
3. Brattberg E. The Trump Effect on Germany’s Election and Transatlantic Ties. 31.08.2017. Carnegie Endowment for International Peace. URL: <http://carnegieendowment.org/2017/08/31/trump-effect-on-germany-s-election-and-transatlantic-ties-pub-72972> (Retrieved March 02, 2018)
4. Client and Supplier Countries of the EU28 in Merchandise Trade (value %) (2016, excluding intra-EU trade), p.1.
5. Cook J., Date S.V. Donald Trump: Germany Owes ‘Vast Sums Of Money’ To NATO, U.S. Huffington Post. 18.03.2017. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/trump-germany-nato-funding_us_58cd3ec9e4b0be71dcf52c51 (Retrieved August 30, 2017)
6. Dempsey J. New U.S. Sanctions Damage Ties With Europe. 25.07.2017. Carnegie Europe. URL: <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/72623?lang=en> (Retrieved March 02, 2018)
7. Deutsch-amerikanische Beziehungen auf Tiefstand. ZDF. 02.06.2017. URL: <http://www.heute.de/politbarometer-deutsch-amerikanische-beziehungen-auf-tiefstand-47299932.html> (Retrieved August 30, 2017)
8. Einmischen oder zurückhalten? Ergebnisse einer repräsentativen Umfrage von TNS Infratest Politikforschung zur Sicht der Deutschen auf die Außenpolitik. Körber Stiftung. 2014. http://www.aussenpolitik-weiter-denken.de/fileadmin/user_upload/allgemein/Koerber-Stiftung_Umfrage_Aussenpolitik_Broschuere.pdf (Retrieved August 30, 2017)
9. Euro area unemployment rate at 11.4%. EU28 at 9.9%. Eurostat. 30.01.2015. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/6581668/3-30012015-AP-EN.pdf/9d4fbadd-d7ae-48f8-b071-672f3c4767dd> (Retrieved August 30, 2017)
10. European Union, Trade in goods with USA. European Commission. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113465.pdf (Retrieved August 30, 2017)
11. Finn P. Germany Offers 3,900 Troops To Assist U.S. in Afghanistan. Washington Post. 07.11.2001. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2001/11/07/germany-offers-3900-troops-to-assist-us-in-afghanistan/63d5fdfe-fa3c-4d80-8be1-0a601321d7c2/?utm_term=.56c913aefd3e (Retrieved August 30, 2017)
12. German Chancellor Says EU, U.S. Should Continue Free Trade Talks. Reuters. 05.10.2016. URL: <http://fortune.com/2016/10/05/angela-merkel-ttip/> (Retrieved August 30, 2017)
13. Germany and the United States: Reliable Allies. Pew Research Center. 2014. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/05/07/germany-and-the-united-states-reliable-allies/> (Retrieved August 30, 2017)
14. Henley J. Angela Merkel: EU cannot completely rely on US and Britain any more. The Guardian. 28.05.2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/may/28/merkel-says-eu-cannot-completely-rely-on-us-and-britain-any-more-g7-talks> (Retrieved August 30, 2017)
15. Hill J. Are Germany and the US still the best of friends? BBC. 29.06.2015. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-33253459> (Retrieved August 30, 2017)
16. Hill. J. Germany spy scandal turns tables on Merkel government. BBC. 30.04.2015.

- <http://www.bbc.com/news/world-europe-32529017> (Retrieved August 30, 2017)
17. Hoffmann C. It's Time for Germany to Learn to Lead. Spiegel-Online. 05.01.2018. URL:<http://www.spiegel.de/international/world/wanin-g-us-germany-must-learn-to-take-responsibility-a-1186075.html> (Retrieved March 02, 2018)
18. Hooper J. German leader says no to Iraq war. The Guardian. 06.08.2002. URL:<https://www.theguardian.com/world/2002/aug/06/iraq.johnhooper> (Retrieved August 30, 2017)
19. Hooper J. US-German relations strained over Iraq. The Guardian. 24.09.2002. URL:<https://www.theguardian.com/world/2002/sep/24/worlddispatch.germany> (Retrieved August 30, 2017)
20. Huggler J. 'The Germans are bad, really bad,' Donald Trump tells EU officials. The Telegraph. 26.05.2017. URL:<http://www.telegraph.co.uk/news/2017/05/26/germans-bad-really-bad-donald-trump-tells-eu-officials/> (Retrieved August 30, 2017)
21. Jansson E. "Post-War" Takes on New Meaning in Germany. World Press Review. 26.11.2001. URL:http://www.worldpress.org/europe/1125web_germany.htm (Retrieved August 30, 2017)
22. Kissinger H. The 'Made In Berlin' Generation. The Washington Post. 30.10.2002. URL:https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/2002/10/30/the-made-in-berlin-generation/09ea8c75-f82f-4139-ae60-9f5e665d131c/?utm_term=.7abe3533a249 (Retrieved August 30, 2017)
23. Krugman P. The Conscience of a Liberal. New York Times. 11.12.2008. URL:https://krugman.blogs.nytimes.com/2008/12/11/the-economic-consequences-of-herr-steinbrueck/?_r=1. (Retrieved August 30, 2017)
24. Kundnani H. The United States in German Foreign Policy. GMF. 14.04.2017. URL:<http://www.gmfus.org/publications/united-states-german-foreign-policy> (Retrieved August 30, 2017)
25. MacAskill E. G8 summit: Obama to press Angela Merkel on eurozone growth package. The Guardian. 16.05.2012. URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/may/16/g8-summit-obama-angela-merkel-eurozone> (Retrieved August 30, 2017)
26. Merkel: Trump's climate change stance 'regrettable'. Aljazeera. 09.07.2017. URL:<http://www.aljazeera.com/news/2017/07/merkel-trump-climate-change-stance-regrettable-170708193853349.html> (Retrieved August 30, 2017)
27. Mortimer C. Germans now find US as trustworthy as Russia, poll shows. Independent. 03.02.2017. URL:<http://www.independent.co.uk/news/world/europe/germany-russia-america-poll-trustworthy-trump-putin-white-house-muslim-ban-eu-a7562276.html> (Retrieved August 30, 2017)
28. Moyer J. The Speed Read: Paul Krugman's 'End This Depression Now!' The Washington Post. 04.05.2012. URL:https://www.washingtonpost.com/opinions/the-speed-read-paul-krugmans-end-this-depression-now/2012/05/04/gIQUALJI31T_story.html?utm_term=.061c9c51b32a (Retrieved August 30, 2017)
29. Noelle E. Die Entfremdung. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 24.07.2003. URL:<http://www.faz.net/aktuell/politik/allensbach-umfrage-die-entfremdung-1116729.html> (Retrieved August 30, 2017)
30. Pavlov N.V. History of the German Foreign Policy – from Bismarck to Merkel. Moscow: International Relations. 2012. p. 797.
31. Poushter J. How Americans and Germans view their countries' relationship. 04.12.2017. Pew Research Center. URL:<http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/12/04/how-americans-and-germans-view-their-countries-relationship/> (Retrieved March 02, 2018)
32. Rede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier bei der Brookings Institution in Washington: „Transatlantic Ties for a New Generation“ (Englisch). Auswärtiges Amt. 28.02.2014. URL:http://www.auswaertiges-amt.de/nm_582140/sid_C49886C6BED20F3B29BF3B71FCDDC591/DE/Infoservice/Presse/Reden/2014/140228-BM_Brookings_Institution.html?nnm=582150 (Retrieved August 30, 2017)
33. Rinke A. Merkel pushes back against renewed Trump criticism of surplus. Reuters. 26.05.2017. <http://www.reuters.com/article/us-g7-summit-eu-trump/merkel-pushes-back-against-renewed-trump-criticism-of-surplus-idUSKBN18M0UF> (Retrieved August 30, 2017)
34. Rinke A. Merkel speaks out for U.S.-EU trade agreement. Reuters. 23.05.2014. URL:<http://www.reuters.com/article/us-germany-usa-trade-merkel/merkel-speaks-out-for-u-s-eu-trade-agreement-idUSBREA4M0MV20140523> (Retrieved August 30, 2017)
35. Sauerbrey A. Is the Trans-Atlantic Relationship Dead? 03.01.2018. INT. URL:<https://www.nytimes.com/2018/01/03/opinion/germany-trans-atlantic-america.html> (Retrieved March 02, 2018)
36. Smith-Spark L., Pomrenze Y. EU warns US over 'America first' Russia sanctions bill. 27.07.2017. URL:<http://edition.cnn.com/2017/07/26/europe/russia-us-sanctions/index.html> (Retrieved August 30, 2017)
37. Steinmeier, F. W. Rede von Außenminister Frank-Walter Steinmeier anlässlich der 50. Münchner Sicherheitskonferenz. Auswärtiges Amt. 01.02.2014. URL:http://www.auswaertiges-amt.de/sid_0EEB43D1066AE45F2A36CDB5B6145357/DE/Infoservice/Presse/Reden/2014/140201-BM_M%C3%BCSiKo.html (Retrieved August 30, 2017)
38. Strelets, M.V. US – German Relations: Continuity and Renovation. The USA - Canada. Economics, Politics, Culture, p. 42.
39. Supyan, N.V. US Investment in Germany: the Transatlantic Partnership is Mutually Beneficial. The USA - Canada. Economics, Politics, Culture, p. 61-70.
40. Szabo S. Parting Ways: The Crisis in German-American Relations, 2004. p.1.

41. Taylor A. Even Angela Merkel's political rivals are on her side against Trump. The Washington Post. 29.05.2017. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/05/29/even-angela-merkels-political-rivals-are-on-her-side-against-trump/?utm_term=.f8de602965a3 (Retrieved August 30, 2017)
42. The Goal Was Exclusively Humanitarian. Der Spiegel. 25.10.2006. URL: <http://www.spiegel.de/international/schroeder-on-kosovo-the-goal-was-exclusively-humanitarian-a-444727.html> (Retrieved August 30, 2017)
43. The U.S. Census Bureau. Trade in Goods with Germany. URL: <https://www.census.gov/foreign-trade/balance/c4280.html#2005> (Retrieved August 30, 2017)
44. Theil S. Peer Steinbrück on the global economic crisis. Newsweek. 08.12.2008. URL: <http://www.newsweek.com/peer-steinbruck-global-economic-crisis-83363> (Retrieved August 30, 2017)
45. Transatlantisches Freihandelsabkommen (TTIP): Noch keine gefestigte Meinung in der Bevölkerung. Allensbach. 2013. URL: http://www.ifd-allensbach.de/uploads/tx_reportsn-docs/KB_2014_16.pdf (Retrieved August 30, 2017)
46. UN peace missions and Germany's engagement. Federal Foreign Office. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Internationale_Organisation/en/VereinteNationen/04_Friedensmissionen/Friedensmissionen-UN_node.html (Retrieved August 30, 2017)
47. Wales Summit Declaration. NATO. 05.09.2014. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (Retrieved August 30, 2017)
48. Weiland S., Nelles R. Germany has marginalised itself over Libya. The Guardian. 18.03.2011. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2011/mar/18/libya-germany-un-security-council> (Retrieved August 30, 2017)
49. Wike R. In Germany, they still love Obama. Pew Research Center. 18.06.2013. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2013/06/18/in-germany-they-still-love-obama/> (Retrieved August 30, 2017)
50. Wike R., Poushter J., Zainulbhal H. America's international image. Pew Research Center. 28.06.2016. URL: <http://www.pewglobal.org/2016/06/28/americas-international-image/> (Retrieved August 30, 2017)

Garbuzarova E. G.

*candidate of historical sciences, associate professor,
Kyrgyz-Russian Slavic University*

Гарбузарова Елена Геннадьевна

*кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии,
Кыргызско-Российский Славянский университет*

KYRGYZ-RUSSIAN RELATIONS IN THE PRESIDENCY OF A. ATAMBAYEV КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРЕЗИДЕНТСТВО А. АТАМБАЕВА

Summary: The article is devoted to the cooperation of Kyrgyzstan and Russia in the presidency of A. Atambayev. The foreign policy of Kyrgyzstan from the position of neo-realist paradigm of international relations is analyzed. Despite the complexity of the configuration of the foreign policy environment, the denunciation of the agreement with Russian energy company «RusHydro», the reduction of hours for the study of the Russian language, Kyrgyzstan in the presidency of A. Atambayev managed to conduct a responsible, wise and consistent foreign policy with the placement of significant priorities.

Keywords: Kyrgyzstan, Russia, EEU, cooperation, national interests

Аннотация. Статья посвящена сотрудничеству Кыргызстана и России в президентство А. Атамбаева. Анализируется внешняя политика Кыргызстана с позиции неореалистической парадигмы международных отношений. Несмотря на всю сложность конфигурации внешнеполитической конъюнктуры, денонсацию соглашения с «РусГидро», сокращение часов на изучение русского языка, Кыргызстану в президентство А. Атамбаева удалось проводить ответственную, мудрую и последовательную внешнюю политику с расстановкой значимых приоритетов.

Ключевые слова: Кыргызстан, Россия, ЕАЭС, сотрудничество, национальные интересы

Постановка проблемы. Политическая система мира за последние несколько десятилетий пополнилась новыми участниками международного общения и параллельно стала все менее предсказуемой. В этой связи национальным государствам стало все сложнее сохранить свой национальный суверенитет и придерживаться независимого внешнеполитического вектора. Действуя по принципам политического реализма, в основе которого лежит примат государства и национальных интересов,

Кыргызстан за годы независимости стал активным участником международного общения, год от года укрепляя сотрудничество с региональными и глобальными акторами «по всем азимутам». Одним из таких «азимутов» стало выстраивание конструктивных отношений с Россией.

Анализ последних исследований и публикаций. За последние годы появилось множество публикаций по вопросу сотрудничества между Кыргызстаном и Россией, акцентирующие внимание на

историческом, культурном родстве двух стран, а также исследования по общим вопросам внешней политики Кыргызстана [4; 12; 13]. Однако внешняя политика Кыргызстана в президентство А. Атамбаева остается еще слабо изученной. Данное исследование призвано восполнить пробелы в исследовании кыргызско-российских отношений на современном этапе.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Анализируется внешняя политика Кыргызстана с позиции неореалистической парадигмы международных отношений, предполагающей влияние на процесс принятия внешнеполитических решений независимых государств не только внешних, но и внутренних факторов.

Цель статьи. Анализ сотрудничества между Кыргызстаном и Россией в президентство А. Атамбаева и выявление особенностей внешней политики Кыргызстана на российском направлении.

Изложение основного материала. В современной теории международных отношений для анализа и осмысления внешней политики государств используют концепции неореализма и неоклассического реализма. Неореализм рассматривает государство как самостоятельный элемент международных отношений, который осознанно вступает в различные союзы и межправительственные организации с учетом своих национальных интересов. По мнению американского исследователя К. Уолтца, являющегося классиком неореализма, решающая роль в международных отношениях принадлежит не государству, а самой международной системе. По мнению ведущей российской исследовательницы Т. Романовой, в рамках неореалистической парадигмы международных отношений «государство рассматривается как бильярдный шар, траектория движения которого зависит исключительно от внешних воздействий, а не от того, какова структура самого предмета, материал, из которого он сделан» [9, с.9]. В свою очередь предметом изучения неоклассического реализма являются внутренние особенности государств, т.е. «шар движется уже не только под влиянием системных сил; его перемещение корректирует внутренняя динамика».

В основу концептуальной идеи внешней политики Кыргызстана легли заповеди из великого эпоса «Манас». Речь идет о бесконфликтном, мирном и дружественном отношении ко всем народам. Это предопределило многосторонний характер внешней политики Кыргызстана, ее сбалансированность и гибкость. В национальной стратегии устойчивого развития Кыргызстана на 2013-2017 гг. было отмечено, что «национальная внешняя политика Кыргызской Республики должна стать предсказуемой, последовательной и экономически выгодной» [11, с. 20]. С момента обретения независимости в 1991 г. Кыргызстан следует принципам многовекторной политики, развивая сотрудничество с глобальными и региональными государствами. Учитывая геополитическое положение Кыргызстана, руководству страны приходится лавировать между глобальными игроками – Россией,

США, Китаем, Европейским Союзом. А. Атамбаев считал, что «одной из основных задач внешнеполитической деятельности является сохранение баланса интересов между основными игроками мировой политики. Многовекторность внешней политики не должна и не будет препятствием к активному диалогу и развитию взаимовыгодного сотрудничества с отдельными странами» [1].

Фундамент кыргызско-российских отношений был заложен в 90-е годы XX века, а значительных высот достигли в президентство А. Атамбаева, который наполнил их содержательным смыслом. 20 марта 1992 г. между Кыргызстаном и Россией были установлены дипломатические отношения. В 1992 г. между Кыргызстаном и Россией подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В 2000 г. была подписана Декларация о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве. На сегодняшний день между двумя государствами подписано около 330 договоров и соглашений.

В 2011 г. в своей предвыборной программе А. Атамбаев подчеркнул, что «Россия – главный стратегический партнер Кыргызстана. Мы видим наше будущее в неразрывной связи с Россией. У нас много интересных проектов: в энергетике, газовой промышленности, сельском хозяйстве. Важным является сотрудничество в рамках Таможенного союза». О стратегической значимости России для Кыргызстана было заявлено на уровне парламента республики. В 2012 г. в интервью «Российской газете» тогдашний спикер Жогорку Кенеша (кыргызский парламент) отметил, что «стратегическое партнерство Кыргызстана и России обусловлено исторически. 27 процентов внешнего товарооборота страны приходится на Россию. За последние 16 лет более 400 тысяч наших соотечественников приняли российское гражданство» [7]. Все последующие внешнеполитические шаги Атамбаева на посту президента были предприняты исходя из этих убеждений. Пребывая в течение нескольких лет в политико-общественных раздумьях по вопросу перспектив развития внешней политики, Кыргызстан в 2015 г. расставил для себя приоритеты и стал участником ЕАЭС. Это был сложный выбор: когда 25 % общественности республики негативно отнеслись к вступлению Кыргызстана в ЕАЭС ввиду реэкспортно-ориентированной модели национальной экономики. В целом, как показала практика, выбор, сделанный в пользу вступления в ЕАЭС, принес стране существенные выгоды, придав импульс всестороннему развитию легкой промышленности. Кроме того, с момента вхождения Кыргызстана в ЕАЭС отмечен рост производства сельского хозяйства, промышленности (например, кожевенное производство), фармацевтической продукции [5, с.24]. Таким образом, вступление Кыргызстана в ЕАЭС положительно отразилось на экономике республики.

Россия оказала Кыргызстану значительную финансовую помощь для плавного вхождения в ЕАЭС и максимальной адаптации в новых экономических условиях. В 2014 г. было подписано Со-

глашение между правительством Кыргызской Республики и правительством Российской Федерации о развитии экономического сотрудничества в условиях евразийской экономической интеграции. В 2015 г. Российско-Кыргызский фонд развития начал свою работу. Целью Фонда является содействие развитию и модернизации экономики Кыргызстана. Задача фонда – придать импульс экономическому развитию Кыргызстана в рамках евразийской экономической интеграции. Капитал фонда составляет 500 млн. долларов США. Стоит отметить, что Россия обеспечила Кыргызстан «подушкой безопасности» на этапе вхождения в Таможенный Союз. Это подтверждает Соглашение, в котором отмечалось, что Россия помимо основного капитала Фонда предоставляет финансовые средства на безвозмездной основе в размере 200 млн. долларов на реализацию плана мероприятий «дорожной карты» присоединения Кыргызстана к Таможенному Союзу [10].

Благодаря политическим усилиям А. Атамбаева, в 2017 г. был полностью списан долг Кыргызстана России, который в общем составлял 500 млн. долларов. Документ о списании долга был подписан между двумя сторонами во время официального визита А. Атамбаева в Россию в июне 2017 г. Соглашение на списание долга со стороны России свидетельствует о приоритетности сотрудничества с Кыргызстаном и о долгосрочных перспективах развития кыргызско-российских отношений. Во время этого визита также была подписана Декларация об укреплении союзничества и стратегического партнерства между Кыргызстаном и Россией.

Россия является одним из ведущих торговых партнеров для Кыргызстана наряду с Китаем и Казахстаном. Начиная с 2012 г. и по настоящее время в торгово-экономических отношениях между Кыргызстаном и Россией были взлеты и падения. Однако в последние годы наметилась стабильная динамика в торговом обороте двух стран (См. Таблица 1).

Таблица 1 Торгово-экономический оборот между Кыргызстаном и Россией за 2012-2017 гг.

Год	Показатель
2012	2 миллиарда долларов
2013	2 млрд. 139 млн. долларов
2014	1 817 192 844 долларов
2015	1,34 млрд долларов
2016	1 196 289 785 долларов
2017 (только за 9 месяцев)	1 120 184 322 долларов

Из таблицы 1 видно, что в 2015-2016 гг. отмечено сокращение объемов товарооборота между Кыргызстаном и Россией. Такая негативная тенденция во взаимной торговле сложилась в результате сложной экономической ситуации в России в эти годы.

Помимо торгово-экономического сотрудничества Кыргызстан и Россия наращивают взаимодействие в энергетической, военно-технической, научной и гуманитарной сферах. В 2013 г. между Кыргызстаном и Россией было подписано Соглашение о сотрудничестве в сфере транспортировки, распределения и реализации природного газа в Кыргызстане. Данное соглашение основывалось на сделке, в соответствии с которой российский Газпром купил «Кыргызгаз» за 1 доллар. При этом президент КР А. Атамбаев выдвинул три условия «Газпрому»: бесперебойное обеспечение республики газом круглый год; цена на газ должна быть ниже цены на газ, устанавливаемой Казахстаном и Узбекистаном; развитие газовой инфраструктуры и геологоразведочной деятельности. С одной стороны, эта сделка противоречит принципам национального суверенитета, но с другой – это возможность придать импульс развитию данной отрасли. Благодаря данной сделке Кыргызстану удалось решить свои финансовые проблемы в газовой сфере и предотвратить возможность банкротства «Кыргызгаза». Кроме того, впервые за всю независимую историю Кыргызстана цена на газ упала почти в полтора раза. На сегодняшний день компания «Газпром Кыргызстан» обновила газовую инфраструктуру республики и

планирует газификацию новых областей, а также строительство соответствующих объектов. В рамках Инвестиционной программы ОсОО «Газпром Кыргызстан» за 2015–2017 гг. осуществлена подача газа в 10 населенных пунктов Чуйской области, завершено строительство промышленных объектов и административных зданий (новый центральный офис, учебно-производственный центр, магистральный газопровод «Бухарский газоносный район - Ташкент-Бишкек-Алматы»).

Для Кыргызстана большое значение имеет горнодобывающая отрасль промышленности. Российские компании проявляют значительный интерес к этой отрасли и готовы вкладывать инвестиции. Россия стала потенциальным инвестором Кара-Балтинского горнорудного комбината и помогла компании выйти из кризиса из-за отсутствия сырья на переработку, предложив альтернативный вариант перерабатываемого сырья. В целом, на сегодняшний день насчитывается около 600 кыргызско-российских предприятий, которые ведут совместную деятельность в сфере обрабатывающей промышленности, торговли, строительства, финансовой деятельности и в сфере услуг.

Большие перспективы открывало перед энергетикой Кыргызстана соглашение с «РусГидро» о строительстве Камбаратинской ГЭС-1 и Верхне-Нарынского каскада ГЭС. Строительство данных объектов имело несколько положительных сторон для республики: во-первых, это социальные преимущества: трудоустройство граждан КР на местах; во-вторых, это возможность снизить дефицит

электроэнергии в зимнее время. Однако эксперты из Кыргызстана отмечали, что данный проект не выгоден с экономической точки зрения и может послужить детонатором в отношениях с соседними государствами [6]. На официальном уровне подчеркивалось, что идею строительства новых ГЭС руководство республики «хотело реализовать на протяжении последних пятнадцати лет». Предполагалось, что «дешевая, экологически чистая энергия будет востребована как в странах СНГ – Казахстане, России, Узбекистане, – так и в зарубежье, Китае и Афганистане» [7]. Как бы там ни было, в 2016 г. Кыргызстан денонсировал соглашение с «РусГидро» о строительстве стратегически важных энергетических объектов. А. Атамбаев объяснил денонсацию отсутствием у России финансовой возможности строить ГЭС. Валидность этой причины не вызывает сомнений ввиду того, что разгар строительства вышеуказанных объектов пришелся на сложный финансово-экономический период, в котором Россия находится в последнее время. Таким образом, возможность стать энергетически безопасным государством для Кыргызстана остается делом будущего.

Военно-политическое сотрудничество между Кыргызстаном и Россией в президентство А. Атамбаева значительно укрепилось. Учитывая общность региональных вызовов и угроз, Россия помогает модернизировать армию Кыргызстана. Данная помощь осуществляется в рамках программы сотрудничества по договору о коллективной безопасности (ОДКБ). В 2016 г. на безвозмездной основе Россия передала Кыргызстану бронетанковую технику, артиллерийские системы с запасными частями и боеприпасы к различным видам стрелкового вооружения [8]. При этом было отмечено, что Кыргызстан выступает против расширения российской военной базы в Кыргызстане. А. Атамбаев подчеркнул, что вместо увеличения военного контингента на авиабазе «Кант», наиболее предпочтительный вариант – это «строить подготовительные площадки на юге страны» с целью укрепить кыргызско-таджикскую границу [2]. Новая страница в военно-техническом сотрудничестве открылась в июне 2017 г. во время официального визита А. Атамбаева в Москву. Между Россией и Кыргызстаном был подписан Договор о развитии военно-технического сотрудничества, о поставках продукции военного назначения. Во время визита президента КР А. Атамбаев обратился к президенту РФ В. Путину со словами: «Мы должны сберечь чувство братства, родства между нашими странами... Думаю, с каждым годом это будет только укрепляться. Я хочу и дальше делать так, чтобы наши народы помнили общую историю, общие корни, и чтобы никто и никогда не смог оторвать Кыргызстан от его прародины, от братского народа» [3].

На фоне положительной динамики в отношениях между Россией и Кыргызстаном остается вопрос, который требует взвешенного решения. В Кыргызстане с некоторых пор роль русского языка постепенно снижается, и как следствие – сокращение часов на его преподавание в образовательных

учреждениях. Это может привести к еще большему оттоку славянского населения из страны, к потере квалифицированных специалистов.

Несмотря на всю сложность конфигурации внешнеполитической конъюнктуры, денонсацию соглашения с «РусГидро», сокращение часов на изучение русского языка Кыргызстану в президентство А. Атамбаева удалось проводить ответственной, мудрой и последовательную внешнюю политику с расстановкой значимых приоритетов. Выбор Кыргызстана в пользу евразийской интеграции был трудным для страны с преимущественно экспортной экономикой, однако индикатором правильности выбранного решения является постепенное освоение кыргызстанской продукции на евразийском рынке. Таким образом, в условиях политического, экономического, идеологического давления на Кыргызстан со стороны международных, региональных акторов А. Атамбаев смог выстроить гибкий, независимый внешнеполитический курс с учетом национальных интересов республики. А. Атамбаеву удалось сбалансировать многовекторную политику страны, основы которой были заложены еще в первые годы независимости, и выбрать надежного союзника в лице России. Благодаря созданному в последние годы фундаменту кыргызско-российских взаимоотношений можно предположить, что в перспективе стратегическое сотрудничество между Кыргызстаном и Россией будет укрепляться и развиваться по восходящей линии.

Думается, что в президентство А. Атамбаева Кыргызстан обрел ту линию внешнеполитического поведения, которая в ближайшей перспективе будет определять ключевой вектор его внешней политики.

Выводы. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- внешняя политика Кыргызстана в контексте многовекторности стала действительно сбалансированной и гибкой с опорой на взаимовыгодное сотрудничество с отдельными государствами;
- исходя из приверженности национальным интересам, Кыргызстан сделал ставку на развитие экономики в рамках евразийской интеграции;
- отношения Кыргызстана и России приобрели содержательный и ценностный характер.

Список литературы:

1. А. Атамбаев: Многовекторность основана на национальных интересах страны // <http://krg.rus4all.ru/exclusive/20160505/726618208.html>
2. Атамбаев: «Мы против расширения российской военной базы в Канте» // <http://yenicag.ru/atambaev-my-protiv-rasshireniya-rossijskoj-voennoj-bazy-v-kante/>
3. Алмазбек Атамбаев и Владимир Путин за обедом обсудили итоги переговоров // https://24.kg/vlast/55460_almazbek_atambaev_ivladi_mir_putin_zaobedom_obsudili_itogi_peregovorov/
4. Джекшенкулов А.Д. Кыргызстан и Россия: шаги навстречу // Вестник КPCY. 2013. Т. 13. № 4.

5. Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами-членами Евразийского экономического союза в 2015-2016 гг.». М., 2017. С. 24.
6. Евразийская интеграция // <https://www.ritmeurasia.org/news--2016-01-16--o-sudbe-verhne-narynskogo-kaskada-i-kambaratinskoj-ges-21400>
7. Жээнбеков А. Наше партнерство обусловлено исторически // Российская газета. 2012. № 275 (5948).
8. Россия поставила Кыргызстану партию военной техники и вооружения // <http://www.zakon.kz/4774365-rossija-postavila-kyrgyzstanu-partiju.html>
9. Романова Т. О неоклассическом реализме и современной России // Россия в глобальной политике. Т. 10. № 3. Май-Июнь. 2012. С. 9.
10. Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Российской Федерации о развитии экономического сотрудничества в условиях евразийской экономической интеграции. 29 мая, 2014.
11. Стратегия устойчивого развития КР на периоды 2013-2017 г. Бишкек, 2012. С. 20.
12. Сумароков Л. Одна судьба - одна дорога. Б., 2015.
13. Toktomushev K. Kyrgyzstan – Regime Security and Foreign Policy. London, 2016.

УДК 321

*Makarenko Liliya,**PhD. Political Sciences, Doctoral student of the Department of Political Science of the Kyiv National Taras Shevchenko University*

THE MASS MEDIA IN THE DEMOCRATIC PROCESSES IN UKRAINE

The article deals with the disadvantages in the work of the domestic mass media and with the ways of overcoming it within the potential of the media to establish a dialogue between the state and civil society. It is emphasized that the mass media is a dangerous weapon, because it can both consolidate society and also form destructive settings and mood. In the modern world, the media act as a separate political player, because it have the power to affirm, impose and defend their point of view and force other players to act on this basis. The peculiarity of the media is that it can not make decisions, order, bind, bring to justice.

The media carry out their political and managerial role in the political system by discussing, supporting, criticizing and condemning various political programs, platforms, ideas and proposals of individuals, public groups and political parties. The media act as a kind of public control and publicizing its results.

The main disadvantages in the activities of domestic mass media are its economic and administrative dependence, caused by the bias and subjectivity of people working in the field of mass communication, the need to attract attention and conquer the mass audience by any means. Attention is drawn to the predominance of materials in the media of negative content, which adversely affects the moral and psychological situation in society.

Accordingly, all these disadvantages should be corrected: to improve the regulatory framework of the media, to create public media, to raise ethical and competent standards of journalistic activity, to charge the society positively and confidently in the future, to engage in educational work, explaining and popularizing the steps of the authorities in the direction of development of the state.

Keywords: mass media, messages, news, TV, the influence, manipulation, trust, dialogue, the state, the public.

Problem statement. The research of the role of the media in the society and the political system is very relevant, and therefore, it has been revealed by many scholars.

Analysis of recent research and publications. According to the general definitions of the researchers such as V. Bebig, V. Lysnichy, V. Martynenko, I. Polischuk, Y. Suezhentseva, K. Safiulina, S. Teleshun, V. Shevchenko, the mass media not only inform the news, but also propagate certain ideas, views, doctrines, political programs and thus participate in social management, provide information support to the authorities. The mass media encourage people to certain actions by forming public opinion and developing of certain motivation. The media bring to the attention not only operational, but also official information – laws, orders, decrees, etc. Doing this, it conveys the will of the authorities and its demands. At the same time, the media is a kind of feedback. It accumulates thoughts, aspirations, judgments of people from virtually all

spheres of community life – this is a peculiar barometer of public opinion.

The role of the media is in constructing political reality, the question of the influence of the media on the process of democratic development of society and the establishment of civil society institutions were also found in the works of V. Berezenko, D. Dubov, M. Horlach, A. Kostyrev, D. Yakovlev.

Thus, D. Yakovlev believes that "In the modern world, the media act as a separate political player, because they are given the power to affirm, impose and defend their point of view and force other players to act on this basis. Political communication becomes a decisive factor in the development of all institutions of modern Ukrainian society. Mass media in the modern political process are not only a leader of information, but also as an authority of "naming" and interpreting events., Due to the enormous opportunities of influence and reach of the audience, the media create not only thoughts about events. They make news from the event,

and, putting an action in the symbolic space, interpreting it, recreate the event "[6].

D. Dubov points out a number of contradictions in the media: "The freedom of speech constitutionally enshrined, and the lack of censorship give journalists the opportunity to comprehensively cover up an important events and phenomena. However, freedom of speech in the media does not mean permissiveness and irresponsibility. Too much freedom with the words can have negative social consequences, deform the political, social, economic, cultural orientation of society and every citizen. The specifics of the purpose and characteristics of the activities of mass media may result from manipulation of mass consciousness. It should also be noted the phenomena of probable deviance of journalistic morality: the fact of designing the mass media of reality by controlling the order of coverage of events ("gate-keeper"). Thus, there are contradictions between the freedom of speech and the need to determine the level of social responsibility of the media in the conditions of globalization of the information space "[2].

The purpose of the article. Proceeding from the potentially contradictory role of the mass media in the political system and society in general, we will determine its importance in the modern Ukrainian society, and point out the disadvantages in their activities that should be eliminated immediately.

Presenting main material. In a democratic society, the media are components of the political system along with the parliament, the executive power, an independent judiciary, and even called as "the fourth power" – not in the sense of "the fourth branch of state power", but in the sense of "the power of civil society". This figurative statement testify to the huge role of the media in modern society.

The peculiarity of the media is that it can not make decisions, order, bind, bring to justice. The mass media exercise its political and managerial role in the political system by discussing, supporting, criticizing and condemning various political programs, platforms, ideas and proposals of individuals, public groups, political parties. The mass media act as a kind of public control and publicizing its results.

What is important, that media can hold back the political confrontation in society, translating it into a dialogue area in order to replace the dangerous confrontation useful and mutually beneficial to society through the cooperation of various political forces.

Consequently, the main functions of mass media in a democratic society are: control of the power, pressure on the power, establishment of interaction and trust between government and society. In the authoritarian and totalitarian regimes, where ideology and media are state-owned, the media is only an instrument of state power.

However, it should be understood that the transition to a democratic way of managing society is a long lasting process. This way of qualitative changes the media should go gradually and consistently as other institutions of the state and civil society. They must learn new rules of the game, new values and responsibility. This explain a lot of shortcomings that accompany the media activities in the modern Ukraine.

However, on the author's opinion the position of the domestic media seems to be completely irresponsible and unprofessional, which remains unchanged despite the numerous positive changes and transformations that have taken place in recent times both in the political system and in the communicative system and in society as a whole. It is about the dominance of the negative information on the television and in the other types of media. Moreover, such materials concern absolutely all aspects of society's life: from the personal life of individuals to the coverage of the political and economic situation in the country and the world. Television is so enthusiastically looking for and "savoring" plots of all kinds of catastrophes, misery, immorality, unprincipled and frankly criminal behavior, made by an ordinary citizen or any well-known personality. It is sometimes difficult to understand: such a situation and a model of behavior are condemned or imposed as a model for the mass consumer information product? The media behave like a small child, who do not care about attracting the attention of adults: a good or a shameful act. A mass consumer of a "trash", which is being circulated by the media, readily pours on the surrounding aggression, which is charged with talk shows, reality shows, feature films and documentaries, series, news releases.

The mass media should with the same pressure find stories about talented, gifted people, about scientific inventions and examples of altruism, friendship, devotion and love in the end, to clarify and popularize the reforms being implemented, to tell about the successes of the government (certainly not fake, but real). Total criticism and the one-and-a-half view of "all bad" negatively adjusts the society.

How many people know the meaning and significance of those laws that were adopted during the last session of the Council? How did the mass media join the explanation of the content of the administrative-territorial reform, civil service reform, judicial reform, etc.? Increasing crime, aggression in society, dependency towards politicians and politicians, dissatisfaction with life, apart from the objective foundation, which of course takes place, this is the result of the hard work of the domestic media.

At the moment Ukrainian society goes perhaps through the most difficult period since the formation of an independent state. It's time for the domestic mass media to finally realize its responsibility for the destiny of the country and move from the instigation of mass hysteria to constructive critique and comprehensive coverage and clarification of events and processes of national importance.

T. Vergeles, editor of the information portal "ZIK" writes in his blog: "What is bad for us now, is good. It forces the brain cells to move, look for exits, experiment, and take risks. We do not care about a victim. It's time to take responsibility for yourself. We are poor because we do not want to answer anything. This applies both to the state and to every citizen of the country. We have no other way to defend our land, build up military power, eradicate corruption and do everything for people to live decently. "

Journalists have to take a similar stance today: to stimulate civil society to be active and responsible, showing the society an example.

According to G. Blummer opinion, the multidimensional penetration of the media into the life of society can play a unifying role and contribute to the consolidation of the society, and disintegration, dissociating, introducing negative stereotypes in the public consciousness, which is especially noticeable in the crisis periods of the historical development of society when people in a state of social uncertainty are especially influenced, easily respond to different new stimuli, ideas, and also more exposed to propaganda and different manipulation [4, p. 123].

Many researchers draw attention to the fact that the manipulative potential of the media flourishes precisely in terms of democracy, since the totalitarian regime is based on frank and cynical violence.

Z. Freire, a media specialist, said: "There is no manipulation for the awakening of the people, but there is total pressure. While suppressed are entirely under the pressure of the reality, there is no need to manipulate them" [4].

Determination the reasons for the manipulative nature of the media is important. In spite of some differences in approaches to their interpretation from different authors, these reasons can be grouped into three main groups:

1. Reasons caused by bias and subjectivism of people working in the field of mass communication. The distortions caused by individual psychological peculiarities, political passions and sympathies.

2. Reasons caused by political, socio-economic and organizational conditions in which mass media operate. The main of them - the dependence of the media on specific social actors. It can be manifested in two basic forms - economic and administrative. The economic form of dependence is that media in a market conditions work for a certain client, for example, advertisers and other large scale capital customers. The administrative form of dependency is manifested in the fact that the media obey their masters and founders.

The way out of this situation is the creation of public or mass media at the national and, especially, regional level. The world experience shows that public media provided by the effective administration and public control over the program and editorial policies can restore the thematic and meaningful balance in the media, provide access of the public groups that are deprived of it through a high financial exit threshold to the media market. In view of this, the state should promote the formation of a high-quality legal basis and the actual creation of public media.

3. Reasons provided by the process of functioning of the media. In order to attract attention and conquer a mass media audience are governed by certain general rules or principles, while submitting materials and preparing messages, various programs. At the same time, V. Pugachev notes: "... the principles of selection of materials taken by them are poorly compatible with deep analytical reports and often hinder the creation of an information picture of the world, more or less adequate to the reality" [5].

In the process of manipulation, a special place is devoted to the television. It allows to carry out the illusion of contact and fast feedback between the subject and objects of manipulation. At the same time, television facilitates the transformation of communication into the show, into the play with its playwriting, it helps to draw the audience into the interaction process. Television is aimed at developing corporate feelings and, ultimately, the hidden differentiation of the audience. An individual begins to respond on the influence as a representative of a corporate community, and not as a particular entity. In Ukrainian realities, TV channels belong to representatives of financial and industrial groups ("oligarchs"), the absolute majority of which personally personify power, or lobby through its own corporate and political interests.

The American media researcher R. McNeill in 1968 wrote: "Television has become the cause of such radical changes in the means of political informing of the society, such as has not happened since the foundation of our republic. Before spreading the television nothing has made such terrible changes to the technique of persuasion on the masses. In fact, it's not just about television, but because it has become the technical basis for using complex doctrines of manipulation of consciousness. First of all, it is about creating the entire industry of television political advertising. Why the television in the political goals has become a tool for suggestion much more effective than printed press and radio? That is because it was discovered the amazing ability of the TV screen to "erase" the difference between truth and lies. Even the obvious lie, presented through the TV screen, does not cause the viewer an automatic alarm - his psychological protection is disabled" [4, c.173].

In 2004, an Italian writer Umberto Eco, in response to populist rhetoric of the S. Berlusconi said: "Democracy in Rome was about to die when Roman politicians guessed that it was not necessary to take seriously the electoral programs, but it was necessary to invent more ways to please the audience »... [3]

Today, political forces and individual candidates are also trying to use the latest technologies and methods of providing information on the Internet - these are multimedia forms (first of all video or leader's personal page), as well as presence in social networks, keeping personal blogs, etc. Such policies have considerably more chance of being "open", "progressive" from the point of view of active Internet users and young people.

So, at the moment, the Ukrainian mass media can not yet be called democratic, as one can not call the democratic also our state, but gradually we all learn the values and ideals that are called democratic in the world. And the state and civil society and the media are gradually becoming aware of the need for close cooperation, mutual interest in establishing trust in each other, and finally, their responsibility for our common future.

E. Bystritsky in the article "Communication and the long-awaited happiness of reforms" writes: "Despite the essential elements of anarchy, through the selfish struggle of private interests, the game of populism, the "lack of quality" of many people's choices, the laws

necessary for the legal maintenance of reforms, which, in fact, had in mind the EuroMadan, make their way. Necessary laws that provide reforms ... are gradually adopted.

Reforms make way for themselves and through executive power. Deregulation steps should ease business life. The E-Government Agency was created, which replaced several inefficient management centers in this area. Started to work a system of electronic administration of value added tax. Open data sites, including public procurement are created in several leading ministries. 100 local centers for the provision of free secondary legal aid, which forms the civil dignity of a person, have begun its work in all regions of Ukraine. The list of tactical shifts can be continued "[1].

So why does the media not promote positive news?

Now the moment when the media once again should praise the authorities for the ongoing reforms rather than criticize. Probably this idea is somewhat correlated with the president's statement that criticizing the authorities in the current conditions is for the good of the enemy. In psychology there is the notion of "positive and negative reinforcement", which emphasizes that good deeds and actions need to be publicly approved in order to inspire man to make new accomplishments, while constant criticism only stimulates new, depressing acts. These conclusions of psychologists regarding the development of personality can be easily transferred to the social sphere. On the one hand, society will gradually gain optimism and belief in transformation; on the other hand, the government will feel the support and encouragement for further steps if it receives positive reinforcement from the media and, therefore, from the society.

Conclusions and perspectives of further research. Consequently, the main disadvantages in the activities of domestic mass media are their economic and administrative dependence, caused by the bias and subjectivity of people working in the field of mass communication, the need to attract attention and gain massive audience by any means, negativism and pessimism not only in informational materials, but also in materials of an entertaining character.

Accordingly, all these disadvantages should be corrected: to improve the regulatory framework of the media, to create public media, to raise ethical and competent standards of journalism, to learn how to recharge the society positively and confidently in the future, and most importantly - to engage in political enlightenment, explaining the meaning of all reforms, laws of bylaws, promoting insecure but faithful steps of the authorities towards the development of the state.

Civil society and the rule of law can not exist autonomously, without interacting with each other. Such interaction is possible only within the information space. Media, which is the only way of transmitting information, can and must play an important role in the communication process between civil society and the rule of law. Trust to the media is directly proportional to the level of quality of their information.

Список використаних джерел:

1. Бистрицький С. Комунікація та довгоочікуване шастя реформ // Українська правда. — Блоги. — 2015. — 7 лип. Режим доступу: <http://www.bystrytsky.org/reform15.htm>

2. Дубов Д. В. засоби масової інформації як якісно нові суб'єкти політичних комунікацій. Електронний ресурс. Режим доступу: http://www.niisp.org.ua/dubov_~2.pdf

3. Ковальський В. Точить топоры, но молчат до поры... // Столичные новости. — 2008. — №26. — 15-21 июля. — С.4.

4. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. — М.: Эксмо, 2006. - 436с. — [электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul145.htm>

5. Месюк М.П. Маніпулятивні технології влади як перешкода налагодження взаємодії з громадянським суспільством в Україні. Електронний ресурс. Режим доступу: <http://www.dy.nayka.com.ua/?op=1&z=677>

6. Яковлев Д.В «Роль засобів масової інформації в конструюванні політичної реальності» Автореф. дис... канд. політ. наук. Електронний ресурс. Режим доступу: <http://dissert.com.ua/contents/17806.html>

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Artiukhova N.O.

PhD in Law, assistant professor,

National Academy of the Security Service of Ukraine

NATIONAL SECURITY OF UKRAINE IN TERMS OF INTERNATIONAL TRADE AND ECONOMIC COOPERATION: GLOBAL HAZARDS AND THEIR CLASSIFICATION

Abstract. In the article, the concepts of "threats", "challenges" and "risks" in terms of promoting state interests in the process of international trade and economic cooperation of Ukraine are defined and their classification is offered.

Key words: threats, challenges, risks, international trade and economic cooperation, state interests, national security.

Introduction. At the present stage of human development, international cooperation in various spheres of social relations becomes global and therefore gives new opportunities for economic development, scientific and technological progress, socio-cultural diversification, etc. At the same time, not all the participating countries benefit equally from such relationships, which contributes to further economic disparity both between countries and within them. In this context, in terms of growing openness of the Ukrainian economy and the increased influence of negative external economic factors, the issue of identifying and classifying hazards, namely threats, risks and challenges to national security in the field of international trade and economic cooperation (hereinafter – ITEC) of Ukraine, as well as searching for the ways to prevent and counteract them, seems urgent and necessary.

Analysis of recent research and publications. Threats to the national security of Ukraine in various economic spheres were thoroughly researched by V. Geets, A. Kachynski, E. Libanova, V. Muntian, T. Ostashko, V. Sidenko and others. However, these researchers focused their attention mainly on the economic aspects of this issue, so nowadays in the scientific literature there is a lack of comprehensive research on threats, challenges and risks to the national security of Ukraine in the sphere of ITEC. Therefore, the **goal of the paper** is to analyze the relationship between the concepts of "risks", "challenges" and "threats" while supporting state interests in the sphere of ITEC of Ukraine, define them and develop their classification.

Presentation of the basic material. Due to the dynamic changes in international economic cooperation of Ukraine at the present stage, strict requirements to the organization of state interests' support in this sphere are advanced, which implies that all existing and potential hazards should be taken into account and forecasted, in order to minimize the negative consequences for national economy.

In the scientific literature on urgent issues of state and national security, more and more popular becomes the research of not only real and potential threats, but also the risks and challenges accompanying them. Thus, the representatives of the National Institute for Strategic Studies (NISS) of Ukraine, in their analytical report, analyze new threats and challenges for Ukraine

in the international security environment [1, p. 10-12], and also identify risks for the Ukrainian economy in terms of its participation in globalization process [1, p. 21-22]. The necessity in using common terminology in the field of detection, monitoring, identification of sources and causes of threats to the national interests, hazards and challenges within the military sphere and risk assessment is also supported by the scientists from the National Defense University of Ukraine [2, p. 122-124]. Problems in defining content and correlation between the categories of "threat", "risk" and "challenge" while researching the issues of safety and security of various sectors of the national economy, in particular transport, also became the subject of scientific study by the scholars of the National Academy for Public Administration under the President of Ukraine [3].

The above mentioned gives grounds to assume that today all the real and potential dangers in the most important spheres of national economic security, one of which is undoubtedly the ITEC of Ukraine, are not limited only to threats but, on the contrary, are also characterized by a number of interrelated risks and challenges that require a thorough study and analysis. This point of view is also confirmed by the provisions of the national security theory, where the challenge is defined as the aspiration of one state (group of states) to oppose another state (group of states) in the realization of national interests [4, p. 32].

For a better understanding of the essence of the problem, let us refer to the etymology of these concepts.

Dictionaries define "threat" as a possible danger, a gross, decisive promise to inflict some kind of harm, trouble, danger, hazard; possibility or inevitability of something dangerous, annoying; something that can cause any kind of evil, trouble; danger [5]. Thus, it is obvious that, in spite of a somewhat versatile dictionary interpretation, "threat" means a situation in which there is a probability of danger, violation of the normal functioning of a particular sphere, process, phenomenon, etc. The specified probability of danger is usually characterized by the concept of "risk". Risk is a conscious possibility of danger, the possibility of loss or failure in any business [6, p. 1221]. That is, the risk involves the need for choice, the uncertainty of the final result, and therefore can have both negative and positive effects. Challenge is a requirement, an encouragement to any

actions, relationships [6, p. 136], so "challenge" means necessary actions, the consequences of which are unpredictable.

The analysis of the above mentioned concepts shows that they are interdependent and interrelated, and therefore, can be used to characterize hazard phenomena in the sphere of ITEC, because the state's failure to respond adequately to the challenges that inevitably arise in the process of international cooperation, having previously assessed all the possible risks from one or another action / inaction can be a source of a threat to it.

Thus, "*the challenges to the national security of Ukraine in the sphere of ITEC*" we offer to consider as a set of circumstances, factors and actions caused by global economic, political, social and other processes that directly or indirectly influence the state of the Ukrainian ITEC and require a corresponding reaction from the state.

"*Risks to the national security of Ukraine in the sphere of ITEC*" can be defined as a set of potential hazards that, under certain conditions (actions / inaction), may cause threats to the sphere of ITEC of Ukraine.

And now let us outline the challenges and risks to the national security of Ukraine in the sphere of its international trade and economic cooperation at the present stage, and on the basis of the results achieved, formulate the threats caused by them, the identification, elimination and counteraction of which is the main task of the state security bodies.

In the analytical note "Strategic Partnership of Ukraine", the experts from the National Institute for Strategic Studies of Ukraine argue that "in the context of new transboundary challenges to the international security ... of utmost importance becomes building a flexible and differentiated system of relations between Ukraine and key international actors, that will meet the challenges of the globalized world and contribute to strengthening the role of our country on the world stage"[7].

In terms of legislation, the threats to the ITEC of Ukraine are partially identified in the Law of Ukraine "On the fundamentals of national security of Ukraine". Among them are: intelligence and subversive activity of foreign special services; critical dependence of the national economy on the conjuncture of external markets, low expansion rates of the domestic market; foreign capital share growth in strategic sectors of the economy that is dangerous for the economic independence of Ukraine, etc. [8].

Among the urgent threats to the national security, defined in the National Security Strategy of Ukraine [9], in terms of state interests support in the sphere of ITEC, one can consider: blocking Ukraine's efforts to counter the monopolization of strategic sectors of the national economy by Russian capital assets, dependence on monopolistic supplies of critical raw materials, energy resources; trade and economic war, etc.

Taking into consideration the above mentioned, we assume that the legislator defines the threats to the ITEC in a rather indirect and general way, without taking into account the present circumstances that cause

them, in particular the risks and challenges to national security in this sphere.

Thus, we propose to distinguish between the following global challenges to the national security in the sphere of ITEC:

1) "trade wars" between countries with unfair competition in bilateral or multilateral industrial and economic relations;

2) the "deviant globalization" of the economy, which, according to American scientists, being its systemic and integral part, is at the same time a challenge to the traditional notions of wealth, poverty and progress [10];

3) transnationalization of the economy. Free foreign entrance into the Ukrainian market under the auspices of mutually beneficial cooperation, creation of TNCs (transnational corporations), FIGs (financial-industrial groups) and MNCs (multinational corporations) under the jurisdiction of highly developed countries of the world and lobbying their interests to the prejudice of the national ones, and specifically in the course of international trade and economic cooperation;

4) the military and political confrontation of countries and alliances, and as a result – the recession of international economic cooperation of Ukraine, the loss of investment attractiveness, etc.;

5) adaptation of the provisions of Ukrainian legislation, in particular referring to international trade and economic cooperation, to international requirements and standards, implementation of appropriate reforms, etc.

On the basis of the identified global challenges, we will now consider the risks to the ITEC of Ukraine associated with them. In our opinion, they are:

1) the probability of causing significant losses to domestic enterprises, industries, the state budget in the process of ITEC;

2) the spread of transborder crime in the sphere of ITEC, namely: illegal world trade operations, money laundering, illicit drug trafficking, weapons proliferation, money counterfeiting, illegal human trafficking, illicit trade of art objects, etc.;

3) uncontrolled foreign presence in the state strategic sectors (energy, banking, food industry, etc.), destruction of traditional socio-cultural values, in particular by imposing foreign goods / services in the process of international trade;

4) recession of the economic growth, reduction of foreign investment flows, etc.;

5) improper / irrational use of significant financial resources, aimed at the implementation of international standards in various areas of public relations.

It should also be noted that the overall scale of challenges and risks, both global and local (for the state security of Ukraine in the sphere of the ITEC in particular) has a tendency towards permanent modification. Thus, according to the World Economic Forum, nowadays in terms of international trade and economic cooperation there are high risks connected with unpredictable consequences of introduction of the newest technologies, application of regulatory measures, nationalization of resources, etc. [11].

Therefore, the global challenges and risks mentioned above are quite heterogeneous in origin and affect almost all spheres of public relations, and thus produce real and potential threats to the national security of Ukraine in the process of its international trade and economic cooperation. These threats, in our opinion, should be classified as follows.

By the scale of extension: *global* (economic expansion of the leading world military and political alliances, unequal status of Ukraine on the international scale, which complicates its ability to lead and win in the competitive struggle on the world market of goods and services); *local / regional* (low economic potential of the country, weakening of its economic independence, decrease of technological and industrial potential of the state); *sectoral* (within one or another branch of the national economy that takes part in international trade and economic cooperation); within one economic entity – a participant of economic relations in the sphere of ITEC of Ukraine.

By the probability of occurrence: *real* (threats that already exist) and *potential* (threats that may occur as a result of any changes / actions / inaction); *regular / immanent* (caused by regular conditions, reasons common to this sphere, for example world trends in production and trade, changes in foreign trade / customs legislation of partner countries, etc.) and *irregular* (unexpected, force majeure, can be caused by unpredictable economic, political, military and other circumstances).

By the time of occurrence: *current* (taking place at the present time); *future* (can be forecasted due to the situation analysis); *retrospective* (affect both foregoing, and can be reduced under the condition of exercising influence on them).

By the duration: *termless* (not limited to a certain period of time), *term* (determined for a certain period of time, namely: *short-term* – up to 1 year; *medium-term* – 1-3 years; *long-term* – more than 3 years).

By the degree of predictability: *predicted, unpredictable*.

By the conditionality: *objective* (caused by unpredictable factors, natural disasters, etc.) and *subjective* (caused by intentional or unintentional actions / inaction of people, state and foreign (international) enterprises, etc.).

By the nature of the manifestation: *short-term* (those that are realized in the near future, in particular, inflation, seasonal fluctuations in prices for materials, raw materials, etc.) and *long-term* (realized in the long-term perspective. Among them: high level of international competition, loss of sales and supply market; lagging production technologies).

By the place of occurrence: *internal* (inefficient state economic policy in terms of providing competitive advantages and ensuring an adequate level of competitive capability of the country on the international scale; ineffective operation of state bodies involved in the implementation of state policy in the sphere of ITEC); *external* (threats caused by the confrontation of political and economic interests of countries interacting on the global scale; threats associated with unfavorable processes in the global economy (acute fluctuations in world currency rates, export rates, and indexes of stock

markets, price reduction for exporting countries, etc.); expansion of foreign goods and services to strategic sectors of the domestic market; uncontrolled export of strategically important goods/raw materials, etc. in terms of the international agreements of Ukraine on trade and economic cooperation) and *hybrid* (threats to the national security of Ukraine in the sphere of ITEC, which are internal by the form of appearance, and external according to the source of origin. Here belong problems in the energy resources supply and transit, external support of internal military and political instability, which provoke the outflow of capital abroad and spoil the international image of Ukraine; terrorist groups operating on the territory of Ukraine under the auspices of international organizations, etc.).

By the factors that cause them and by the sphere of occurrence: *terrorist* (use of processes occurring in terms of ITEC as a cover for terrorist financing); *political* (ineffective state regulation policy in the sphere of ITEC, critical dependence of state external policy on foreign influence); *economic* (weakening of the state economic independence in the process of ITEC, pushing out from the international markets, limitation of access to advanced technologies, the usage of means of pressure against Ukraine by the partner countries in order to protect their investors, etc., the usage of trade and economic instruments by the partner countries to promote their interests to the detriment of Ukraine); *normative and legal* (imperfection of the state system of normative and legal regulation in terms of protecting domestic enterprises/structures involved in ITEC); *social* (the dominance of personal interests over national priorities in the sphere of ITEC of Ukraine; corruption within government and law enforcement structures that implement the state ITEC policy; the loss of national intelligent potential as a result of increased labor migration, enticement (also known as headhunting) of highly skilled labor force by foreign companies in the process of ITEC; further development of illegal migration, etc.); *logistical* (imposing obsolete equipment, poor quality goods/services in the process of ITEC, etc.); *ecological* (placing harmful industries, environmentally dangerous wastes on the territory of Ukraine under the international agreements).

It should be noted that the proposed classification of threats is not exhaustive, as they are dynamic and tend to constant change taking into account the variety of factors under which they arise and the diversity of social relations in which they penetrate.

Therefore, taking into account everything mentioned above, the concept of "*threats to national security in the sphere of ITEC*" can be defined as a set of real and potential dangers of external and internal character in various spheres of social relations that have a negative impact on the vital interests of Ukraine in the process of its international trade and economic cooperation and are the object of support by the state law enforcement bodies Ukraine.

Conclusions. According to the results of the study, the following conclusions can be drawn:

1. The concepts of "threat", "challenge" and "risk" are interdependent and interrelated and may well be used to characterize the hazardous phenomena in the

sphere of ITEC of Ukraine and therefore require the support of state law enforcement bodies of Ukraine.

2. On the basis of global challenges in the sphere of ITEC of Ukraine and related risks to national security connected with them, the classification of threats to the national security in this sphere is developed. It is offered to distinguish these threats according to the following criteria: the scale of extension, the probability of occurrence, the time of occurrence, the duration, the degree of predictability, the conditionality, the nature of the manifestation, the place of occurrence, the factors that cause them, the sphere of occurrence.

References

1. The international security environment: challenges and threats to national security of Ukraine / B.O. Parachonsky, G.M. Yavorska, O.O. Reznikova ; chief ed. K.A. Kononenko. – K. : NISS, 2013. – 56 p.
2. Dyuz-Kryatchenko O.P. On the terminological aspect of the problem of national security of Ukraine / O.P. Dyuz-Kryatchenko, L.M. Lisicin // *Modern Information Technologies in Security and Defense*, 2014. – No. 1 (19). – P. 122-125.
3. Sapronov O. Challenges, risks and threats to national security in the transport sphere [Electronic resource]. – Access mode : www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Dums/2010_3/10sovbtts.pdf.
4. Geopolitics and national security: glossary of terms / G. P. Sitnik, V. Yu. Bogdanovich, M. F. Yezheev. – K. : NAPA, 2005. – 232 p.
5. New glossary of the Ukrainian language : in 4 volumes / V. Yaremenko, O. Slipushko. – K. : Akonit, 2004. – 912p.
6. The great glossary of modern Ukrainian language / Chief ed. V.T. Busel. – K. : Irpin : Perun University, 2005. – 1728 p.
7. Parachonsky B. "Strategic Partnership of Ukraine". Analytical note / B. Parakhonsky, G. Yavorska [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.niss.gov.ua/articles/600/>.
8. The Law of Ukraine "On the Fundamentals of National Security of Ukraine", June 19, 2003 // [Electronic resource]. – Access mode : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/964-15>.
9. The National Security Strategy of Ukraine, May 26, 2015 // [Electronic resource]. – Access mode : <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/287/2015>.
10. Gliman N. Deviant globalization: black market economy in the 21st Century / N. Gliman, J. Goldhammer, S. Weber, eds. – Continuum Press, 2011. – 320 p.
11. World Economic Forum. Global risks 2013, 8th edition. – [Electronic resource]. – Access mode http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalRisks_Report_2013.pdf.

Гулиев Фуад Гулу оглы,

старший медицинский сотрудник НИИТО Минздрава Азербайджанской Республики,

Кокоева Луиза Темболатовна,

д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой предпринимательского и трудового права ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)»

Guliyev Fuad Gulu oglu,

senior medical officer of the NIITO Ministry of Health of the Azerbaijan Republic,

Kokoyeva Luiza Tembolatovna,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial and Labor Law of the North-Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ THE CIVIL ASPECT OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS IN THE SYSTEM OF OBLIGATORY MEDICAL INSURANCE

Аннотация: в данной статье рассмотрены договоры обязательного медицинского страхования, в том числе их правовая основа и структура. Проведен анализ указанных договоров с точки зрения их правовой природы и проблем при заключении и реализации. Выявлены предмет и особенности услуг, оказываемых в рамках договоров о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования и проблемы договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию.

Summary: the contracts of obligatory medical insurance, including their legal basis and structure are considered in this article. The analysis of the specified contracts from the point of view of their legal nature and problems at the conclusion and realization is carried out. The subject and features of the services rendered within contracts on financial security of obligatory medical insurance and a problem of the contract for rendering and payment of medical care on obligatory medical insurance are revealed.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, услуга, социальная защита, договор, существенные условия, норматив, санкции, структура договора, типовая форма договора.

Key words: the compulsory health insurance, the service, the social protection, the contract, the essential conditions, the regulation, the sanctions, the contract structure, the standard contract form.

Обязательное медицинское страхование – это одна из двух систем медицинского страхования, действующих в России.

Эта система, по сути, является государственной системой социальной защиты интересов российских граждан в сфере охраны их здоровья, целью которой является обеспечение всем людям с российским гражданством возможности приобретения медицинского помощи за счет страховых средств.

Источником исполнения указанных обязательств по страхованию являются средства от трудоустроенных граждан, которые формируют бюджет для оплаты медицинского персонала и медикаментов.

В основе правового регулирования отношений в сфере обязательного медицинского страхования лежит основной закон государства – Конституция, статья 41 которой определяет, что медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений [1].

Правовые основы гражданско-правовых отношений в сфере обязательного медицинского страхования заложены также в Федеральном законе от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], согласно которому обязательное медицинское страхование является государственной мерой, гарантирующей обеспечение социальной защищенности граждан в случае утраты здоровья.

Гражданско-правовые отношения в системе обязательного социального страхования, правовое положение субъектов обязательного социального страхования, основания возникновения и порядок осуществления их прав и обязанностей, ответственность субъектов обязательного социального страхования, а также основы государственного регулирования обязательного социального страхования определены в Федеральном законе от 16 июля 1999 года № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» [3].

Отношения, связанные с обязательным медицинским страхованием, регулируются также иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Основные гражданско-правовые аспекты обязательного медицинского страхования урегулированы Федеральным законом от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [4].

Согласно главе 8 указанного правового акта в систему договоров в сфере обязательного медицинского страхования включены договор о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования и договор на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию.

Именно эти договоры являются правовыми основаниями для реализации застрахованным лицом

своего права на бесплатное получение медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию.

По договору о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования страховая медицинская организация обязуется оплатить медицинскую помощь, оказанную застрахованным лицам в соответствии с условиями, установленными территориальной программой обязательного медицинского страхования, за счет целевых средств.

В структуру такого рода договоров в обязательном порядке должны быть включены разделы об обязанностях и правах страховой медицинской организации, обязанностях территориального фонда.

Кроме того, установлены основания предоставления или отказа в предоставлении средств в адрес медицинской организации из ресурсов территориального фонда и порядок такого рода взаимоотношений.

Договор также должен содержать обязательство участников расходовать средства в рамках целевого назначения. За нарушение указанного принципа договорные отношения должны определять ответственность сторон (штрафные санкции, обязанность возврата).

При этом, перечень нарушений договорных обязательств устанавливается правилами обязательного медицинского страхования [6], тогда как Перечень санкций за нарушения договорных обязательств [7] устанавливается напрямую договором о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования.

Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» определяет также особенности прекращения договора о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования, последствия преждевременного расторжения и порядок передачи средств, не выплаченных участниками страховых отношений в рамках обязательств по указанному договору [4].

В структуру типовой формы договора о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования включены следующие разделы: предмет договора, обязанности и права сторон, их ответственность, срок действия договора и порядок его прекращения, расторжения, прочие условия, реквизиты и подписи сторон.

Важно отметить, что показатели деятельности страховой медицинской организации в субъекте Российской Федерации, объемы медицинской помощи, установленные по территориальной программе обязательного медицинского страхования на соответствующий календарный период, перечень санкций за нарушения договорных обязательств по договору установлены в качестве приложений к указанному договору (соответственно под номерами 1, 2 и 3).

Первые два приложения являются основой (базой) для расчета норматива финансового обеспечения расходов на ведение дела по обязательному медицинскому страхованию, а третье – устанавливает

виды нарушений и санкции, применяемые в случае их выявления.

По договору на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию стороны берут не себя обязательства по оказанию медицинской помощи лицу, которое застраховано в рамках ОМС в пределах средств, предусмотренных территориальной программой ОМС (медицинская организация) и оплате этой медицинской помощи (страховая медицинская организация).

Существенными условиями такого рода договоров являются обязанности медицинской организации и страховой медицинской организации, особенности оплаты предоставленной медицинской помощи, ответственность за неоказание, несвоевременное оказание или оказание медицинской помощи ненадлежащего качества, за нецелевое использование выделенных средств.

Форма типового договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию также как и договора о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования возложена на федеральный орган исполнительной власти по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по нормативно-правовому регулированию в сфере страховой деятельности.

При этом для обязательного медицинского страхования размер интереса или его величину оценить не представляется возможным. Страховщики для решения указанной проблемы устанавливают размер страховой суммы, которая напрямую зависит от количества страховых премий и их размеров.

В рамках договорных отношений по обязательному медицинскому страхованию одной из сторон соглашения становится Фонд социального страхования, куда уплачивается 3,6% с заработной платы трудоустроенного человека. Другой стороной становится заявитель, у которого имеются проблемы со здоровьем.

Стороной договора являются страховщики: все лица, которые производят выплаты вознаграждения физическим лицам; компании; индивидуальные предприниматели, физические лица, кто не признан в статусе индивидуального предпринимателя; и предприниматель, который занимается частной практикой.

У договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию есть некоторые черты как договора возмездного оказания услуг, а именно те, которые описывают возмездность при оказании медицинской услуги, так и признаки договора страхования.

Такого рода договор должен быть заключен при условии наличия договора о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования. Кроме того, расходы на его исполнение должны быть в пределах программы обязательного медицинского страхования. Также в нем должны содержаться сведения о застрахованных лицах, перечень оказываемых услуг и иные установленные законом

условия, которые пересекаются с условиями договора личного страхования, установленные в ст. 942 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [5].

Таким образом, ввиду выявления признаков и договора оказания услуг и договора страхования договор на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию можно отнести к смешанным договорам.

При регулировании отдельных его характеристик следует руководствоваться соответственно гл. 39 Гражданского кодекса Российской Федерации (в части оказания услуг) и гл. 48 ГК РФ (в части страхования) [8].

При этом нормы ГК РФ применяются к данному договору в качестве общих норм постольку, поскольку не противоречат Закону об обязательном медицинском страховании.

Кроме этого, договор на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию относится и к договорам в пользу третьего лица.

Этот вывод напрашивается исходя из нормы ст. 430 ГК РФ, согласно которой устанавливается обязанность исполнять обязательства по договорам в пользу третьих лиц, а также требовать их качественного исполнения.

Следует отметить, что в судебной практике были попытки отнести договор ОМС к категории тех, что содержат элементы договора в пользу третьих лиц со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями. В частности, такими, как невозможность одностороннего отказа от исполнения договора и, как следствие, невозможность одностороннего расторжения. Апелляционный суд в своем постановлении сделал вывод, что рассматриваемый договор является смешанным, так как содержит элементы договора возмездного оказания услуг и договора, заключенного в пользу третьего лица.

Наличие последних не позволяет страховщику в соответствии с п. 2 ст. 430 ГК РФ без согласия третьего лица (гражданина) расторгнуть договор, если иное не предусмотрено им, законом или другими правовыми актами. Суд кассационной инстанции, отменяя постановление апелляционного суда, указал, что по своей правовой природе заключенный сторонами договор с учетом его наименования, содержания и смысла в целом является договором возмездного оказания услуг (медицинских услуг), правоотношения по которому регулируются нормами гл. 39 ГК РФ (п. 2 ст. 779 ГК РФ).

Анализ норм, регулирующих обязательное медицинское страхование, показывает, что после заключения договора со страховщиком медицинское учреждение как субъект системы медицинского страхования, тем не менее, не является участником договора страхования. Напротив, предметом договора является оказание медицинских услуг (медицинская помощь), соответственно, рассматриваемый договор регулируется положениями гл. 39 ГК РФ.

Таким образом, при разрешении споров, связанных с исполнением, изменением и расторжением договора ОМС, необходимо применять нормы о возмездном оказании услуг в корреспонденции с нормами об ОМС.

По своей сути такого рода договор является договором оказания медицинских услуг. Медицинская услуга характеризуется следующими признаками:

- объект воздействия – здоровье и жизнь пациента;
- высокие требования к качеству ввиду отнесения медицинской услуги к числу профессиональных;
- факторы, оказывающие влияние на качество услуги: квалификация врача, оборудование;
- как вещь результат не появляется, услуга потребляется (принимается и оказывается) в результате ее предоставления;
- своеобразии оценки результата: даже летальный исход при оказании медицинской услуги не всегда показатель качества ее предоставления [9].

ГК РФ устанавливает принцип свободы договора. Однако, заключение договоров в рамках обязательного медицинского страхования носит императивный характер, что по своей сути означает исключение из общего правила о свободе договора. То есть, участники гражданско-правовых взаимоотношений (территориальные фонды ОМС, страховые медицинские организации, медорганизации, участвующие в реализации территориальной программы обязательного медицинского страхования по обязательному медицинскому страхованию) обязаны заключить установленные законом договоры.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках

к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) / Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2017) / Российская газета, № 263, 23.11.2011.

3. Об основах обязательного социального страхования: Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ (ред. от 03.07.2016) / «Собрание законодательства РФ», 19.07.1999, № 29, ст. 3686.

4. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 28.12.2016) / Российская газета, № 274, 03.12.2010.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) / Российская газета, № 23, 06.02.1996, № 24, 07.02.1996, № 25, 08.02.1996, № 27, 10.02.1996.

6. Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования: Приказ Минздравсоцразвития России от 28.02.2011 № 158н / Российская газета, № 51, 11.03.2011 (ред. от 11.01.2017).

7. Перечень санкций за нарушения договорных обязательств устанавливается договором о финансовом обеспечении обязательного медицинского страхования: Приказ Минздравсоцразвития России от 09.09.2011 № 1030н / Российская газета, № 246, 02.11.2011 (ред. от 16.02.2017).

8. Белозерова О.А. Организационная природа договора на оказание и оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию / Журнал «Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева, 2016. – С. 84-86.

9. Горбунова О.В. Общая характеристика договора оказания медицинских услуг / Журнал «Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева, 2017. - № 4 – С. 36-37.

Smirnova V.O.

PhD student, National Academy of the Security Service of Ukraine

HISTORICAL BACKGROUND OF DEVELOPMENT AND FORMATION OF THE PROCEDURAL STATUS OF A PERSON IN THE CRIMINAL PROCEDURE IN UKRAINE

Abstract: in the paper an overview of the genesis of the procedural status of a person in the criminal procedure of Ukraine is provided, normative and legal regulation of the criminal procedural status of a person during the validity period of various legal documents is analyzed.

Key words: procedural status, criminal procedure, historical background, legislative regulation.

Introduction. The legal status of a person is a system of rights, freedoms and duties, as well as legitimate interests of a person as a subject of law, recognized and guaranteed by the state [1]. In the process of participation in certain procedural activity (criminal, civil, etc.), a person also gets certain procedural status, regulated by the relevant branch of law. Proper determination of the procedural status allows to minimize violation of the rights and legitimate interests of persons involved

in procedural activity. The development of a democratic, rule-of-law state is impossible without a clear procedural consolidation of rights and duties, especially in the criminal process, since here the issues related to the restriction of rights and freedoms of the individual become the most urgent. At the same time, referring to the history, the normative and legal

consolidation of the criminal procedural status of a person has not always been clear and depended on many factors.

Taking into account the above mentioned, the **goal of the paper** is to study the historical background of the development and formation of the procedural status of a person in the criminal procedure in Ukraine.

Analysis of recent research and publications: the problem of a legal status of a person in the criminal procedure, as well as the definition and realization of procedural guarantees of the rights and freedoms of citizens, was the target of research of the following scholars: S. Alpert, O. Belkova, T. Varfolomeeva, V. Galagan, M. Goshovsky, Y. Groshevyi, O. Zelenina, N. Karpov, N. Klymenko, O. Kuchinska, E. Lukianchikov, R. Nazarenko, M. Nikonenko, V. Nor, M. Pogoretsky, V. Tertyschnik, O. Shilo, M. Shumilo and others, whose scientific works became the basis for the study of the procedural status of a person participating in criminal procedure.

Presentation of the basic material. Scientists point out that almost every nation has experienced a period before the formation of state and law, when the trial and punishment of the law violators was executed by those who believed that they were victims, or by their relatives. With the historical development of society, such kind of struggle against the violation of rights became inadmissible. The transition from private punishment to the state trial in Ukraine was performed gradually. In this regard, the development of the criminal procedure in Ukraine can be divided into the following historical stages [2, 61]:

1. **Judicial procedure of the princely age.** Development of the Old Russian state was characterized by the acquisition of a special jurisdiction by the princely judiciary, which was the most powerful institution at that time. The documentary evidence of this was the Russkaia Pravda – the first legal act of Kievan Rus, that combined the rules of criminal, criminal procedural, criminal-enforcement, civil and civil-procedural law. However, in the Russkaia Pravda, the procedural status of persons who took part in criminal procedure was limited only to instructions concerning the actions they should perform as participants. At that time, the criminal procedure was of an indictment and actionable type, and combined the victim/prosecutor and, as a rule, the investigator in one person. This person defended his rights and freedoms on his own, therefore he supported his legal status himself. Often this person was also responsible for the appearance of the suspect in court. He was also the one to ensure the legal status of the suspect.

2. **Judicial procedure of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth (XV – the first half of the XVII century),** started when the Sudebnik by Grand Prince Kazimir entered into force in 1468. Kazimir borrowed a number of legal provisions from the Russkaia Pravda. However, the development of new social relations on the basis of private property, mostly of the privileged sector of society, determined the need to adopt new acts that would more particularly define the rights and duties of individuals, including those within the administration of justice. Thus, in 1529 the Statute of the Grand Duchy of Lithuania was adopted – it became the first general code of

feudal law. In the first edition of the Statute some general rights of the individual and certain procedural rights were consolidated [3]. The second and third editions of the Statute increasingly extended the scope of the judicial procedure in general, and even contained the articles related to the exercise of the right to defense and the participation of lawyers. Another important achievement of that time was that during the pre-trial investigation in the criminal procedure, the gathering of evidence and the evidentiary process itself became the functions of officials of certain bodies, instead of participants in the process. After the adoption of the Lithuanian Statute in 1588, it became a source of law for all Ukrainian lands and was of utmost authority for many years there [4]. Under this statute, the criminal process was mostly adversarial, and the definition of the legal status of participants remained dependent on their general social status, first of all – property and birth status.

At the same time, the original judicial system and procedure existed in the Zaporizhian Sich, which was the beginning of the Ukrainian nation. The General Cossack Council was the supreme judicial authority. Judicial procedure was carried out in accordance with the rules of customary law, while the most important principle was the equality of all the cossacks before the court. Therefore their legal and procedural status was fundamentally different from the procedural status of the population in other regions of Ukraine.

3. **Judicial procedure of the Hetmanate (the second half of the XVII – the end of the XVIII century.)** After the Hetmanate's integration into Russia in 1654, the procedural norms that were formed during the Cossack era remained in force for a long time on its territory, although their dynamics towards the structural changes of the contemporary society was evident. Further differentiation of society by the property status was obviously reflected in the legal and procedural status of its members. The Lithuanian statute of 1588 also remained in effect.

With the beginning of the XVIII century Russian legal acts were adopted, among them of great importance was the nominal decree by Peter I on November 5, 1723 "On the form of the court." This decree cancelled the inquisitorial court procedure, and the court was recognized as its only possible form [5]. The criminal procedure became more and more inquisitorial. The legal status of the participants was determined by their birth and property status, membership in the administration, other formal features. The prosecutor, defender and court were combined in one person, which determined its procedural status. At the same time, the accused person did not act as a party, and being the subject of criminal procedure was actually deprived of procedural rights. Thus, acquiring a status of an accused already deprived a person of almost all civil rights – to get them back, he had to prove his innocence himself.

While the Hetmanate age was characterized by the principles of legality, the presumption of innocence, permissive rule, openness, the right to defense, in the Russian criminal procedural law, these principles were in most cases not exercised, and the investigative type and closed nature of the process contributed to privacy and exercise of judicial functions by administrative authorities [2, 62].

It also should be mentioned that this period is characterized by the introduction of a new procedural institute – individuals with special knowledge, including translators, as well as specialists in various fields of knowledge, at that time – mostly physicians. Traditionally, doctors were involved in the investigation of criminal offenses as experts to determine the nature of bodily injuries [6]. Besides, there were recorded the first cases of inviting doctors to take part in judicial procedure as experts in the properties of certain substances (poisonous or healing). At that time, the involvement of individuals with special knowledge was not legally formalized and was performed by the order of the supreme authority.

4. The age of the Russian Empire till the Judicial reform of 1864 (the end of the XVIII century – 1864). The criminal procedure became, first of all, an instrument of protecting state interests and was of a definitely repressive nature.

Since the 80's of the XVIII century the system of judicial procedure of the Russian Empire had been finally established in Ukraine. In 1842 the norms of the all-Russian criminal procedural legislature came into force on the whole territory of Ukraine, which was part of the Russian Empire, in particular, the Code of Laws of the Russian Empire, adopted in 1835. In this law the procedure of crime detection, investigation and legal procedure were defined. Criminal procedural law became an independent branch of law [7, 68]. The criminal procedure was divided into 3 parts: preliminary investigation, trial and execution of judgment. The investigation was performed by the police, whose officers received a special legal status as the subjects of this activity. The criminal procedure was inquisitorial, and the main task of the court was to force the accused person to confess to the crime. The court had no right to question witnesses, and the testimony received during the investigation process was accepted as a basis for the decision in the matter. There was no defense, and the judicial investigation was closed.

Therefore, police investigators had the highest legal status in comparison with the accused person, whose rights were significantly curtailed. Court proceedings were mostly of a formal character. Testimony of witnesses was obtained at the stage of pre-trial investigation, after that their participation in the criminal procedure came to an end.

5. The age of the Russian Empire after the Judicial reform of 1864 (1864-1917) is characterized by a new model of the criminal procedure, built on the principles of transparency, oral proceedings, adversarial system, equality of parties and presumption of innocence.

The Statute of the Criminal Procedure, adopted in 1864, established certain rights and duties of persons involved in the preliminary investigation, and also introduced certain definitions of officials, court investigators, police officers, prosecutors and defendants. However their powers were not clearly outlined and differentiated [8, 142].

The Statute contained the provisions of the Code of the Laws of the Russian Empire on persons with a special knowledge: "doctors, pharmacists, professors, teachers, technicians, artists, artisans, financiers and those who have a big experience and a profound knowledge in any sphere".

6. The age of the Ukrainian Central Rada, the Ukrainian state under P. Skoropadsky and the Directory (1917-1920). The procedural legislation of this time was based on the basic principles of legal proceedings typical for a democratic society: promoting legitimacy, openness, establishing the truth in a matter, inviolability of a person, presumption of innocence of a person being under investigation, absence of birth or national privileges, observance of publicity and oral proceedings, compulsory preliminary investigation in criminal cases, granting the right to administer justice only to the authorized judicial authorities, the equality of all participants in the judicial procedure before the judicial authorities and binding nature of court judgments. In the legal system, the adversarial principle was used.

7. The age of the Union of Soviet Socialist Republics (hereinafter – the USSR) (1921-1991), the main feature of which was the dependence of the judicial authorities on the party bodies, rigid centralism, the subordinate status of the judicial procedure in relation to the executive authorities. The criminal procedural law did not provide adequate legal guarantees of the rights of the individual and often contradicted with the practice of the criminal procedure.

During 1922-1924 in the Ukrainian Soviet Socialist Republic (hereinafter – Ukrainian SSR), the codification of the law, including the criminal procedural law, took place. The First Code of Criminal Procedure (hereinafter referred to as the CPC) of the Ukrainian SSR was adopted by the All-Ukrainian Central Executive Committee on September 13, 1922. It was a comprehensive legislative act regulating criminal procedure within pre-trial investigation bodies and courts and defining the powers of the prosecutor offices at all stages of the criminal procedure. Among the participants in the criminal procedure were: accused person(s), witnesses, experts, translators and investigators who had their procedural rights. This normative and legal act proclaimed such democratic principles as: publicity, oral proceedings and directness of the court proceeding, its adversariality; court proceeding in the language of the majority of population with the right to have translator for those who do not speak this language; equality of the parties; the right to defense for the accused.

In 1924, the Union authorities adopted the Fundamentals of Criminal Proceedings of the Ukrainian SSR and the Union Republics, which led to the necessity to harmonize the laws of the Ukrainian SSR on criminal justice with all-Union laws. In 1927 the CPC of the Ukrainian SSR was adopted, with many articles remaining since CPC of the Ukrainian SSR, 1922. However, the new Code extended the rights of investigators and prosecutors to close criminal cases in the absence of the event of a crime. The Code contained provisions that directly contradicted the legal norms. Thus, the investigators were forbidden to refuse to accept a case for the criminal procedure or to close it because there was no punishment for a socially dangerous act in the Criminal Code of the Ukrainian SSR.

Subsequently, in 1927, the CPC of the Ukrainian SSR was significantly amended. There were contradictions between the various rules of procedural law that acted at the all-union and republican levels, as well as between them and the constitutions of the Ukrainian

SSR and the USSR. Call of the times was a radical update of the criminal procedural law, which took place with the adoption of the Criminal Procedure Code of the USSR in 1958 and subsequent adoption of the codes of Union republics on its basis.

The CPC of the Ukrainian SSR was adopted on December 28, 1960, and was brought into force on April 1, 1961. In the Code the requirements for the inquiry bodies, investigators, prosecutors and the court were introduced. They were: to identify, in the course of proceedings, the causes and conditions that contributed to the commission of the crime and to take measures to eliminate them. The public participation in crime prevention was broadened, in particular, by involving people into the court proceedings as people's assessors, public prosecutors and public defenders. The rights of the accused and their defense were substantially expanded, namely the latter one was allowed to participate in the preliminary investigation. The rights of the affected party and other participants in the criminal procedure were also expanded [9]. Thus, the institute of procedural status of participants in the criminal procedure was restructured and substantially expanded. The process has gained prominent signs of adversariality and openness.

8. *Age of modern Ukrainian nationhood (1991 – till present)*. Since 1991, due to the changes in public life of the country, the issue of ensuring the equality of procedural rights of the parties in proving has been raised, which, in turn, proved the need to reform the Bar Association. This problem is characterized as a "problem of adversariality" in criminal procedure. The concept of judicial reform in Ukraine [10] indicated that "the courts did not always effectively protect the rights and freedoms of population, operated as an important tool of the command and administration system and were forced to exercise its will. The court had no authority, while the authorities used the court uncontrollably". In this view, there was made a conclusion that "judicial reform should bring the judicial system, as well as all branches of law in line with the socio-economic and political changes that occur in society."

Substantial changes were also made to the procedural status of special participants in the procedure. Thus, the law "On the Bar", December 19, 1992 and then the law adopted on June 21, 2001 significantly expanded the rights of a lawyer in criminal procedure. The priority tasks of criminal procedure include the protection of the rights and legitimate interests of individuals and legal entities that participate in it.

At the same time, the procedural control of the court over the bodies of pre-trial investigation and inquiry was enhanced. A norm of law that obliges in a case of person's detention to notify his/her family or other relatives, was introduced which substantially increased the transparency of the procedure and created additional opportunities for the protection of personal rights. It became possible to challenge the decision of the investigator, the inquiry authority, the prosecutor concerning the refusal to initiate or to close the criminal case, which affected the legal status of both these individuals as well as other participants in the procedure.

Conclusions. The analysis of historical documents showed that the grounds and procedural order of determining the status of participants in criminal procedure have gone a long way of formation and development. Initially, the legislators at different times did not pay enough attention to this issue, which led to a mismatch between the actual situation and the status of a person. Property and social status of a person was crucial in determining his procedural status in criminal procedure. However, evolutionary processes, development of a democratic and rule-of-law state, the integration of national legislation into the European legal framework has led to the harmonization of Ukrainian criminal procedural legislation with the call of the times and the requirements of social and legal relations.

However, this process is not complete. With the development of society and legal science there will be further changes aimed at specifying and determining the extent of the rights of such persons, since the historical retrospective indicates that such progress is not permanent and only time determines the duration of new procedural rules and provisions.

References

1. The great legal dictionary / ed. A. Y. Sukhareva. – M. : INFRA-M, 2007. – 525 p.
2. Stetsyuk B. R. Stages of the development of the criminal procedure in Ukraine (historical and legal aspect) / B. R. Stetsyuk // Implementation of the new Code of criminal procedure of Ukraine in law enforcement and educational process: experience and ways of improvement: provisions of scientific and practical conference, (Kharkiv, April 5, 2013) Ministry of Internal Affairs of Ukraine, Kharkiv National University of Internal Affairs. – K. : KNUUA, 2013. – P. 61-64.
3. Statute of the Grand Duchy of Lithuania / ed. K. I. Yablonsky. – Minsk : Academy of Sciences of the BSSR, 1960. – 253 pp.
4. Usenko I. Lithuanian statutes / I. Usenko, V. Chekhovich // Ukrainian state-building: unclaimed potential : glossary / ed. O. Mironenko. – K. : Lybid, 1997. – 271 p.
5. Russian legislation of the X-XX century : in 9 vol. Vol. 4 : Legislation of the period of absolutism. – M. : Yurid. lit., 1986. – 512 p.
6. Krylov I.F. Forensic examination in the criminal procedure / I.F. Krylov. – Leningrad : LSU, 1963. – 213 p.
7. Tertishnik V.M. Criminal procedural law in Ukraine : textbook. / V. Tertyshnik. – K. : A.S.K., 2003. – 1120 p.
8. Cheltsov-Bebutov M.A. Series of criminal procedure law. Essays on the history of the court procedure and the criminal process in the slave-owning, feudal and bourgeois states / M.A. Cheltsov-Bebutov. – St. Petersburg : Ravena, Alfa, 1995. – 846 p.
9. Soviet criminal procedure / ed. M. I. Bazhanov, Yu. M. Groshevoy. – K. : Vyshcha shkola, 1993. – 439 p.
10. On the Concept of judicial and legal reform in Ukraine: resolution of the Verkhovna Rada of Ukraine, 28.04.1992 №. 2296-XII // Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine. – 1992. – № 30.

*Subbotina O.M.**associate Professor of management and organization of UIS
(Academy of the Federal penitentiary service of Russia) candidate of juridical Sciences**Субботина Оксана Михайловна**доцент кафедры управления и организации деятельности УИС
(Академия ФСИН России) кандидат юридических наук*

**INTERNATIONAL ASPECTS OF REGULATION OF THE LEGAL STATUS OF CONVICTED
FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS**
**МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ
ОСУЖДЕННЫХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА**

Abstract: the Subject of the article is international aspects of regulation of the legal status of convicted foreign citizens and stateless persons. The author analyzes the norms of international law concerning the execution of punishment in the form of deprivation of liberty in respect of convicts who are foreign citizens or stateless persons.

Key words: convicted foreign citizens; ensuring protection of the rights and legitimate interests of convicted foreign citizens; regulation of the legal status of convicted foreign citizens and stateless persons.

Аннотация: Предмет статьи составляют международные аспекты регулирования правового положения осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства. Автором проведен анализ норм международного права, касающихся исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства.

Ключевые слова: осужденные иностранные граждане; обеспечение защиты прав и законных интересов осужденных иностранных граждан; регулирование правового положения осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства.

Расширение и углубление международных связей в современном мире усиливающиеся миграционные процессы вызвали увеличение количества иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих в Российскую Федерацию, что негативно сказывается на динамике и структуре преступности, формируемой данной категорией лиц. В связи с этим возникла необходимость приведения национального законодательства, касающегося вопросов правового регулирования и организации исполнения наказаний в отношении осужденных, являющихся гражданами других стран, в соответствие с мировыми стандартами охраны и защиты личности осужденных, сочетающими законность и справедливость с принципами гуманизма и уважения, прав человека и гражданина.

Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства, основываются на общепризнанных нормах международного права. Согласно указанным нормам после пересечения государственной границы Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства полностью попадают под юрисдикцию страны пребывания, за некоторыми исключениями (речь идет, прежде всего, о лицах, пользующихся дипломатическими и консульскими иммунитетами и привилегиями, то есть не попадающих под юрисдикцию Российской Федерации). В частности, вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права (ч. 4 ст. 11 УК РФ).

В международном праве есть несколько групп норм и соответственно уровней регулирования правового положения осужденных, отбывающих наказание за пределами своей страны, в том числе лиц без гражданства, которые находятся под прямой опекой некоторых международных межправительственных и общественных организаций.

Первая группа – это нормы обязательного характера, содержащиеся в договорах, заключенных и ратифицированных Россией; вторая группа – наиболее многочисленная, она содержит рекомендательные нормы по исполнению уголовных наказаний, которые характеризуются двояко: одни нормы-рекомендации адресованы всем осужденным, отбывающим лишение свободы, и на общих началах распространяются и на иностранных граждан, другие определяют исходные принципы, касающиеся только осужденных-иностранцев, отбывающих наказания в других государствах; третья группа, которая, пожалуй, самая малочисленная, ориентирована на исполнение наказаний в отношении отдельных конкретизированных групп осужденных-иностранцев.

Следует отметить, что хотя осужденные-иностранцы имеют права наравне с гражданами Российской Федерации, в то же время ряд международных документов предполагают их защиту в силу особого правового статуса, то есть необходимость создания системы гарантий прав иностранных граждан, которые обеспечивали бы их соблюдение не только в процессе исполнения лишения свободы, но и при освобождении, депортации в страну постоянного проживания и т.д.

Международные нормы осужденных-иностранцев относят к группе уязвимых осужденных в тюрьмах, приравнивая их к женщинам, несовершеннолетним и т.д.

шеннолетним, инвалидам и некоторым иным категориям, то есть это такие группы осужденных, которые по своей природе или настоящему положению (возраст, пол, религия, этническая принадлежность, здоровье, язык, гражданство и правовой или политический статус) сталкиваются в местах лишения свободы с риском для своей безопасности или для правового положения, проявляющимся в элементарном нарушении прав, затруднении их реализации по сравнению с другими категориями осужденных.

Осужденные-иностранцы международным сообществом и соответствующими документами рассматриваются как лица, требующие повышенного внимания со стороны персонала. В большинстве европейских государств существуют специальные программы по организации уголовно-исполнительного процесса с осужденными-иностранцами в тюрьмах. Причем это не только программы психологов, но и специальное законодательство, устанавливающие специфику правового статуса этой категории осужденных. Речь в данном случае не идет о том, чтобы создать какую-то особую систему исполнения наказаний в отношении иностранных граждан, вопрос в другом избежать каких-то ограничений прав и законных интересов, которые могут быть обусловлены отсутствием гражданства и соответственно связей с государством в стране отбывания лишения свободы.

В целях недопущения негативных последствий международные документы определяют стандарты исполнения наказаний в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. Принципы исполнения лишения свободы в отношении осужденных-иностранцев в том виде, как они сформированы в международных документах, призваны создать реальную базу для законодательства государств, регулирующего уголовно-исполнительный процесс в отношении осужденных-иностранцев, специфика которого состоит в том, что данная категория осужденных намного сложнее адаптируется в местах лишения свободы по сравнению с гражданами Российской Федерации. Закрепление данной группы принципов в российском законодательстве должно быть ориентировано прежде всего на персонал исправительных учреждений, от которого зависит, насколько осужденные-иностранцы и иные подобные категории смогут реализовать свои права и законные интересы.

Анализ ч. 3 ст. 10 УИК РФ позволяет классифицировать законодательные и иные приравненные к ним акты в сфере правового регулирования исполнения наказаний в виде лишения свободы в отношении осужденных иностранных граждан на следующие группы:

- а) международные конвенции, правила, стандарты, договоры Российской Федерации;
- б) законодательство Российской Федерации о правовом положении иностранных граждан;
- в) уголовный и уголовно-процессуальный законы, регламентирующие особенности их действия

в отношении иностранных граждан, привлечения к уголовной ответственности и исполнению приговора;

г) уголовно-исполнительное законодательство, устанавливающее особый правовой порядок исполнения лишения свободы в отношении осужденных иностранных граждан;

д) иные законодательные и подзаконные нормативные правовые акты, нормы которых регламентируют правовое положение осужденных иностранных граждан;

е) ведомственные нормативные документы, регламентирующие вопросы осуществления уголовно-исполнительного воздействия на осужденных иностранных граждан, содержащихся в исправительных учреждениях.

Остановимся более подробно на первой группе. К ней следует относить Минимальные стандартные правила обращения с заключенными Организации Объединенных Наций 1955 г.; Европейскую конвенцию о выдаче от 13 декабря 1957 г.; Конвенцию о передаче осужденных лиц (1983 г.); Всеобщую декларацию прав человека 1948 г.; Декларацию о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/144 от 13 декабря 1985 г.); Европейскую конвенцию о гражданстве (ETS № 166) от 7 ноября 1997 г.; Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г.; Европейские пенитенциарные правила (2006 г.).

Существенное значение для детализации механизма организации уголовно-исполнительного процесса в отношении осужденных иностранных граждан имеют Московская конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания (1998 г.), которую, в частности, подписали Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, а также иные двусторонние договоры, регулирующие правоотношения в рассматриваемой сфере. Россия заключила такие договоры с Финляндией, Латвией, Азербайджаном, Кипром, Грузией, Туркменистаном, Испанией, Индией, Китаем, Республикой Ангола и другими странами.

Согласно правилу 38 Минимальных стандартных правил обращения с иностранными гражданами, находящимися в заключении, следует обеспечивать разумную возможность поддерживать связь с дипломатическим и консульскими представителями их страны. Заключенные, не являющиеся гражданами стран, которые не имеют дипломатического или консульского представительства в данном государстве, должны иметь возможность поддерживать связь с дипломатическими представителями государства, взявшего на себя охрану их интересов, или же с любым национальным или международным органом, занимающимся их защитой. Во исполнение указанного положения, а также одноименного установления Венской конвенции о консульских отношениях

правило 37 Европейских пенитенциарных правил (ЕПП) в редакции 2006 г. придает большое значение вопросам правовой защиты осужденных иностранных граждан. В частности, «...в интересах находящихся в местах лишения свободы иностранных граждан, имеющих особые потребности, администрация пенитенциарного учреждения сотрудничает с дипломатическим или консульскими должностными лицами, представляющими интересы заключенных». Заключенным, являющимся гражданами иностранных государств, должна представляться конкретная информация о правовой помощи (ч. 4 правила 37 ЕПП). Они информируются о возможности обратиться с прошением об отбытии наказания в другой стране (ч. 5 правила 37 ЕПП). В ч. 3 правила 37 ЕПП признается, что заключенные иностранные граждане могут иметь особые нужды. В некоторых странах данные заключенные имеют право на посещение представителями организаций, которые занимаются вопросами благополучия заключенных иностранных граждан.

Главный принцип приведенных Правил заключается в том, что иностранные граждане нуждаются в дополнительной помощи в случае, если они заключаются в пенитенциарном учреждении государства, не являющегося их собственным. Такая помощь должна оказываться представителем их родного государства. В Комментарий к Европейским пенитенциарным правилам говорится: «Тюремные власти должны помнить о том, что заключенные-иностранцы могут иметь право на перевод в пенитенциарном учреждении на территории своей страны в соответствии с Европейской конвенцией о переводе приговоренных заключенных или в рамках двусторонних соглашений между странами и при этом они обязаны информировать заключенных о наличии у них такой возможности».

В приведенном Комментарий отмечается также, что в большинстве европейских пенитенциарных учреждений значительную часть заключенных составляют иностранные граждане, многие из которых не говорят на языке страны пребывания. Начальник пенитенциарного учреждения и большая часть сотрудников должны говорить на том языке, на котором разговаривает большинство заключенных.

Другой международный документ – Резолюция экономического и социального Совета ООН № 1984/47 от 25 мая 1984 г., одобряющая «Процедуры эффективного выполнения Минимальных стандартных правил, касающихся обращения с заключенными», содержит «Типовое соглашение о передаче заключенных-иностранцев» и «Рекомендации в отношении обращения с заключенными-иностранцами».

Так, согласно указанным Рекомендациям в отношении обращения с заключенными-иностранцами последним предоставляется наравне с заключенными – гражданами данной страны доступ к образованию, работе и профессиональной подготовке.

На заключенных-иностранцев наравне с заключенными – гражданами данной страны распространяются меры, альтернативные тюремному заключению, равно как и право на отпуск из тюрьмы и иные разрешенные формы выхода из тюрьмы.

Заключенные-иностранцы незамедлительно после их помещения в тюрьму информируются на языке, который они понимают, и, как правило, в письменной форме об основных положениях тюремного режима, включая соответствующие правила и нормы.

Рекомендации предписывают уважительное отношение к религиозным предписаниям и обычаям, которых придерживаются заключенные-иностранцы.

Заключенным-иностранцам представляется информация об их праве требовать контакта с их консульскими представителями, а также любую другую соответствующую информацию, касающуюся их статуса. Если заключенный-иностранец желает получить помощь от дипломатического или консульского представителя, об этом следует немедленно сообщить последнему.

Заключенным-иностранцам оказывается должная помощь на языке, который они понимают, при их контактах с медицинским и общим персоналом, а также в таких вопросах, как жалобы, специальные помещения, особое питание, религиозное представительство в консультации.

Рекомендации предусматривают содействие контактам заключенных-иностранцев с их семьями и органами по месту их жительства, предоставляя все необходимые возможности, с согласия заключенного, для посещения и переписки.

Решению проблем, с которыми сталкиваются правонарушители-иностранцы, может в еще большей степени способствовать заключение двусторонних и многосторонних соглашений о надзоре за правонарушителями, осужденными условно или переданными на поруки, а также о помощи им.

Международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»). Они могут заключаться от имени Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации.

Согласно ч. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно, относятся к сфере исполнения наказаний. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты. К признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения поло-

жений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств.

Одним из значимых моментов при исполнении наказаний в виде лишения свободы в отношении осужденных иностранных граждан является их передача государству, гражданами которого они являются. Причем, как отмечалось ранее, имеет место, ежегодно увеличивающееся число таких осужденных, растет количество стран, с которыми Российская Федерация заключила соответствующие договоры.

В указанных договорах конкретизируются и реализуются общие принципы Конвенции о передаче осужденных лиц (Страсбург, 21 марта 1983 г.), Европейских пенитенциарных правил 2006 г. и положения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Конвенция, в частности, устанавливает наличие желания осужденного быть переданным государству исполнения приговора (ч. 2 ст. 2). В ней также закреплено право соответствующей стороны на помилование, амнистию или смягчение наказания в соответствии со своей конституцией или другими законами (ст. 12).

Таким образом, проанализированные международные документы подчеркивают, что наиболее целесообразным с позиций обеспечения правового положения осужденных является их отбывание наказания в государстве, гражданами которого являются. Если же это по каким-либо причинам невозможно, то именно от администрации исправительных учреждений зависит общение с внешним миром данной категории осужденных, то есть вменяется принцип ответственности администрации не только за соблюдение их прав на избрание языка общения, выбор религии, но и за общение с внешним миром и дипломатическими представителями страны гражданства. Поправки законодателя в ст. 73 УИК РФ, которые устраняют принцип отдельного (в специальных учреждениях) отбывания лишения свободы осужденными-иностранцами, привели к смешанному содержанию осужденных-иностранцев с осужденными – гражданами России, что потребует соответствующей подготовки персонала. Помимо знаний, позволяющих организовать исправительный процесс в исправительных учреждениях, они должны иметь и дополнительную подготовку, способствующую эффективному осуществлению исправительного воздействия на осужденных-иностранцев.

Существенным является то, чтобы тюремный персонал понимал, что иностранные заключенные являются уязвимыми, и чтобы определенное время уделялось их адаптации к тюрьме и местным условиям и традициям. Хотя эта проблема, прежде всего юридическая, тюремная администрация должна быть в курсе ситуации, которая

складывается в повседневной жизни между иностранными осужденными и гражданами страны, где исполняется наказание.

Как показывает практика деятельности тюрем многих государств, из-за своей физической, языковой и культурной изоляции такие заключенные наиболее вероятно могут стать жертвами преследований, насилия, сексуальной эксплуатации или сексуальных злоупотреблений со стороны других заключенных и персонала. Из-за своей изоляции и страха – включая боязнь быть депортированными – иностранные заключенные очень часто не хотят жаловаться на плохое обращение в тюрьме. Надо обратить внимание на создание открытой, свободной от угроз атмосферы для всех заключенных, с тем, чтобы там не было места злоупотреблениям.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека // Международные акты о правах человека: Сб. док. / Сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. 2-е изд., доп. – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2002.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Рос. юстиция. – 1998. – № 7.
3. Конвенция ООН о статусе апатридов 1954 г. // Действующее международное право: Избр. док. – М., 2002.
4. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955) // Международные акты о правах человека: Сб. док. / Сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. 2-е изд., доп. – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2002. .
5. Конвенция о передаче осужденных лиц. Страсбург, 21 мая 1983 г. // Сборник конвенций, рекомендаций и резолюций, касающихся пенитенциарных вопросов: Пер. с англ. / Под общ. ред. Ю.И. Калинина. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2008.
6. Декларация прав человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают: Принята резолюцией 4/144 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 1985 г. // Международные акты о правах человека: Сб. док. / Сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. 2-е изд., доп. – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2002.
7. Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания ЕТС № 126 (Страсбург, 26 ноября 1987 г.) // Бюл. междунар. договоров. – 1998. – № 12.
8. Рекомендации в отношении обращения с заключенными-иностранцами // Уголовно-исполнительное право: Сб. нормат. актов / Под ред. П. Г. Пономарева. – М., 1997.
9. 25. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Рос. газ. – 1997.

#2 (30), 2018 część 4
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#2 (30), 2018 part 4
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw,
Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com>